

Вестник Московского университета

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Основан в ноябре 1946 г.

Серия 25 **МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ
И МИРОВАЯ ПОЛИТИКА**

ТОМ 13 • № 4 • 2021 • ОКТЯБРЬ–ДЕКАБРЬ

DOI: 10.48015/2076-7404-2021-13-4

<https://fmp.msu.ru/nauka/vestnik-moskovskogo-universiteta>

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) РФ

Свидетельство о регистрации: ПИ № ФС77-35059 от 23 января 2009 г.

Учредитель: Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

Главный редактор

Кокочиш А.А. — академик РАН, доктор исторических наук, профессор, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Заместитель главного редактора

Юдин Н.В. — кандидат исторических наук, доцент кафедры международных организаций и мировых политических процессов, заместитель директора Центра проблем безопасности и развития при факультете мировой политики МГУ имени М.В. Ломоносова по исследованиям и разработкам, Москва, Россия

Члены редколлегии

Бабьшина Л.О. — кандидат политических наук, ведущий научный сотрудник, руководитель Центра политической интеграции Института Европы РАН, Москва, Россия

Барсенков А.С. — доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник кафедры международных организаций и мировых политических процессов факультета мировой политики МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Бартнев В.И. — кандидат исторических наук, доцент кафедры международных организаций и мировых политических процессов, директор Центра проблем безопасности и развития при факультете мировой политики МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Белокрешицкий В.Я. — доктор исторических наук, профессор, руководитель Центра изучения стран Ближнего и Среднего Востока, заместитель председателя ученого совета Института востоковедения РАН, Москва, Россия

Глазунова Е.Н. — кандидат исторических наук, лектор, Университет Калифорнии, Ирвайн, США

Звягельская И.Д. — доктор исторических наук, профессор, заведующая сектором ближневосточных исследований ИМЭМО РАН, главный научный сотрудник Центра арабских и исламских исследований Института востоковедения РАН, профессор кафедры востоковедения МГИМО МИД РФ, Москва, Россия

Кузнецов В.А. — кандидат исторических наук, руководитель Центра арабских и исламских исследований Института востоковедения РАН, Москва, Россия

Панов А.Н. — Чрезвычайный и Полномочный Посол Российской Федерации, доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой дипломатии МГИМО МИД РФ, главный научный сотрудник Института США и Канады РАН, Москва, Россия

Потёмкина О.Ю. — доктор политических наук, заведующая отделом исследований европейской интеграции Института Европы РАН, Москва, Россия

Прохоренко И.Л. — доктор политических наук, заведующая сектором международных организаций и глобального политического регулирования ИМЭМО РАН, Москва, Россия

Рыхтик М.И. — доктор политических наук, директор Института международных отношений и мировой истории ННГУ имени Н.И. Лобачевского, профессор РАН, Нижний Новгород, Россия

Сергушин А.А. — доктор политических наук, профессор кафедры теории и истории международных отношений факультета международных отношений СПбГУ, Санкт-Петербург, Россия; профессор кафедры мировых политических процессов МГИМО МИД РФ, Москва, Россия

Сидоров А.А. — кандидат исторических наук, декан факультета мировой политики МГУ имени М.В. Ломоносова, заведующий кафедрой международных организаций и мировых политических процессов факультета мировой политики МГУ, доцент кафедры новой и новейшей истории исторического факультета МГУ, Москва, Россия

Степанова Е.А. — доктор политических наук, руководитель Группы по исследованию проблем мира и конфликтов ИМЭМО РАН, профессор РАН, Москва, Россия

Фененко А.В. — доктор политических наук, доцент кафедры международной безопасности факультета мировой политики МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Хахалкина Е.В. — доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры новой и новейшей истории и международных отношений факультета исторических и политических наук Томского государственного университета, Томск, Россия

Яковлев А.И. — доктор исторических наук, профессор кафедры региональных проблем мировой политики факультета мировой политики МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Редактор

Малеванная Е.А.

Moscow University Bulletin of World Politics

Vol. 13 • No. 4 • FALL • 2021

DOI: 10.48015/2076-7404-2021-13-4

<https://fmp.msu.ru/nauka/vestnik-moskovskogo-universiteta>

Founded in 2009

Founder: LOMONOSOV MOSCOW STATE UNIVERSITY

Editor-in-Chief

Andrei A. Kokoshin — Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Sciences (History), Professor, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Deputy Editor-in-Chief

Nikolay V. Yudin — PhD (History), Associate Professor at the Chair of International Organizations and World Political Processes, Deputy Director of the Center for Security and Development Studies at the School of World Politics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Editorial Board

Lyudmila O. Babynina — PhD (Political Science), Leading Research Fellow, Head of the Center for Political Integration, Institute of Europe, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Aleksandr S. Barsenkov — Doctor of Sciences (History), Senior Research Fellow at the Chair of International Organizations and World Political Processes, School of World Politics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Vladimir I. Bartenev — PhD (History), Associate Professor at the Chair of International Organizations and World Political Processes; Director of the Center for Security and Development Studies at the School of World Politics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Vyacheslav Y. Belokrenitsky — Doctor of Sciences (History), Professor, Head of the Center for Middle East Studies, Deputy Head of the Academic Council, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Elena N. Glazunova — PhD (History), Lecturer at the University of California, Irvine, United States

Irina D. Zvyagelskaya — Doctor of Sciences (History), Professor, Head of the Middle East Research Center, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences; Chief Research Fellow at the Center for Arab and Islamic Studies, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Vasilii A. Kuznetsov — PhD (History), Head of the Center for Arab and Islamic Studies, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Aleksandr N. Panov — Ambassador Extraordinary and Plenipotentiary of the Russian Federation, Doctor of Sciences (Political Science), Professor, Head of the School of Diplomacy, MGIMO University; Leading Research Fellow, Institute for US and Canadian Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Olga Yu. Potemkina — Doctor of Sciences (Political Science), Head of the Department of European Integration Studies, Institute of Europe, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Irina L. Prokhorenko — Doctor of Sciences (Political Science), Head of the Sector of International Organizations and Global Political Governance, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Mikhail I. Rykhtik — Doctor of Sciences (Political Science), Director of the Institute of International Studies and World History, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Professor of the Russian Academy of Sciences, Nizhny Novgorod, Russia

Aleksandr A. Sergunin — Doctor of Sciences (Political Science), Professor at the Chair of International Relations Theory and History, School of International Relations, St. Petersburg State University; Professor at the Chair of World Politics, School of Governance and Politics, MGIMO University, Moscow, Russia

Andrei A. Sidorov — PhD (History), Dean of the School of World Politics, Associate Professor at the Chair of Modern and Contemporary History, School of History, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Ekaterina A. Stepanova — Doctor of Sciences (Political Science), Head of the Group on Peace and Conflict Studies at the Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences, Professor of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Aleksei V. Fenenko — Doctor of Sciences (Political Science), Associate Professor at the Chair of International Security, School of World Politics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Elena V. Khakhalkina — Doctor of Sciences (History), Associate Professor at the Chair of Modern and Contemporary History and International Relations, School of History and Political Studies, National Research Tomsk State University, Tomsk, Russia

Aleksandr I. Yakovlev — Doctor of Sciences (History), Professor at the Chair of Regional Issues of World Politics, School of World Politics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Editor

Ekaterina A. Malevannaya

«ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА. СЕРИЯ XXV. МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И МИРОВАЯ ПОЛИТИКА»

ISSN 2076-7404

Периодичность — четыре выпуска в год

Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий ВАК Министерства образования и науки РФ (по научным специальностям: 07.00.15 — История международных отношений и внешней политики (исторические науки); 23.00.04 — Политические проблемы международных отношений, глобального и регионального развития (политические науки); 23.00.02 — Политические институты, процессы и технологии (политические науки)) и Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).

Цель и тематика

XXV серия «Вестника Московского университета» была учреждена на базе факультета мировой политики МГУ имени М.В. Ломоносова в 2009 г. для содействия профессиональному обмену идеями между специалистами из МГУ и других отечественных и зарубежных центров международно-политической науки. В последующие 10 лет благодаря непрерывному интенсивному научному диалогу с авторами и рецензентами удалось не только сформировать узнаваемый стиль серии, но и конкретизировать миссию и нишу журнала в системе периодических изданий по проблемам международных отношений. Журнал «Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика» преследует двойную цель. С одной стороны, он призван стать интеллектуальной площадкой для последовательного, системного представления взглядов российских ученых-международников по широкому кругу проблем современной мировой политики и истории международных отношений. В связи с этим редакция особенно заинтересована в комплексном освещении результатов научной работы ведущих российских исследовательских центров, школ и лабораторий, для чего предусмотрены как специальная рубрика «Тема в фокусе», так и возможность подготовки отдельных тематических выпусков. С другой стороны, журнал приглашает к публикации зарубежных экспертов, специализирующихся на изучении истории и современной роли России в системе международных отношений.

Целевой аудиторией журнала являются ученые-международники, политологи и преподаватели высших учебных заведений, а также студенты и аспиранты профильных вузов.

В журнале публикуются оригинальные научные статьи, экспертные комментарии непосредственных участников мирополитического процесса и рецензии на новейшие исследования в области международных отношений и мировой политики. Тематика журнала представлена следующими ключевыми направлениями: теория международных отношений; международная безопасность; политэкономия международных отношений; мировые интеграционные процессы; проблемы комплексного регионоведения; история международных отношений; внешняя политика России и стран СНГ; содействие международному развитию.

Адрес редакции

119991, Москва, ГСП-1, Ленинские горы, 1-й учебный корпус гуманитарных факультетов, факультет мировой политики, к. 601

Тел. 8 (495) 939-52-71. E-mail: vestnik.fmp@fmp.msu.ru

Подписано в печать 31.12.2021. Формат 60×90/16. Бумага офсетная. Усл. печ. л. 13,0

Уч.-изд. л. 11,3. Тираж экз. Цена свободная. Изд. № 11817. Заказ №

Издательство Московского университета

119991, Москва, ГСП-1, Ленинские горы, д. 1, стр. 15 (ул. Академика Хохлова, 11)

Тел.: 8 (495) 939-32-91. E-mail: secretary@msupress.com

Отдел реализации: тел.: 8 (495) 939-33-23, e-mail: zakaz@msupress.com

Сайт Издательства МГУ: <http://msupress.com>

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами в ООО «Амирит»

410004, г. Саратов, ул. Чернышевского, 88. Тел.: 8-800-700-86-33 | (845-2) 24-86-33

E-mail: zakaz@amirit.ru Сайт: amirit.ru

© Издательство Московского университета.
«Вестник Московского университета», 2021

MOSCOW UNIVERSITY BULLETIN OF WORLD POLITICS

ISSN 2076-7404

QUARTERLY

A peer-reviewed scholarly journal on international relations and world politics

Aims and Scope

Moscow University Bulletin of World Politics was established at the School of World Politics, Lomonosov Moscow State University, in 2009. It was aimed at promoting professional and open exchange of views among international relations experts from Lomonosov Moscow State University and other leading Russian centers for IR studies. Through the constant and intensive dialogue with our authors and reviewers during the following 10 years the editorial board has managed not only to develop a unique and recognizable journal identity but also to specify its aims and niche within the system of peer-reviewed journals on international relations. Moscow University Bulletin of World Politics pursues a two-folded aim. On the one hand it aims to promote in a systematic and comprehensive manner the views of the Russian IR experts on both the history of international relations and current issues of world politics. To this end the editorial board is primarily focused on highlighting the research findings of the leading Russian think-tanks, research centers and laboratories under the rubric 'Focal Point' or within special thematic issues of the Journal. On the other hand, the Journal welcomes the submissions from foreign scholars specializing in the study of history and contemporary role of Russia in the system of international relations.

The target audience of the Journal includes international researchers, political scientists, teachers, post-graduate students and students of higher education institutions.

The Journal publishes original researches, but also expert commentaries from Russian foreign policy-makers, educational materials as well as review essays and reviews of the latest works in international relations. The Journal covers the following thematic areas: theory of international relations, international security, international political economy, international integration, regional issues of world politics, history of international relations, foreign policy of the Russian Federation and the Post-Soviet states, international development cooperation, and public diplomacy.

Address of the Editorial Board

School of World Politics, 1/51 Leninskie gory, Moscow, Russia, 119991

Phone: +7 495 939 52 71

E-mail: vestnik.fmp@fmp.msu.ru

Printing run 000 copies. Open price

Publisher

Moscow University Press

11 Akademika Khokhlova str., Moscow, Russia, 119991

E-mail: secretary@msupress.com

Web: <https://msupress.com/>

Printed at

OOO 'Amirit'

88 Chernyshevskogo str., Saratov, Russia, 410004

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Международные отношения на постсоветском пространстве

- П р и т ч и н С.А. В зеркале транзитологии: особенности процессов смены власти в странах Центральной Азии и Южного Кавказа 7
- К о к о ш и н а З.А. Военно-политическая обстановка в Центральной Азии в контексте обострения ситуации в Афганистане 43
- М а л ы ш е в Д.В. Шанхайская организация сотрудничества и ее роль в системе современных международных отношений (к 20-летию создания ШОС) 81

Региональные проблемы мировой политики

- М е л к у м я н Е.С. Изменение подходов Совета сотрудничества арабских государств Залива к проблемам безопасности после «арабской весны». 105
- К о с а ч Г.Г. Во имя национальных интересов: внешняя политика Саудовской Аравии после «арабской весны» 131

«Мягкая сила» в мировой политике

- М а р ч у к о в А.Н. Цифровая дипломатия Швеции: в поисках диалога 162

Международная безопасность

- Л и п о в а А.Ю. Машина против человека: дискуссии в экспертном сообществе вокруг смертоносных автономных систем 182
- Указатель статей и материалов, опубликованных в журнале «Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика» в 2021 г. 205*

CONTENTS

International Relations in the Post-Soviet Space

- Pritch in S.A. In the Mirror of Transitology: The Politics of Power
Alternaion in the Caucasus and Central Asia 7
- Kokoshina Z.A. The Military-Political Situation in Central Asia in
the Context of the Growing Instability in Afghanistan 43
- Malysh ev D.V. The Shanghai Cooperation Organization and its Role
in the Contemporary System of International Relations (On the 20th
Anniversary of the SCO) 81

Regional Issues of World Politics

- Melkumyan E.S. The Evolution of the Gulf Cooperation Council
Approaches to Security Issues after the Arab Spring 105
- Kosach G.G. In the Name of the National Interests: Foreign Policy of
Saudi Arabia after the Arab Spring 131

‘Soft Power’ in World Politics

- Marchukov A.N. In Search of a Dialogue: Digital Diplomacy
of Sweden 162

International Security

- Lipova A.Yu. Man against Machine: Debates in the Expert Commu-
nity on the Lethal Autonomous Systems 182
- Complete List of Papers Published in Moscow University Bulletin of
World Politics in 2021* 205

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ
НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ
INTERNATIONAL RELATIONS
IN THE POST-SOVIET SPACE

DOI: 10.48015/2076-7404-2021-13-4-7-42

Научная статья / Research paper

С.А. Притчин*

**В ЗЕРКАЛЕ ТРАНЗИТОЛОГИИ:
ОСОБЕННОСТИ ПРОЦЕССОВ СМЕНЫ ВЛАСТИ
В СТРАНАХ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ
И ЮЖНОГО КАВКАЗА**

*Федеральное государственное бюджетное научное учреждение
«Национальный исследовательский институт мировой экономики
и международных отношений
имени Е.М. Примакова Российской академии наук»
117997, Москва, ул. Профсоюзная, 23*

Страны Центральной Азии и Южного Кавказа в 2021 г. проходят важный этап 30-летия своей современной государственности. Согласно парадигме транзитологии основная траектория изменений в государстве при отходе от авторитарного строя направлена на постепенную либерализацию политических систем и демократизацию политических процессов. Этому пути должны были (с точки зрения господствующих теоретических подходов) последовать и государства постсоветского пространства. Однако обращение к рассмотрению конкретных сценариев смены власти в регионе Центральной Азии и Южного Кавказа дает гораздо более неоднозначную картину. Можно заметить, что смена правящих элит в выбранных странах осуществлялась очень разными способами. Реализация того или иного сценария передачи власти всякий раз обуславливалась сложным сочетанием внутренних и внешних факторов, включая особенности политического устройства государства, его этнический состав, социально-экономическое положение и внешнее окружение. Тем не менее можно выделить несколько ключевых вариантов: революционный сценарий, подразумевающий насильственную смену власти; внутриэлитный консенсус; передачу власти

* *Притчин Станислав Александрович* — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра постсоветских исследований ИМЭМО имени Е.М. Примакова РАН (pritchin.stanislav@yandex.ru).

преемнику; династический сценарий; демократические выборы; уход президента в отставку. При этом сравнительный анализ политических процессов, разворачивавшихся в регионе на протяжении последних 30 лет, показал, что институционально страны Центральной Азии и Южного Кавказа в целом не готовы к конкурентной политике, поскольку она рассматривается их руководством как угроза устойчивости государственности и интересам поддерживающих его групп влияния. В качестве еще одной причины можно назвать усиление роли неформальных, архаичных политических практик: многим постсоветским странам свойственна сакрализация власти, когда интересы правящего клана отождествляются с интересами государства и вокруг этого тождества выстраивается специфическая государственная идеология.

Проведенный анализ позволяет констатировать ограниченность возможностей применения существующих теоретических подходов в области транзитологии для объяснения и, тем более, прогнозирования хода трансформации политических процессов на постсоветском пространстве, а также указывает на необходимость разработки новых объяснительных моделей, которые в большей степени учитывали бы особенности региональных политических систем.

Ключевые слова: транзит власти, транзитология, постсоветское пространство, Центральная Азия, Южный Кавказ, демократия, СНГ, «цветные революции», политические институты, политические системы.

Для цитирования: Притчин С.А. В зеркале транзитологии: особенности процессов смены власти в странах Центральной Азии и Южного Кавказа // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2021. Т. 13. № 4. С. 7–42. DOI: 10.48015/2076-7404-2021-13-4-7-42.

Stanislav A. Pritchinn

**IN THE MIRROR OF TRANSITOLOGY:
THE POLITICS OF POWER ALTERNATION
IN THE CAUCASUS AND CENTRAL ASIA**

*Primakov National Research Institute of World Economy
and International Relations, Russian Academy of Sciences
23, Profsoyuznaya Str., Moscow, Russia, 117997*

In 2021 the countries of Central Asia and the South Caucasus celebrate the 30th anniversary of independence. According to the paradigm of transitology, the

political development of a state since the departure from the authoritarian regime entails progressive liberalization and democratization of political processes. And, in accordance with the predominant theoretical approaches, the post-Soviet states were expected to follow this path. However, a closer look at the specific scenarios of power alternation in the Central Asia and the South Caucasus provides a much more mixed picture: here the change of ruling elites took very different forms and shapes. The choice of scenario for the transfer of power was always determined by a complex combination of internal and external factors, including the nature and characteristics of the political system of a particular state, its ethnic composition, the socio-economic situation and external environment. Nevertheless, it is possible to discern several key scenarios: a 'revolutionary' scenario, which implies a violent change of power; an intra-elite consensus; transition of power to a successor; a hereditary transmission of power; democratic elections; a resignation of a president. A comparative analysis of the political processes unfolding in the region over the past 30 years shows that even institutionally the countries of Central Asia and the South Caucasus are not ready yet for a competition policy. Moreover, the latter is generally viewed by their leaders as a threat to both the stability of the state and to the interests of the ruling elites. To this may be added the expansion of different informal, archaic political practices across the post-Soviet space. The latter include the sacralization of power, when national interests are equated with the interests of the ruling clan and the whole national identity is built up around this nexus. All this shows the limits of classical transitology theory when it comes to political transformations in the post-Soviet space, which it is unable to explain, yet alone to predict their possible future development. Thus, there is a strong need to develop new theoretical frameworks that would better accommodate particularities of the regional political systems.

Keywords: transition of power, transitology, post-Soviet space, Central Asia, the South Caucasus, democracy, CIS, colour revolutions, political institutions, political systems.

About the author: *Stanislav A. Pritchkin* — PhD (History), Senior Research Fellow at the Center for Post-Soviet Studies, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences (pritchkin.stanislav@yandex.ru).

For citation: Pritchkin S.A. 2021. In the mirror of transitology: The politics of power alternation in the Caucasus and Central Asia. *Moscow University Bulletin of World Politics*, vol. 13, no. 4, pp. 7–42. DOI: 10.48015/2076-7404-2021-13-4-7-42. (In Russ.)

Страны Южного Кавказа и Центральной Азии в 2021 г. пере-
шагнули важный этап — 30-летие своей независимости. С точки

зрения государства период для становления совсем незначительный. Формирование политических институтов, создание оптимальной модели взаимодействия общества и власти, выработка политических традиций и культуры занимают десятилетия, поэтому, объективно говоря, страны выбранного региона находятся на ранней стадии развития своей современной государственности. Тем интереснее процессы, происходящие там, особенно с учетом того, что стартовые условия на заре получения независимости были примерно схожи. Так, у всех государств постсоветского пространства была общая политическая система с доминированием коммунистической партии и ее идеологии, отсутствием полноценного гражданского общества и устойчивых демократических традиций. При этом социально-экономическая ситуация в рассматриваемых странах на момент обретения независимости также была примерно схожа.

Процесс перехода в новых независимых государствах от централизованного коммунистического режима к политической либерализации сразу же попал в фокус внимания западных исследователей. Западные политологи стали воспринимать запуск либеральных реформ в этих странах как часть «третьей волны демократизации», которая включала транзит от тоталитарных и авторитарных политических режимов в сторону демократических систем и наблюдалась в государствах Латинской Америки, Азии, Африки, Восточной и Центральной Европы во второй половине XX в. [Huntington, 1991: 149].

Необходимость осмысления масштабных процессов демократизации даже привела к появлению в политологической науке новой субдисциплины — транзитологии, сфокусированной на выявлении и изучении закономерностей перехода от недемократичного состояния политических систем к демократическому [Мельвиль, 2007: 123–134].

Исследователи обычно выделяют несколько этапов в рамках этого процесса. Упрощенная модель «парадигмы транзита», перехода от авторитаризма/тоталитаризма к демократическому режиму, в интерпретации одного из создателей данной теории Т. Карозерса, состоит из следующих элементов: 1) страна начинает отход от диктаторского правления, движется к демократии; 2) демократические преобразования включают ряд последовательных стадий, ведущих к консолидации нового режима; 3) ключевым фактором успеха перехода к демократии являются выборы; 4) «структурные» характеристики (уровень экономического развития, политическая история, унаследованные институты, этнический состав, социокуль-

турные традиции и др.) гораздо меньше влияют на исход транзита, чем «процедурные», т.е. политические факторы; 5) залогом успеха демократизации становится способность нового правительства обеспечить эффективное функционирование государственного аппарата [Карозерс, 2003].

Согласно другой концепции за авторством Х. Линца и А. Степана, которая в настоящий момент является доминирующей среди западных политологов, демократическая консолидация подразумевает проведение глубоких преобразований как минимум на трех уровнях: поведенческом, ценностном и конституционном. При этом демократическая консолидация возможна, если: 1) в политической среде нет групп, которые стремились бы подорвать демократический режим; 2) демократические процедуры и институты воспринимаются обществом как наиболее приемлемые механизмы регулирования социальной жизни; 3) политические акторы «привыкают» к тому, что все общественные конфликты разрешаются в соответствии с законами, процедурами и институтами, санкционированными новым демократическим процессом [Linz, Stepan, 1996].

В реальности все эти построения, предложенные приверженцами транзитологии, далеко не всегда позволяли объяснить конкретные направления развития политических процессов в большей части транзитных государств. Более того, эти процессы постоянно выявляли все новые недостатки в имевшихся теоретических конструктах. Так, проведенный М. Макфолом анализ посткоммунистических трансформаций показывает, что если не работают хотя бы две базовые посылки транзитологической модели, описанной выше, то транзит не сможет привести к реальному переходу к более демократической политической системе. При этом М. Макфол выделяет еще один необходимый аспект успешного транзитного перехода — готовность конкурирующих за власть политических групп находить неконфликтный выход из противостояния. Например, если преодоление политического тупика, возникающего вследствие примерного равновесия консервативных и реформаторских сил, осуществляется посредством достижения консенсуса, то тем самым создаются основы для успешной демократизации. Однако, как отмечает американский исследователь, для посткоммунистических стран более типичным был вариант силового разрешения противоречия. При этом если перевес в политическом противоборстве получали радикальные реформаторы, опиравшиеся на поддержку снизу и действовавшие

«извне» традиционного истеблишмента, то перед страной открывались перспективы подлинной демократизации. В случае же если источником реформ выступали «мимикрировавшие» представители старых режимов, которые сверху устанавливали правила игры, то результатом становилась новая версия авторитарного государства. При этом длительный период баланса сил между разными группами, как правило, приводил к возникновению тех или иных разновидностей «гибридных» режимов [McFaul, 2001: 234].

Эту позицию разделяют Т.Л. Карл и Ф. Шмиттер, которые считают, что в большей части постсоветских стран реализовался именно второй сценарий: «...в Азербайджане и “...станах” установлены лишь “фасадные” или “электоралистские” демократии, под прикрытием которых процветают автократические практики, которых придерживаются как элиты, так и массы, сохраняющие приверженность авторитарным ценностям» [Карл, Шмиттер, 2004].

О важности консенсуса для выхода из политического тупика пишет и отечественный исследователь А.Ю. Мельвиль. Он подчеркивает, что если сторонам удастся оформить некий пакт, соглашение, устанавливающее правила игры на дальнейшие этапы политической борьбы и дающие гарантии «проигравшим», то это становится одним из важнейших этапов закладки фундамента для демократической политической системы государства [Мельвиль, 2007: 123–134]. Исследователь отмечает и важность внешнего фактора демократизации [Мельвиль, 2004: 114–115].

При этом внешнее вмешательство как фактор демократического транзита часто имеет агрессивный, принудительный характер, как это можно было наблюдать на примере Афганистана и Ирака, а также череды «цветных революций», в том числе на постсоветском пространстве. США в своей стратегии национальной безопасности даже прописали готовность силовыми методами продвигать и защищать демократию¹. Исследователи выделяют и более «мирные» способы принуждения к реформам, например, посредством неправительственных организаций (НПО) и международных финансовых структур [Немчинова, 2012]. Как показывает опыт, насильственное навязывание демократического транзита является наименее эффек-

¹ The National Security Strategy of the United States of America // The White House. 02.09.2002. Available at: <https://2009-2017.state.gov/documents/organization/63562.pdf> (accessed: 27.09.2021).

тивным способом формирования устойчивых политических институтов и политических традиций, свойственных демократическим государствам.

Так или иначе, теоретические работы, в которых изучалась практика транзита в обществах, переходящих от авторитарного типа правления, дают возможность получить представление об основных факторах, определяющих успех или провал попыток демократизации в том или ином государстве.

Страны постсоветского пространства также теоретически должны были следовать в фарватере тренда на постепенную эволюцию в сторону более демократических форм правления. В рамках данного исследования рассмотрены конкретные особенности процессов смены власти в государствах Центральной Азии и Южного Кавказа и предпринята попытка оценить, насколько они вписываются в существующую теорию транзита и как в свою очередь ее положения позволяют интерпретировать современное состояние и перспективы развития политической ситуации в регионе.

Сценарии транзита власти в странах Центральной Азии и Южного Кавказа

За 30 лет самостоятельного развития, прошедших с момента получения независимости в 1991 г., в странах Центральной Азии и Южного Кавказа транзит власти, или передача ее от одного руководителя либо группы руководителей, осуществлялся множество раз, разными способами и при самых разных обстоятельствах. По своему характеру транзит, или смена власти — один из наиболее сложных и уязвимых элементов развития политических процессов в системе отношений власти и общества, так как сопряжен со сменой держателя высшей власти в государстве, а значит, сам по себе является серьезным риском для устойчивости политической системы и эффективности работы государственного аппарата. При этом уже сам выбор того или иного конкретного сценария транзита дает основания для формирования определенных представлений об уровне развития политической системы, ее зрелости в каждой отдельно взятой стране.

Приход нового руководителя, как правило, связан с изменением приоритетов, видения, целей и методов управленческого процесса. Смена руководителя — это и смена внутриэлитного баланса сил, перераспределение власти и контроля как в политической системе,

так и в государстве в целом. Это справедливо и в случае, если новый глава является преемником курса своего предшественника. Еще более серьезный вызов для государства возникает, если к власти посредством любого из типов транзита приходит оппозиция, контрэлита или антагонист уходящего руководителя. В этих случаях возможны разные сценарии — от люстрации, политического и уголовного преследования потерявших власть политиков, перераспределения капитала до вполне мирного продолжения работы после трансформации связки власть—оппозиция. При этом конфигурация данных рисков схожа как для стран с развитыми и устойчивыми политическими системами, так и для условно молодых государств с формирующимися институтами и небольшим опытом смены власти. Правда, опасность вызова многократно возрастает для последних, так как таким государствам — с формирующимися институтами, традициями, политической культурой — часто присущ запредельный уровень персонификации власти. Как следствие, ее смена может привести к кардинальному пересмотру законодательства, политических правил игры, вообще политического строя в стране, что происходило не раз на Южном Кавказе и в Центральной Азии.

Для того чтобы проанализировать особенности процессов смены власти в обозначенном регионе, в данной статье использовались как собственные теоретические наработки автора, так и результаты ряда отечественных исследований, посвященных изучению типов транзита власти на постсоветском пространстве [Преемники и преемничество в современной политике, 2014]. Это позволило выделить и концептуализировать несколько основных сценариев смены власти в странах Центральной Азии и Южного Кавказа в период с 1991 по 2021 г.:

- революционный сценарий — насильственная, неконституционная смена власти;
- внутриэлитный консенсус после смерти руководителя — выбор ограниченной элитной группой нового руководителя после смерти прежнего;
- преемник — передача власти от действующего руководителя выбранному им сменщику;
- династический сценарий — передача власти от действующего руководителя члену его семьи (подвид преемника);
- демократический сценарий — переход власти от одного руководителя к другому через демократическую процедуру выборов;

- уход президента в отставку — досрочное сложение президентом своих полномочий.

Рассмотрим каждый из обозначенных сценариев подробнее и проанализируем причины выбора каждого из типов транзита.

Революционный сценарий

Несмотря на то что с точки зрения стабильности и устойчивости государства революционный сценарий является, пожалуй, самым негативным и разрушительным, в странах Южного Кавказа и Центральной Азии он наиболее распространен. Всего в регионе в период с 1991 до 2021 г. он был реализован шесть раз: трижды в Киргизии — в 2005, 2010 и 2020 гг., дважды в Грузии — в 1992 и 2003 гг. и в Армении в 2018 г.

Причины столь частого повторения этого сценария на постсоветском пространстве могут быть связаны с целым комплексом проблем развития и становления политических систем молодых государств, их неспособностью в краткие сроки сформировать такой социально-политический формат отношений власти и общества, который бы максимально отвечал особенностям конкретных стран и создавал условия и механизмы для стабильной сменяемости элит или реагирования на точки напряжения. Нельзя также отбрасывать и внешний фактор как триггер для подготовки и запуска революционной смены власти.

Чаще, чем где бы то ни было в регионе, рассматриваемый сценарий воплощался в Киргизии. Во многом это обусловлено спецификой социально-политического уклада республики. Киргизское общество в силу особенностей гористой географии и кочевого образа жизни традиционно формировалось из небольших общин, каждая из которых имела свой ареал жизни и вела изолированную хозяйственную деятельность. Как следствие, политическая конфигурация современного общества представляет собой совокупность множества региональных групп, которые объединяются в субрегиональные кланы ситуативно в борьбе за власть и ресурсы. Каждая группа или клан через представительство во власти стремится обеспечить свои экономические и политические интересы. Идеальное стабильное состояние для такой системы могло бы заключаться в сбалансированном представительстве региональных групп во власти, но в условиях ограниченных ресурсов в Киргизии, постепенного разрушения оставшихся в наследие от СССР политических институтов

и традиций такая сбалансированная модель становится всё менее достижимой. Как результат, Киргизия за 30 лет независимости трижды пережила неконституционную смену власти.

В 2005 г. в республике случился первый переворот, когда правивший с момента получения независимости президент Аскар Акаев был свергнут в результате «тюльпановой революции». Косвенной внешней причиной переворота стали итоги парламентских выборов, а также последствия аксыйских событий, когда в ходе протеста оппозиции в связи с решением передать КНР спорный участок границы погибли несколько человек. Базовой же предпосылкой к перевороту стало системное недовольство южных кланов монополизацией всей полноты власти в руках представителя севера, его семьи и окружения [Болпонова, 2015].

Внешнее участие в свержении Аскара Акаева проявилось в классическом для «цветных революций» наборе инструментов, подготовка которых велась в течение нескольких лет. В первую очередь с момента обретения независимости в рамках либерализации общественных процессов в республике зарегистрировались и начали работу огромное количество неправительственных организаций, имеющих западное финансирование. Формальные цели деятельности НПО были связаны с решением множества социально значимых вопросов, таких как обеспечение прав человека, гендерное равенство и др., но ряд организаций занимались проблемами эффективности работы государственных структур, правоохранительных органов, поддержкой оппозиции. Сама по себе системная работа неправительственного сектора привела к формированию в стране активного, образованного, умеющего продвигать свою повестку класса, состоящего в основном из молодых людей, который имел альтернативную государственной программу. Параллельно в республике стали развиваться независимые от государства средства массовой информации, которые формировали альтернативное информационное пространство, чаще критикуя действия властей. Тесное сотрудничество новых акторов внутренней политики с оппозицией при поддержке западных политических кругов и посольств позволило сформировать в республике критическую массу несогласных с властями активных граждан, которые стали активно поддерживать оппозицию и выступать против руководства страны. Непосредственно в Киргизии критика властей строилась вокруг выборов в парламент в марте 2005 г., по итогам которых пропрезидент-

ские партии без участия оппозиции сформировали законодательный орган. Образовался негативный для руководства страны информационный фон, подрывавший легитимность итогов выборов на фоне активных протестов оппозиции, который привел сначала к массовым митингам, а затем — к свержению Аскара Акаева [Семенова, 2014].

Пришедшая к власти в результате переворота группа оппозиционеров во главе с бывшим премьер-министром, представителем крупного южного клана Курманбеком Бакиевым сумела в сжатые сроки установить контроль над ситуацией в республике. Сам Бакиев, который был выдвинут от взявшей власть группы оппозиционеров, не только сумел через победу в новых президентских выборах легитимизировать свое нахождение на высшем посту, но и в течение нескольких месяцев отстранил от управления своих соратников по революции и монополизировал в своих руках всю полноту полномочий. Так, один из братьев президента, Жаныш Бакиев, был назначен руководителем Службы государственной охраны, другой брат, Жусуп, стал главой совета Джалал-Абадской области, еще один брат, Марат, в 2005 г. был отправлен послом в Германию. Для младшего сына президента, Максима, специально создали Центральное агентство по развитию, инновациям и инвестициям (ЦАРИИ), которое получило под свой контроль ключевые государственные активы [Притчин, 2020].

Нарушение внутриэлитного, регионального баланса в итоге привело к росту недовольства отстраненных от власти групп как с юга, так и с севера Киргизии, которые консолидированно выступили против клана Бакиева. В результате нового переворота, приведшего к гибели около 80 человек, Бакиев и его семья были вынуждены сначала сбежать на юг республики, а потом покинуть страну. В итоге к власти пришло временное правительство, которое возглавила Роза Отунбаева².

В третий раз революционный сценарий смены власти в Киргизии был осуществлен в ноябре 2020 г., когда по итогам парламентской кампании в законодательный орган прошли только три партии, представляющие в основном интересы южных кланов³. Действу-

² Государственный переворот в Киргизии в апреле 2010 года // РИА Новости. 07.04.2015. Доступ: <https://ria.ru/20150407/1056918305.html> (дата обращения: 20.06.2021).

³ Выборы в Киргизии: в парламент проходит лишь три партии // Regnum. 05.10.2020. Доступ: <https://regnum.ru/news/polit/3081695.html> (дата обращения: 20.06.2021).

ющий президент, выходец с юга Сооронбай Жээнбеков, благодаря установлению полного контроля над парламентом планировал сконцентрировать власть в своих руках в условиях президентско-парламентской политической системы. Оказавшиеся за бортом политические силы вместе с внесистемными игроками в результате многодневных протестов сначала вынудили правительство отменить итоги выборов, а затем заставили президента подать в отставку. В результате к власти пришли оппозиционеры, представляющие коалицию трех крупных групп влияния. Президентом стал выходец из Иссык-Кульской области Садыр Жапаров, главой Комитета государственной безопасности — южанин Камычбек Ташиев, а спикером парламента — также южанин Талант Мамытов⁴. В истории независимой Киргизии такая коалиция разных региональных групп правит впервые, и именно ее широкое представительство на нынешнем этапе развития политических процессов обеспечивает максимальную внутриклановую легитимность. Таким образом, как показывает опыт Киргизии, устойчивость любой власти зависит от поддержания регионального баланса внутри политического истеблишмента, поэтому любые шаги по монополизации рычагов управления могут привести к повторению революционного сценария.

Второй бывшей республикой СССР по количеству прецедентов неконституционной смены власти стала Грузия — здесь это случилось дважды. 1990-е годы⁵ и начало 2000-х⁶ оцениваются как период перманентного кризиса: экономический коллапс, высочайшая коррупция, нерешенные конфликты с Абхазией и Южной Осетией, приведшие к войнам и тяжелым поражениям, сложности с автономией Аджарии — всё это накладывалось на особенности политического лидерства в республике, когда всенародная любовь и поддержка общества стремительно сменялись ненавистью и готовностью к свержению вчерашнего фаворита. Оба прецедента насильственной смены власти имели схожие сценарии. В январе 1992 г. первый пре-

⁴ Революция по-быстрому. Киргизы сменили власть за десять дней. Почему в республике так легко совершить переворот? // Lenta.ru. 21.10.2020. Доступ: <https://lenta.ru/articles/2020/12/31/kirgiziada/> (дата обращения: 20.05.2021).

⁵ Крутиков Е. С Гамсахурдии началась эпоха саморазрушения Грузии // Взгляд. Деловая газета. 27.05.2021. Доступ: <https://vz.ru/world/2021/5/27/1101380.html> (дата обращения: 20.06.2021).

⁶ «Революция роз» в Грузии в ноябре 2003 года // РИА Новости. 23.11.2013. Доступ: <https://ria.ru/20131123/978914952.html> (дата обращения: 20.05.2021).

зидент независимой Грузии Звиад Гамсахурдия бежал из страны после нескольких недель военного противостояния на улицах Тбилиси. Всего за несколько месяцев до этого он был избран на всенародных выборах с результатом 87% голосов⁷. На смену ему пришел опытный функционер, бывший глава МИД СССР Эдуард Шеварднадзе, который на первом этапе был с большим воодушевлением и надеждами воспринят грузинским обществом. Сначала он стал председателем парламента республики, а после введения должности президента и проведения выборов в 1995 г. набрал высокие 73% голосов⁸. Но в 2003 г. в результате первой «цветной революции» на постсоветском пространстве он был свергнут командой молодых политиков во главе с Михаилом Саакашвили.

В 2003 г. в Грузии впервые на территории бывшего Советского Союза была организована цветная «революция роз». Помимо уже отмеченных инструментов, применяемых западными политическими кругами для подрыва позиций неугодных режимов, в виде активного использования развитого неправительственного сектора и поддержки независимой прессы в Грузии США заранее подготовили в своих учебных заведениях новых оппозиционных лидеров — Михаила Саакашвили и его соратников, а также обеспечили через своих советников координацию действий оппозиции⁹. К власти в результате переворота вместо руководителей старшего поколения, имевших опыт управления еще в советское время, пришла команда оппозиционеров с западным образованием и соответственно прозападной ориентацией. При этом молодые лидеры республики долгое время были частью команды Эдуарда Шеварднадзе и лишь в решающий момент перешли в оппозицию к нему.

Новое руководство страны пришло к власти с колоссальным уровнем поддержки грузинского населения. По итогам президентских выборов Михаил Саакашвили набрал 95% голосов при явке 83%¹⁰.

⁷ История выборов президента Грузии // ТАСС. 25.10.2013. Доступ: <https://tass.ru/blizhnee-zarubezhe/711116> (дата обращения: 20.09.2021).

⁸ Биография Эдуарда Шеварднадзе // РИА Новости. 25.01.2013. Доступ: <https://ria.ru/20130125/919601057.html> (дата обращения: 20.06.2021).

⁹ Биография Михаила Саакашвили // РИА Новости. 21.12.2017. Доступ: <https://ria.ru/20171221/1511261274.html> (дата обращения: 20.05.2021).

¹⁰ М. Саакашвили станет президентом Грузии // РБК. 05.01.2004. Доступ: <https://www.rbc.ru/politics/05/01/2004/5703b5ca9a7947783a5a4f88> (дата обращения: 20.05.2021).

В Армении развитие революционного сценария в 2018 г. происходило на фоне масштабной конституционной реформы, в рамках которой республика из президентской превращалась в парламентскую. Неожиданным для политического класса и общественности стал факт, что инициатор реформы, президент Серж Саргсян, обещавший не использовать ее для сохранения своей личной власти, всё же решил пересесть из кресла президента в кресло премьер-министра. Это стало во многом поворотной точкой, и оппозиционный лидер Никол Пашинян воспользовался ситуацией для завоевания общественных симпатий. В результате активной агитационной деятельности ему удалось «разбудить» улицу и при помощи своих сторонников заставить правительство Саргсяна уйти в отставку и объявить досрочные выборы, по итогам которых Пашинян сам возглавил Армению [Арзуманян, 2019].

Анализируя причины реализации революционного сценария, мы можем выявить общие условия, характерные для всех его кейсов в выбранном нами регионе. Помимо сложной социально-экономической ситуации во всех рассмотренных случаях пережившим неконституционную смену власти странам также присущи следующие черты:

- наличие протестных настроений в обществе (необходимая социальная база протеста);
- наличие контрэлиты, претендующей на власть или недовольной распределением ресурсов в государстве, а также раскол в элитах (по клановому, региональному, поколенческому принципам);
- внешний фактор (конфликт руководства страны с внешним игроком, у которого есть ресурсы и инструменты для запуска и реализации революционного сценария) — правда, не во всех рассмотренных случаях.

Этот сценарий с высокой долей вероятности будет повторяться в странах Центральной Азии и Южного Кавказа и впредь. Как правило, у оппозиции здесь нет законных возможностей выиграть выборы и прийти к власти, а уровень готовности правящих элит к решению конфликтов между разными фракциями и группами интересов остается очень низким. С точки зрения доминирующих в теории демократического транзита подходов революционный сценарий может рассматриваться как наиболее уязвимый. С одной стороны, свержение авторитарного руководителя посредством насильственного захвата власти теоретически может открыть путь

к более демократическому правлению при условии, что новые политические силы не будут повторять ошибки предшествующего режима. С другой стороны, каждый подобный транзит приводит к ослаблению государственных институтов и государства в самом широком понимании, снижает доверие к правоохранительным органам, размывает правовые рамки борьбы за власть. В итоге успешный насильственный захват власти с большой долей вероятности создает предпосылки для новых переворотов.

Внутриэлитный консенсус после смерти руководителя

Ключевой предпосылкой реализации данного сценария транзита является ситуация, когда власть в стране была длительное время сосредоточена в руках одного человека, а вопрос выбора преемника встал только после его смерти. На постсоветском пространстве данный сценарий был реализован дважды. В Туркменистане в 2006 г. после смерти первого президента республики Сапармурата Ниязова был выбран Гурбангулы Бердымухамедов. В Узбекистане в 2016 г. место умершего президента Ислама Каримова занял премьер-министр республики Шавкат Мирзиёев. Оба умерших президента руководили государствами с момента обретения ими независимости. И Узбекистану, и Туркменистану была свойственна жесткая, авторитарная модель управления, когда президент является фактически единоличным руководителем, от решений которого зависит всё в государстве.

Туркменистан традиционно считается самой закрытой страной постсоветского пространства. С получением независимости первый президент республики Сапармурат Ниязов заметно усилил свою личную власть, шаг за шагом не только устраняя любые юридические и политические возможности ее ограничения, но и создавая полноценный культ личности, который фактически заменил стране коммунистическую идеологию. Так, на выборах он, как правило, был безальтернативным кандидатом, набирая 98–99% голосов. Уже в 1993 г. решением парламента он был провозглашен главой всех туркмен — «Туркменбаши». В том же году была выдвинута идея продлить полномочия главы государства до 2002 г. без перевыборов, позже на всенародном референдуме предложение было поддержано¹¹. Помимо этого частью управленческого метода Ниязова стали репрес-

¹¹ Выборы президента Туркменистана. Досье // ТАСС. 10.02.2017. Доступ: <https://tass.ru/info/4013485> (дата обращения: 20.05.2021).

сии в отношении высокопоставленных чиновников, позволявшие ему держать под полным контролем весь государственный аппарат¹².

По официальным сообщениям, в ночь с 20 на 21 декабря 2006 г. Ниязов скончался от остановки сердца¹³. Согласно Конституции республики временно исполняющим обязанности президента страны до избрания нового главы должен был стать председатель парламента Овезгельды Атаев, но он внезапно был арестован и отстранен от должности, а и.о. главы Совета безопасности Туркменистана и главой комиссии по организации похорон Ниязова был назначен заместитель председателя кабинета министров Гурбангулы Бердымухамедов. По утверждениям туркменских оппозиционеров, ближайшее окружение Ниязова — министр обороны Агагельды Мамедгельдыев, глава МИД Рашид Мередов и глава личной охраны покойного Туркменбаши Акмурад Реджепов — сделали ставку не на Атаева, а на казавшегося им слабым Бердымухамедова, чтобы впоследствии править страной за его спиной¹⁴. Поначалу этот план в целом удался. В рамках чрезвычайного съезда Народного совета, прошедшего 26 декабря, были выдвинуты кандидаты на предстоявшие выборы. 11 февраля 2007 г. Бердымухамедов был избран президентом Туркменистана, за него проголосовали 89,23% принявших участие в выборах избирателей¹⁵. Однако планы выдвинувших нового лидера высокопоставленных чиновников не оправдались. Бердымухамедов быстро освоился на новом посту и переключил на себя все механизмы принятия решений, а окружение Ниязова либо было вынуждено быстро перестроиться и выразить свою лояльность новому лидеру, либо было отправлено в отставку¹⁶.

¹² Сидорчик А. Товарищ Ниязов, отец всех туркмен. Как сирота из Ашхабада стал Туркменбаши // Аргументы и факты. 19.02.2020. Доступ: https://aif.ru/society/history/tovarishch_niyazov_otec_vseh_turkmen_kak_sirota_iz_ashhabada_stal_turkmenbashi (дата обращения: 20.05.2021).

¹³ Бологов П. Осиротели. На 67-м году жизни скончался «отец всех туркмен» Сапармурат Ниязов // Lenta.ru. 21.12.2006. Доступ: <https://lenta.ru/articles/2006/12/21/turkmenbashi/> (дата обращения: 20.05.2021).

¹⁴ Соловьев В., Зыгарь М. Умер пожизненный // Коммерсантъ. 22.12.2006. Доступ: <https://www.kommersant.ru/doc/732435> (дата обращения: 15.05.2021).

¹⁵ Новым президентом Туркмении стал Курбанкули Бердымухаммедов // РИА Новости. 14.02.2007. Доступ: <https://ria.ru/20070214/60695708.html> (дата обращения: 15.05.2021).

¹⁶ Зыгарь М. Скорбно-наскоро // Коммерсантъ. 27.12.2006. Доступ: <https://www.kommersant.ru/doc/733420> (дата обращения: 15.05.2021).

После перестройки политического руководства под нового президента характер политической системы не менялся. Туркменистан сохранил все черты жесткого авторитарного государства с неограниченной властью президента.

В примерно схожих условиях происходил транзит власти в соседнем Узбекистане. Первый глава республики с момента получения ею независимости Ислам Каримов выстроил строгую вертикаль власти, при которой он имел неограниченное право на участие в президентских выборах и был ключевой фигурой государственного управления, правда, в несколько меньшей степени, чем в Туркменистане.

К моменту резкого ухудшения здоровья в августе 2016 г. Ислам Каримов уже более 25 лет возглавлял независимый Узбекистан. Каких-либо явных признаков подготовки преемника и возможности передачи ему власти Каримовым в последние годы его правления отмечено не было, поэтому сразу же после его смерти 2 августа встал вопрос о том, кто будет вторым президентом Узбекистана. С учетом закрытого характера политической и информационной систем республики публичных дискуссий о том, кто может быть следующим главой государства, не велось. Решение о консолидированном кандидате от власти принималось за закрытыми дверями узким кругом ближайших соратников умершего президента, в число которых, по разным данным, входили глава Службы национальной безопасности Рустам Иноятов, премьер-министр Шавкат Мирзиёев, вице-премьер и министр финансов Рустам Азимов и некоторые другие.

По итогам переговоров преемником Ислама Каримова был предложен бывший губернатор Самаркандской области, а с 2003 г. — глава правительства Шавкат Миромонович Мирзиёев, который был назначен на пост главы комитета по организации похорон первого президента. При этом не обошлось без небольшого юридического казуса при процедуре выдвижения. Согласно обновленной версии Конституции, принятой в 2011 г., временно исполняющим обязанности главы государства в случае невозможности выполнения своих обязанностей президентом Узбекистана назначается председатель Сената с проведением выборов в течение трех месяцев¹⁷. Однако спикер Сената Нигматула Юлдашев на первом же заседании взял самоотвод в пользу премьер-министра, который совместил две

¹⁷ Конституция Республики Узбекистан // Constitution.uz. 08.12.1992. Доступ: <http://constitution.uz/ru/clause/index#section23> (дата обращения: 20.05.2021).

ключевые должности — и.о. президента и главы комитета по организации похорон¹⁸.

На состоявшихся 4 декабря 2016 г. досрочных президентских выборах Шавкат Мирзиёев безоговорочно победил составивших ему конкуренцию четырех номинальных соперников и набрал 88,61% голосов избирателей¹⁹.

Анализируя особенности данного типа смены власти, можно обозначить необходимые условия для его реализации:

- наличие лидера, находящегося у власти неограниченное количество сроков до своего физического ухода с политической арены;
- консолидированный подход политической элиты;
- наличие влиятельного медиатора, не претендующего на власть;
- наличие мощного и влиятельного силового блока;
- низкий уровень демократизации, слабый класс собственников, подконтрольность прессы.

С точки зрения оценки уровня развития политических систем этот сценарий, пожалуй, является одним из наиболее архаичных и демонстрирующих совершенную неразвитость политических институтов, которые бы позволяли руководителю государства уйти со своего поста до физической смерти. Вместе с тем в условиях постепенной либерализации политических режимов на постсоветском пространстве, в частности, тот же Узбекистан заметным образом изменился за прошедшие пять лет после смерти Ислама Каримова, поэтому можно прогнозировать снижение частоты запуска данного сценария, так как «открытие» политических процессов требует от любого руководителя более предсказуемого подхода, соответственно возрастает запрос на другие сценарии, например «преемник».

Преемник

Сценарий «преемник» очень распространен не только в транзитных с точки зрения развития политических процессов странах, но

¹⁸ Врио президента Узбекистана — Шавкат Мирзиёев, Юлдашев «взял самоотвод» // Eurasia Daily. 08.09.2016. Доступ: <https://eadaily.com/ru/news/2016/09/08/vrio-prezidenta-uzbekistana-shavkat-mirziyaev-yuldashev-vzyal-samootovod> (дата обращения: 20.05.2021).

¹⁹ Об итогах выборов президента Республики Узбекистан 4 декабря 2016 года // ЦИК Республики Узбекистан. 17.07.2021. Доступ: <https://www.saylov.uz/ru/docs/2016-jil-4-dekabr-kuni-bolib-otgan-ozbekiston-respublikasi-prezidenti-sajlovi> (дата обращения: 20.10.2021).

и в развитых государствах, так как позволяет уходящему лидеру благодаря правильно подобранному кандидату на высший пост обеспечить преемственность политического курса и гарантировать неприкосновенность собственных интересов и интересов своих приближенных. Тем не менее, несмотря на привлекательность этого сценария, в выбранном нами регионе он был реализован лишь три раза. При этом только один из них, в Армении в 2008 г., может считаться завершенным и относительно успешным.

В 2008 г. в Армении заканчивался второй и последний президентский срок Роберта Кочаряна, который находился у власти с 1998 г. Представители так называемого карабахского клана (выходцы из Нагорного Карабаха, которые в 90-е годы прошлого века как лидеры непризнанной республики и герои армяно-азербайджанской войны постепенно интегрировались в армянскую политическую элиту и со временем заняли в ней доминирующие позиции) рассчитывали сохранить власть в своих руках, поэтому приняли решение выбрать следующего президента из своих рядов. В качестве преемника Кочарян предложил кандидатуру Сержа Саргсяна — своего близкого соратника, который также начал карьеру в Нагорном Карабахе, а затем продолжил ее уже в Армении. Серж Саргсян к моменту выдвижения на главный пост в стране имел очень широкий послужной список. Он работал на посту главы МВД, Министерства национальной безопасности, был руководителем администрации президента, главой Министерства обороны Армении, а с апреля 2007 г. — премьер-министром страны²⁰.

По итогам голосования 19 февраля 2008 г. Серж Саргсян победил в первом туре президентских выборов, набрав 52,82% голосов. Основную конкуренцию ему составил первый президент Армении Левон Тер-Петросян, получивший 21,50%. Инаугурация нового главы государства состоялась 9 апреля 2008 г.²¹

Несмотря на достаточно уверенную победу Саргсяна, политическая ситуация в стране после подведения итогов голосования накалилась до предела. Сторонники Левона Тер-Петросяна не признали победу представителя карабахского клана и вышли на многочисленные акции протеста. В течение нескольких дней центральные

²⁰ Третий президент Республики Армения // Президент Республики Армения. Доступ: <https://www.president.am/ru/serzhsargsyan/> (дата обращения: 13.05.2021).

²¹ Серж Саргсян Азатович // Энциклопедия ТАСС. Доступ: <https://tass.ru/encyclopedia/person/sargsyan-serzh-azatovich> (дата обращения: 20.05.2021).

улицы Еревана были переполнены протестующими. 1 марта власти перешли к решительным действиям и начали силовой разгон. В результате столкновений, по данным генеральной прокуратуры, погибли 8 демонстрантов и 2 сотрудников полиции, пострадали также 180 полицейских и 48 гражданских лиц. 2 марта Роберт Кочарян ввел в столице режим чрезвычайного положения на 20 дней. Под давлением властей лидер оппозиции Тер-Петросян 2 марта призвал своих сторонников разойтись по домам²². Лишь после этого ситуация постепенно стала стабилизироваться. Попытка революционного сценария провалилась, действующей власти удалось переиграть оппозицию²³.

В конце 2011 г. на состоявшихся президентских выборах в Киргизии победителем стал выходец с севера, уроженец Чуйской долины республики Алмазбек Атамбаев. Он вступил в свои полномочия уже по новой Конституции, согласно которой глава государства имеет право только на один шестилетний президентский срок. Сделано это было намеренно для того, чтобы любой пришедший к власти политик не смог монополизировать ее, как это делали предшественники.

В целом Атамбаев избежал ошибок предыдущих президентов благодаря выстраиванию альянсов с отдельными южными кланами и рекрутированию их на государственные посты, гибко сохраняя баланс севера и юга, а также активно вовлекал северные политические группы в коалицию, тем самым стараясь за счет умелой игры на противоречиях разных сил и внутренних политических акторов выстраивать устойчивую политическую систему. Несмотря на призывы пересмотреть Основной закон и создать возможность для еще одного срока, Атамбаев отказался это делать и за несколько месяцев до очередных выборов в 2017 г. запустил преемнический сценарий.

В качестве своего сменщика киргизский президент выбрал действующего премьер-министра, южанина Сооронбая Жээнбекова. Транзит власти по сценарию «преемник» на первой стадии в целом был осуществлен достаточно успешно. Атамбаеву, несмотря на стартовый рейтинг доверия Жээнбекова на уровне 3%, за счет агрессивной агитационной кампании удалось добиться победы сво-

²² Петросов К. Беспорядки в Армении: как это было // РИА Новости. 03.03.2008. Доступ: <https://ria.ru/20080303/1005> (дата обращения: 20.05.2021).

²³ Бунт в Армении. 10 лет спустя // Кавказский узел. 01.03.2018. Доступ: <https://www.kavkaz-uzel.eu/articles/258019/> (дата обращения: 20.05.2021).

его ставленника с результатом 56% голосов²⁴. Ценой такого успеха стало заметное ухудшение отношений с соседним Казахстаном, который поддержал оппонента провластного кандидата Омурбека Бабанова. После победы Жээнбекова сценарий «преемник» начал давать сбои. Между Атамбаевым и его протеже начались сначала трения, а затем публичные конфликты, которые в итоге привели к разрыву отношений, а после — и к полноценному противостоянию, закончившемуся лишением конституционной неприкосновенности Атамбаева, его силовым арестом и осуждением на 11 лет²⁵.

Устранив Атамбаева как своего оппонента, Жээнбеков начал консолидацию власти в своих руках, причем он в основном опирался в своей политике на южные кланы, что привело к нарушению регионального баланса. Как результат в ноябре 2020 г. он был свергнут в результате третьей революции в республике²⁶.

В соседнем Казахстане до 2019 г. власть не менялась с момента обретения независимости в 1991 г., а единственным главой государства был Нурсултан Абишевич Назарбаев. Выходец из Старшего жуза²⁷, опытный партийный лидер, он после получения независимости Казахстана сумел перестроить политическую систему республи-

²⁴ Абдурасулов А. Выборы в Киргизии: первая в стране мирная передача власти // BBC. 15.10.2017. Доступ: <https://www.bbc.com/russian/features-41628261> (дата обращения: 20.05.2021).

²⁵ Бушуев М. 11 лет тюрьмы для экс-президента: как Атамбаев провалил операцию «Преемник» // Deutsche Welle. 25.06.2020. Доступ: <https://www.dw.com/ru/11-лет-тюрьмы-для-экс-президента-как-атамбаев-провалил-операцию-преемник/a-53941735> (дата обращения: 20.05.2021).

²⁶ Иванова Е., Сейбиль Н. Смена власти в Киргизии: кто стоит за «играми престолов» // Новые известия. 06.10.2020. Доступ: <https://newizv.ru/article/general/06-10-2020/smena-vlasti-v-kirgizii-kto-stoit-za-igrami-prestolov> (дата обращения: 20.05.2021).

²⁷ Казахское общество состоит из Старшего, Среднего и Младшего жузов — объединений кланов и семей, сформированных по географическому принципу. Согласно существующей системе распределения постов внутри страны главой государства (ранее — первый секретарь Казахской ССР, позже — президент) должен быть представитель крупнейшего и влиятельнейшего Старшего жуза. Кроме того, существовали распределение и квотирование присутствия во властной элите и других жузов, положение которых в настоящее время достаточно сложно изучать научно. При этом существует конкуренция между кланами внутри жузов. Так, если Назарбаев был представителем клана *шапраиты*, выходцы из которого занимают множество позиций в государственных структурах республики, то Токаев является выходцем из племени *жалайыр*. В таких условиях существуют предпосылки для скрытого противостояния между выходцами из *шапраиты* и действующим президентом.

ки таким образом, что при наличии видимых демократических атрибутов и черт рыночной экономики она сохранила суперпрезидентский характер, при котором главным актором и модератором политических процессов оставался глава государства. Имея высокую электоральную поддержку, Назарбаев еще в 2007 г. за счет конституционной реформы получил право неограниченного выдвижения своей кандидатуры на президентских выборах, тем самым создав условия для своего пожизненного пребывания у власти²⁸. При этом нововведения касались только «первого президента», любой преемник Назарбаева получал более короткий срок президентства (5 вместо 7 лет), а кроме того, не мог избираться более двух раз²⁹.

Развитие политических процессов, укрепление личной власти Назарбаева, получение им всё новых статусов и полномочий давали основание для прогнозирования повторения узбекского сценария с выбором преемника закрытым решением элиты после смерти президента. Однако именно узбекский пример подтолкнул Назарбаева к запуску сценария «преемник», правда, на своих условиях. В марте 2019 г. президент Казахстана заявил, что он уходит со своего поста, сохранив за собой закрепленный в Конституции статус первого президента, елбасы (лидера нации), главы Совета безопасности и лидера пропрезидентской партии «Нур Отан». В качестве своего преемника Назарбаев предложил кандидатуру своего давнего соратника — спикера Сената Касымжомарта Токаева. Поддержка первого президента и слаженная работа государственного аппарата позволили преемнику достаточно уверенно пройти легитимизацию через выборы. В ходе досрочного голосования в июне 2019 г. Токаев выиграл, набрав 70% голосов³⁰.

В результате запуска сценария «преемник» в Казахстане фактически сформировались два центра власти. Первый — президент Токаев, формальный глава государства, наделенный конституционными полномочиями, но из-за отсутствия сильной команды во властных структурах и противодействия политической элиты обладающий

²⁸ Азар И. Назарбаев получил пожизненный // Газета.ru. 18.05.2007. Доступ: https://www.gazeta.ru/2007/05/18/oa_239506.shtml (дата обращения: 20.05.2021).

²⁹ Воробьев В. Право на вечность // Российская газета. 19.05.2007. Доступ: <https://rg.ru/2007/05/19/nazarbaev.html> (дата обращения: 20.05.2021).

³⁰ Демченко Н. Токаев победил на выборах президента Казахстана // РБК. 10.06.2019. Доступ: <https://www.rbc.ru/politics/10/06/2019/5cfe84f39a79478973707faf> (дата обращения: 10.05.2021).

достаточно ограниченными влиянием и возможностями для продвижения своих инициатив. Второй — лидер нации Назарбаев, сохранивший доминирующее неформальное влияние на политические процессы в республике, а также имеющий и формальные инструменты.

С одной стороны, такая конфигурация стала определенным компромиссным решением, которое позволило избежать узбекского сценария и потенциального конфликта за пост президента между разными группами влияния, а также на время транзита гарантирует права собственности для крупного капитала Казахстана. С другой стороны, нынешний формат власти несет в себе серьезные риски из-за неформальной конкуренции между двумя президентами — бывшим и настоящим, неопределенности будущего развития ситуации (например, в ходе политической борьбы на следующих президентских выборах в 2024 г. или в случае внезапного возможного ухода с политической арены Назарбаева). Таким образом, нынешнее положение является промежуточным. Окончательное завершение транзита власти произойдет с уходом первого главы государства с политической сцены. При этом в рамках президентской кампании 2024 г. нельзя исключать, что одна из конкурирующих с Токаевым политических групп влияния выдвинет своего кандидата, и тогда Казахстан впервые в своей истории может вступить в период конкурентной политической борьбы, что может повлечь серьезные риски для стабильности в стране.

Завершая рассмотрение сценария «преемник», можно констатировать, что, несмотря на последовавшие протесты после запуска транзита власти, именно Армения на сегодняшний день демонстрирует единственный успешный и доведенный до конца пример данного типа в выбранном нами регионе. В Казахстане реализация подобного сценария еще продолжается, а в Киргизии он провалился.

Анализ прецедентов осуществления сценария «преемник» в странах Южного Кавказа и Центральной Азии дает основание выделить следующие необходимые условия для успешной его реализации:

- консенсусность кандидата в преемники, т.е. согласие всех заинтересованных политических сил с выдвинутой кандидатурой;
- наличие у нового лидера управленческих и лидерских качеств;
- факт легитимизации преемника через проведение выборов;
- посттранзитная лояльность — сохранение договоренностей между лидером и его преемником после передачи власти.

Риски для преемничества как модели транзита вытекают из характеристик его идеального сценария и включают:

- раскол элит при выборе преемника или посттранзитную дестабилизацию;
- неспособность преемника эффективно управлять государством;
- нелегитимность преемника;
- нарушение договоренностей между ним и экс-лидером;
- незавершенность процесса транзита (возможность и готовность формально отошедшего от власти руководителя за счет сохранившегося в его руках влияния пересмотреть ход передачи власти путем собственного возвращения на высшую должность или выдвижения нового преемника).

Династический сценарий

В целом он может рассматриваться как подвид предыдущего. За редким исключением большинство рассматриваемых стран вернулись к закрытой однопартийной или мультипартийной системе с доминированием исполнительной ветви власти, развитым силовым аппаратом и отсутствием полноценно работающих демократических институтов. При этом мы можем отметить закрытость элит, практику принятия решений без прямого вовлечения общества. Также большинству стран региона свойственна тенденция к архаизации — переходу к более традиционным системам общественных отношений и механизмам принятия решений (клановость, трайбализм и т.д.).

В мировой практике в странах со слабой государственностью, слабыми или отсутствующими электоральными институтами и традициями династический сценарий, когда преемником становится член семьи главы государства, чаще всего сын, оказывается зачастую единственным выходом для сохранения стабильности. При таком сценарии обеспечивается решение целого комплекса задач, стоящих перед властью на момент транзита. Во-первых, сохраняется преемственность внутри- и внешнеполитического курса, во-вторых, обеспечиваются гарантии безопасности и прав собственности для правящего класса, в третьих, решаются вопросы легитимности, поскольку причастность к правящей семье воспринимается традиционным, патриархальным, как правило, обществом уже достаточным фактором, дающим право на верховную власть в стране.

На сегодняшний день данный сценарий в выбранном регионе был реализован в Азербайджане в 2003 г., когда президент республики

Гейдар Алиев в качестве преемника предложил кандидатуру своего сына Ильхама, который к моменту запуска транзита уже имел серьезный управленческий опыт. Выпускник МГИМО, Ильхам Алиев много лет работал на разных позициях в Государственной нефтяной компании Азербайджана (ГНКАР), избирался депутатом Мелли Меджлиса, входил в руководство правящей партии «Ени Азербайджан». На фоне слухов об ухудшении здоровья Гейдара Алиева сначала Ильхам был избран премьер-министром, а затем его кандидатура была выдвинута на очередных президентских выборах президента. По итогам голосования, состоявшегося 15 октября 2003 г., Ильхам Алиев одержал победу, набрав 79,46% голосов избирателей³¹.

Высокий уровень поддержки отца, а также консолидированность политической элиты Азербайджана позволили обеспечить транзит власти без серьезных вызовов и рисков для стабильности страны. Позже, в рамках подготовки к парламентским выборам, часть соратников Гейдара Алиева, которые изначально составляли основу команды нового президента, выступили против него. Но попытка перехвата инициативы провалилась, а Ильхаму Алиеву удалось удержать власть и обеспечить победу пропрезидентской партии, тем самым закрепив свой статус полноценного руководителя Азербайджана.

В настоящее время в выбранном нами регионе наблюдается подготовка реализации династического сценария в Таджикистане и по ряду признаков — в Туркменистане. Президент Таджикистана Эмомали Рахмон системно продвигает во властной вертикали своего сына Рустама, который сегодня является спикером парламента, поработав до этого мэром Душанбе. В Туркменистане также происходит поступательное повышение во властных структурах статуса сына президента республики Гурбангулы Бердымухамедова Сердара, который, трудившись долгое время в системе МИД республики, перешел на работу в парламент, а после этого получил пост вице-премьера правительства с широким набором сфер ответственности³².

Как уже было отмечено, сценарий «наследник» во многом пересекается с вариантом «преемник», соответственно условия успешной

³¹ Алиев Ильхам Гейдар оглы // ТАСС Энциклопедия. Доступ: <https://tass.ru/encyclopedia/person/aliev-ilham-geydar-ogly> (дата обращения: 10.05.2021).

³² Президент Туркмении Бердымухамедов «обкатал» преемника // Московский комсомолец. 12.02.2021. Доступ: <https://www.mk.ru/politics/2021/02/12/prezident-turkmenii-berdymukhamedov-obkatal-preemnika.html> (дата обращения: 10.05.2021).

их реализации по большинству пунктов совпадают. Однако, в отличие от сценария «преемник», внутрисемейный транзит является показателем еще более низкого уровня развития политической системы государства, так как больше присущ монархическому типу правления и носит скорее архаичный характер.

Демократический сценарий

Под демократическим сценарием мы понимаем переход власти от одного руководителя к другому через процедуру выборов. В контексте современных тенденций развития политических процессов в мире данный тип сценария, казалось бы, должен быть основным механизмом смены власти. Но многие страны, в том числе государства Центральной Азии и Южного Кавказа, лишь внешне перешли к конкурентной модели политических систем, в реальности же находящиеся в них у власти лица и группы интересов через неформальные механизмы стараются как контролировать отбор претендентов на высшие посты, так и модерировать в выгодном для себя ключе сам процесс «демократического» выбора населением нового руководителя.

Единственным прецедентом демократической смены власти стали парламентские выборы в Грузии в 2012 г. Находившийся на высшей должности с 2003 г. Михаил Саакашвили и его партия «Единое национальное движение» (ЕНД) проиграли выборы партийному проекту «Грузинская мечта» богатейшего грузинского бизнесмена Бидзини Иванишвили. По результатам выборов оппозиционная партия набрала 54,97% голосов против 40,43% у ЕНД³³. Ни до, ни после этого в выбранном регионе оппозиция не выигрывала выборы у правящей политической силы. Проигрыш ЕНД означал потерю ею власти и переход в статус оппозиции, в котором она пребывает до сих пор.

Разбирая причины грузинского прецедента, можно определить следующие необходимые условия для осуществления данного сценария:

- удержание политической борьбы в легальных рамках, наличие у оппозиции значительной электоральной базы и четкого политического проекта, а также финансовых ресурсов;
- независимые от власти СМИ;
- высокий уровень протестных настроений в обществе.

³³ Петяев А. Победа, в которую никто не верил: блок миллиардера Иванишвили выиграл выборы в Грузии // Forbes. 02.10.2012. Доступ: <https://www.forbes.ru/news/148770-pobeda-v-kotoruyu-ne-verili-blok-milliardera-ivanishvili-vyigral-vybory-v-gruzii> (дата обращения: 10.05.2021).

Ключевое отличие от всех других сценариев — проведение полноценных выборов с соблюдением прозрачности избирательного процесса, включая процедуру подсчета голосов. Во многом это было обеспечено в Грузии за счет присутствия западных неправительственных структур, которые создали условия для транспарентности избирательных процессов.

При этом важно отметить, что спустя 9 лет после смены власти в Грузии данный демократический сценарий там не повторялся, что еще раз подтверждает уникальность этого кейса и необходимость наличия строгих условий, обозначенных выше, для его осуществления. Сложно ожидать, что демократическая смена власти может произойти в странах Центральной Азии и Южного Кавказа в ближайшие годы. Их политические системы институционально не готовы к конкурентной политике, которая рассматривается как подрыв устойчивости государственности.

Уход президента в отставку

В истории стран Южного Кавказа (но не Центральной Азии) несколько раз случались ситуации, когда глава государства под давлением оппозиции или иных причин вынужден был уходить в отставку. При этом в какой-то степени данный сценарий близок к революционному, так как к власти в этих странах приходила оппозиционная политическая сила. Но существенным отличием от революционного сценария было то обстоятельство, что в рамках реализации данных прецедентов не предпринималось насильственных действий по отстранению от власти главы государства с последующим физическим захватом государственных учреждений. Давление в основном осуществлялось в виде целенаправленных акций протеста с призывами уйти с поста либо саботирования работы органов власти.

Примечательно, что все прецеденты ухода в отставку в той или иной степени были связаны с нагорно-карабахским конфликтом. Так, в 1992 г. из-за катастрофического развития ситуации в Нагорном Карабахе, а также неспособности установить контроль над правительством и силовым блоком был вынужден уйти в отставку последний глава АзССР, а затем первый президент независимого Азербайджана Аяз Муталибов. Правда, спустя два месяца, после того как в мае азербайджанские войска отступили из символически важного города Шуши, Муталибов предпринял попытку вернуться во власть. 4 мая 1992 г. Верховный Совет Азербайджана проголосовал за

восстановление его полномочий в должности главы государства. Но он смог продержаться у власти всего сутки и был вынужден бежать из страны из-за противодействия Народного фронта Азербайджана, влиятельного национально-демократического движения³⁴.

Аяз Муталибов сменил яркий лидер Народного фронта Абульфаз Эльчибей, который, набрав 59,6% голосов, в июне 1992 г. стал первым всенародно избранным президентом Азербайджана [Насибова, 2019: 83]. Однако и его правление, несмотря на большую народную поддержку на момент избрания, оказалось предельно коротким. Дальнейшее негативное развитие обстановки на карабахском фронте и ухудшение социально-экономической ситуации в стране заставили его покинуть свой пост. В ответ на вспыхнувший в Гяндже военный мятеж он в ночь с 17 на 18 июня покинул Баку и улетел в Нахичевань. В целях легитимизации ухода президента в отставку 28 августа 1993 г. был проведен референдум о доверии ушедшему в отставку президенту. 97,5% принявших участие в голосовании граждан страны выразили недоверие Абульфазу Эльчибею. На последующих президентских выборах победу одержал бывший первый секретарь АзССР Гейдар Алиев³⁵.

Как видно из обоих случаев, серьезное общественное недовольство в связи с нагорно-карабахским конфликтом стало во многом триггером для запуска транзита власти в Азербайджане. Тема конфликта, только уже в контексте урегулирования замороженного противостояния, стала одной из важнейших причин ухода в отставку в 1998 г. и первого президента Армении Левона Тер-Петросяна. Наиболее популярной версией причины такого решения главы государства является раскол в руководстве Армении из-за выбора подходов к разрешению конфликта с Азербайджаном. Считается, что Тер-Петросян был сторонником так называемого поэтапного урегулирования, а его оппоненты — премьер-министр Роберт Кочарян, министр внутренних дел и национальной безопасности Серж Саргсян, министр обороны Вазген Саргсян и руководство Нагорно-Карабахской Республики — выступали за пакетный вариант,

³⁴ Приймак А. Зардушт Ализаде: После краха СССР азербайджанцы потеряли все // Eurasia Daily. 12.08.2016. Доступ: <https://eadaily.com/ru/news/2016/08/12/zardusht-alizade-posle-kraha-sssr-azerbaydzhancy-poteryali-vse> (дата обращения: 20.05.2021).

³⁵ Абульфаз Гадиркули оглы Эльчибей // Кавказский узел. 30.09.2010. Доступ: <https://www.kavkaz-uzel.eu/articles/176129/> (дата обращения: 20.05.2021).

т.е. комплексное единовременное решение проблемы³⁶. Функции исполняющего обязанности главы государства были возложены на премьер-министра Роберта Кочаряна, который впоследствии выиграл выборы и стал вторым президентом Армении.

Анализируя все прецеденты реализации данного сценария смены власти, мы можем выделить несколько объединяющих их черт:

- наличие внутриэлитного конфликта, часто в форме появления фронды в руководстве страны действующему главе;
- наличие серьезного источника напряжения или недовольства на внутренней или внешней арене, который оказывает сильное давление на руководство страны;
- готовность главы государства и правящей партии в конфликтной ситуации принять решение о добровольном уходе из власти.

Несиловая отставка президента по шкале демократического транзита является промежуточным, скорее нейтральным сценарием. С одной стороны, она представляет собой выход из внутриэлитного конфликта путем добровольного сложения полномочий главой государства. С другой стороны, отсутствие возможности прийти к компромиссу и соблюсти конституционные сроки нахождения у власти можно воспринимать как негативный аспект. Но если проанализировать временные рамки, то отставка президента свойственна начальному этапу независимости (Азербайджан в 1992, 1993 гг., Грузия в 1992 г., Армения в 1998 г.), когда политические системы государств только формировались. Главным позитивным аспектом данного типа транзита является уход от силового противостояния с оппозицией с целью сохранить власть.

* * *

Анализ основных сценариев транзита власти в странах Центральной Азии и Южного Кавказа показывает, что, несмотря на первоначально высокие надежды на постепенную либерализацию политической жизни, развитие ситуации в них пошло по другому пути.

С точки зрения теории транзитологии это можно объяснить тем, что большинство новых независимых государств не сумели выполнить даже базовые условия, определяющие успех демократизации. Если первый этап транзита — демонтаж прежнего режима — все страны

³⁶ Петросян Д. Левон Тер-Петросян: ушел, чтобы вернуться? // Ноев Ковчег. 10.02.2015. Доступ: <https://noev-kovcheg.ru/mag/2015-02-03/4915.html> (дата обращения: 20.05.2021).

региона прошли с обретением независимости, то практически никому не удалось преодолеть следующую важнейшую ступень — создать полноценную конкурентную партийно-политическую систему.

В условиях демократического транзита предполагается, что все процедуры смены власти должны проходить путем открытых выборных процессов. Но сложности с достижением необходимой устойчивости демократических институтов создают в реальности крайне пеструю палитру различных иных механизмов смены власти.

Ни одной из восьми стран региона не удалось сформировать устойчивые политические институты и политические традиции, которые бы обеспечивали стабильность, конкурентность, прозрачность избирательных процессов, возможность легального прихода к власти находящихся в оппозиции политических сил.

Как показывает наш анализ, единственный прецедент демократической смены власти в Грузии в 2012 г. в ближайшей и среднесрочной перспективе, вероятнее всего, так и останется единичным. Дело в том, что и в этом случае мы не можем говорить о наличии, пользуясь терминологией А.Ю. Мельвиля, «условного пакта», который бы устанавливал приемлемые для всех участников политической борьбы правила игры.

Логика развития политических процессов в регионе показывает, что институционально страны Центральной Азии и Южного Кавказа не готовы к конкурентной политике, которая рассматривается их руководством как угроза устойчивости государственности. Именно поэтому страны региона будут нацелены на поиск таких сценариев смены власти, при которых их общества выступали бы лишь легитимизаторами выбора, сделанного узкой группой представителей политических элит.

В таких условиях в ближайшей и среднесрочной перспективе только в некоторых странах можно ожидать перехода к политической модели с элементами полноценной конкурентной борьбы в рамках выборов — в Грузии и, менее вероятно, в Казахстане. Реализация более консервативных вариантов транзита ожидаема в Туркменистане и Таджикистане — скорее всего, в рамках династического сценария. В Киргизии сохраняется высокая вероятность повторения насильственной смены власти.

Одной из главных причин того, почему странам региона не удалось достичь заметного прогресса в демократизации и либерализации политических процессов, можно считать отсутствие заинтересованности

в этом правящих элит. Наоборот, с самого момента обретения независимости свою основную задачу они видели в укреплении собственной власти и недопущении прихода на высшие посты оппозиции через легальные процедуры. Как следствие, для представителей последней в странах Центральной Азии и Южного Кавказа единственным шансом пробиться во властные структуры становится использование неконституционных процедур в виде переворотов или создания условий для ухода лидера либо правящей партии в отставку. Этим мы можем объяснить такое разнообразие различных сценариев насильственной смены власти в регионе вместо установленных легальных процедур, характерных для демократических стран.

В качестве еще одной причины можно назвать распространение неформальных, архаичных механизмов удержания власти, таких как, например, пожизненное правление или передача поста главы государства члену семьи. Многим постсоветским странам свойственна сакрализация власти, когда интересы правящего клана отождествляются с интересами государства и вокруг этого тождества выстраивается специфическая государственная идеология. По сути, происходят такие явления, как реверсия политических процессов, предполагаемых теорией транзитологии, в сторону архаизации, установление в некоторых странах де-факто монархических режимов.

Таким образом, у государств региона не было серьезных внутренних стимулов для демократизации и либерализации политических процессов. Воздействие же внешних факторов, воплотившееся в реализации двух (и подготовке еще нескольких) «цветных революций», также не повлекло за собой качественного изменения политической ситуации. Если в Грузии правительство Михаила Саакашвили обеспечило заметный прогресс демократического транзита в стране, то в Киргизии итоги «тюльпановой революции» в марте 2005 г. были использованы кланом Курманбека Бакиева для установления еще более жесткого недемократичного режима, что в итоге привело к очередному перевороту.

Проведенный анализ позволяет констатировать ограниченность возможностей применения существующих теоретических подходов в области транзитологии для объяснения и, тем более, прогнозирования хода трансформации политических процессов на постсоветском пространстве, а также указывает на необходимость разработки новых объяснительных моделей, которые в большей степени учитывали бы особенности региональных политических систем.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арзумян Р.В. Бархатная революция в Армении: вызовы и возможности // Известия Саратовского университета. Серия: социология, политология. 2019. Т. 19. № 2. С. 223–230. DOI: 10.18500/1818-9601-2019-19-2-223-230.
2. Болпонова А. Политические кланы Кыргызстана: история и современность // Центральная Азия и Кавказ. 2015. № 3–4. С. 59–72.
3. Борисов Н.А. Трансформация политического режима в Узбекистане: этапы и итоги // Центральная Азия и Кавказ. 2005. № 6. С. 25–35.
4. Васильева О.В. Политические элиты Туркменистана и проблемы национальной идентичности // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2018. № 4 (57). С. 200–206.
5. Игбаев Р.Б. Этапы и особенности становления института президентской власти в Республике Казахстан // Вестник Башкирского университета. 2009. Т. 14. № 3. С. 938–943.
6. Карл Т.Л., Шмиттер Ф. Демократизация: концепты, постулаты, гипотезы. Размышления по поводу применимости транзитологической парадигмы при изучении посткоммунистических трансформаций // Полис. Политические исследования. 2004. № 4. С. 6–27.
7. Карозерс Т. Конец парадигмы транзита // Политическая наука. 2003. № 2. С. 42–65.
8. Карсаков И. Особенности трансформации политической системы Казахстана в конце 80-х — середине 90-х // Центральная Азия и Кавказ. 1998. № 14.
9. Кахаров Д. Приватизация в Узбекистане: сравнение с переходными экономиками стран Центральной и Восточной Европы // Центральная Азия и Кавказ. 2003. № 5. С. 214–220.
10. Линецкий А.В. Транзитология — место и роль в современной политической науке // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6. Философия. Культурология. Политология. Право. Международные отношения. 2010. № 2. С. 40–46.
11. Мельвил А.Ю. Демократические транзиты. М.: РОССПЭН, 2007. С. 123–134.
12. Мельвил А.Ю. Становление транснациональной политической среды и «волны» демократизации // Современные международные отношения и мировая политика: Учебник для вузов / Отв. ред. А.В. Торкунов. М.: Просвещение, 2004. С. 106–142.
13. Насибова А.С. От А. Муталибова к Г. Алиеву: формирование внешней политики независимого Азербайджана // Известия Саратовского университета. Серия: История. Международные отношения. 2019. Т. 19. № 1. С. 81–86. DOI: 10.18500/1819-4907-2019-19-1-81-86.
14. Немчинова Т.С. Проблема концептуального развития демократии в контексте четвертой волны демократизации // Вестник русской христианской гуманитарной академии. 2012. Т. 13. № 4. С. 206–213.

15. Норт Д. Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества. М.: Институт Гайдара, 2011.

16. Нуриев Э. Парламентские выборы-2005 в Азербайджане: факторы влияния // *Центральная Азия и Кавказ*. 2006. № 1 (43). С. 42–51.

17. Патрушев С.В. Институционализм в политической науке: этапы, течения, идеи, проблемы // *Политическая наука*. 2001. № 2. С. 149–189.

18. Преемники и преемничество в современной политике: Россия и мир в сравнительной перспективе / Под ред. А.Г. Гуляевой, Ю.В. Мясенко, Н.В. Борисовой и др. Пермь, 2014.

19. Притчин С.А. Особенности транзита власти в Кыргызстане и Грузии в условиях формирующихся политических институтов // *Журнал политических исследований [сетевое издание]*. 2020. Т. 4. № 3. С. 14–23. DOI: 10.12737/2587-6295-2020-14-23.

20. Семенова Т.Н. О формах перехода государственной власти в современном глобализирующемся мире // *Философия и общество*. 2014. № 2. С. 78–91.

21. Хлюпин В. Современный Казахстан: издержки обретения независимости // *СНГ. Ежегодник*. 2001.

22. Черноморова Т.В. Узбекистан: свой путь приватизации // *Приватизация в России и других странах СНГ / Отв. ред. В.А. Виноградов*. М.: ИНИОН РАН, 2003. С. 189–211.

23. Beume K. *Transition to democracy in Eastern Europe*. London: Palgrave Macmillan, 1996. DOI: 10.1057/9780230374331.

24. Bunce V. Comparative democratization: Big and bounded generalizations // *Comparative Political Studies*. 2000. Vol. 33. No. 6–7. P. 703–734.

25. Bunce V. *Subversive institutions: The design and the destruction of socialism and the state*. Cambridge: Cambridge University Press, 1999. DOI: 10.1017/CBO9780511816178.

26. Haggard S., Kaufman R.R. *The political economy of democratic transitions*. Princeton: Princeton University Press, 1995.

27. Huntington S.P. *The third wave: Democratization in the late twentieth century*. Norman: University of Oklahoma Press, 1991.

28. King C. Potemkin democracy: Four myths about post-Soviet Georgia // *The National Interest*. 2001. No. 64. P. 93–104.

29. Linz J., Stepan A. *Problems of democratic transition and consolidation. Southern Europe, South America, and post-Communist Europe*. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1996.

30. Mahoney J. Knowledge accumulation in comparative historical analysis: The case of democracy and authoritarianism // *Comparative historical analysis in the social sciences / Ed. by J. Mahoney, D. Rueschemeyer*. Harvard, 2000. P. 131–174.

31. McFaul M. *The fourth wave of democracy and dictatorship*. Paper prepared for the Annual Meeting of the American Political Science Association. San Francisco, 2001.

32. O'Donnell G., Schmitter P.C. Transitions from authoritarian rule: Tentative conclusions about uncertain democracies. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1986.

33. Valenzuela J.S. Democratic consolidation in post-transitional settings: Notions, process, and facilitating conditions // Issues in democratic consolidation: The new South American democracies in comparative perspective / Ed. by S. Mainwaring, G. O'Donnell, J.S. Valenzuela. Notre Dame: University of Notre Dame Press, 1992. P. 239–250.

34. Waldron-Moore P. Eastern Europe at the crossroads of democratic transition // Comparative Political Studies. 1999. Vol. 32. No. 1. P. 32–62.

REFERENCES

1. Arzumanyan H.V. 2019. Barkhatnaya revolyutsiya v Armenii: vyzovy i vozmozhnosti [Velvet revolution in Armenia: Challenges and opportunities]. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, vol. 19, no. 2, pp. 223–230. DOI: 10.18500/1818-9601-2019-19-2-223-230. (In Russ.)

2. Bolponova A. 2015. Politicheskie klany Kyrgyzstana: istoriya i sovremenost' [Political clans of Kyrgyzstan: Past and present]. *Central Asia and the Caucasus*, vol. 18, no. 3–4, pp. 59–72. (In Russ.)

3. Borisov N.A. 2005. Transformatsiya politicheskogo rezhima v Uzbekistane: etapy i itogi [Transformation of political regime in Uzbekistan: Stages and outcomes]. *Central Asia and the Caucasus*, no. 6, pp. 25–35. (In Russ.)

4. Vasil'eva O.V. 2018. Politicheskie elity Turkmenistana i problemy natsional'noi identichnosti [Political elites of Turkmenistan and the problems of national identity]. *The Caspian region: Politics, economics, culture*, no. 4 (57), pp. 200–206. (In Russ.)

5. Igbaev R.B. 2009. Etapy i osobennosti stanovleniya instituta prezidentskoi vlasti v Respublike Kazakhstan [Stages and features of formation of the institute of presidential power in the Republic of Kazakhstan]. *Bulletin of the Bashkir State University*, vol. 14, no. 3, pp. 938–943. (In Russ.)

6. Karl T.L., Shmitter F. 2004. Demokratizatsiya: Kontsepty, postulaty, gipotezy. Razmyshleniya po povodu primenimosti tranzitologicheskoi paradigmy pri izuchenii postkommunisticheskikh transformatsii [Concepts, assumptions and hypotheses about democratization (reflections on applicability of the transitological paradigm for the study of post-communist transformations)]. *Polis. Political Studies*, no. 4, pp. 6–27. (In Russ.)

7. Karozers T. 2003. Konets paradigmy tranzita [The end of the transition paradigm]. *Political Science*, no. 2, pp. 42–65. (In Russ.)

8. Karsakov I. 1998. Osobnosti transformatsii politicheskoi sistemy Kazakhstana v kontse 80-kh — seredine 90-kh [Features of the transformation of political system in Kazakhstan in the late 80s — mid 90s]. *Central Asia and the Caucasus*, no. 14. (In Russ.)

9. Kakharov D. 2003. Privatizatsiya v Uzbekistane: sravnenie s perekhodnymi ekonomikami stran Tsentral'noi i Vostochnoi Evropy [Privatization in

Uzbekistan: A comparison with the transition economies in Central and Eastern Europe]. *Central Asia and the Caucasus*, no. 5, pp. 214–220. (In Russ.)

10. Linetskii A.V. 2010. Tranzitologiya — mesto i rol' v sovremennoi politicheskoi nauke [Transitology — the place and role in modern political science]. *Vestnik of Saint Petersburg University. International Relations*, no. 2, pp. 40–46. (In Russ.)

11. Mel'vil' A.Yu. 2007. *Demokraticheskie tranzity* [Democratic transitions]. Moscow, ROSSPEN Publ. (In Russ.)

12. Mel'vil' A.Yu. 2004. Stanovlenie transnatsional'noi politicheskoi sredy i 'volny' demokratizatsii [The emergence of a transnational political environment and 'waves' of democratization]. In: Torkunov A.V. (ed.). *Sovremennye mezhdunarodnye otnosheniya i mirovaya politika* [Contemporary international relations and world politics]. Moscow, Prosveshchenie Publ., pp. 106–142. (In Russ.)

13. Nasibova A.S. 2019. Ot A. Mutalibova k G. Aliyevu: formirovanie vneshnei politiki nezavisimogo Azerbaidzhana [From A. Mutalibov to G. Aliyev: Formation of foreign policy of independent Azerbaijan]. *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, vol. 19, no. 1, pp. 81–86. DOI: 10.18500/1819-4907-2019-19-1-81-86. (In Russ.)

14. Nemchinova T.S. 2012. Problema kontseptual'nogo razvitiya demokrati v kontekste chetvertoi volny demokratizatsii [The problem of conceptual development of democracy in the context of the fourth democratization wave]. *Vestnik Russkoi khristianskoi gumanitarnoi akademii*, vol. 13, no. 4, pp. 206–213. (In Russ.)

15. North D.C. 2009. *Violence and social orders: A conceptual framework for interpreting recorded human history*. Cambridge, Cambridge University Press [Russ. ed.: Nort D. 2011. Nasilie i sotsial'nye poryadki. Kontseptual'nye ramki dlya interpretatsii pis'mennoi istorii chelovechestva. Moscow, Gaidar Institute Publ.].

16. Nuriev Eh. 2006. Parlamentskie vybory-2005 v Azerbaidzhane: faktory vliyaniya [Parliamentary elections-2005 in Azerbaijan: Influence factors]. *Central Asia and the Caucasus*, no. 1 (43), pp. 42–51. (In Russ.)

17. Patrushev S.V. 2001. InstitutSIONalizm v politicheskoi nauke: ehtapy, techeniya, idei, problemy [Institutionalism in political science: Stages, currents, ideas, problems]. *Political Science*, no. 2, pp. 149–189. (In Russ.)

18. Gulyaeva A.G., Myalenko Yu.V., Borisova N.V. (eds.). 2014. *Preemniki i preemnichestvo v sovremennoi politike: Rossiya i mir v sravnitel'noi perspektive* [Successors and succession in contemporary politics: Russia and the world in a comparative perspective]. Perm'. (In Russ.)

19. Pritchins S.A. 2020. Osobennosti tranzita vlasti v Kyrgyzstane i Gruzii v usloviyakh formiruyushchikhhsya politicheskikh institutov [Features of the transit of power in Kyrgyzstan and Georgia in the context of emerging political institutions]. *Journal of Political Research*, vol. 4, no. 3, pp. 14–23. DOI: 10.12737/2587-6295-2020-14-23. (In Russ.)

20. Semenova T.N. 2014. O formakh perekhoda gosudarstvennoi vlasti v sovremennom globaliziruyushchem mire [On the forms of transition of state power in the 21st century]. *Philosophy and Society*, no. 2, pp. 78–91. (In Russ.)

21. Khlyupin V. 2001. *Sovremennyi Kazakhstan: Izderzhki obreteniya nezavisimosti* [Modern Kazakhstan: The cost of independence]. *CIS yearbook*. (In Russ.)

22. Chernomorova T.V. 2003. *Uzbekistan: svoi put' privatizatsii* [Uzbekistan: Its own way of privatization]. In: Vinogradov V.A. (ed.). *Privatizatsiya v Rossii i drugikh stranakh SNG* [Privatization in Russia and other CIS countries]. Moscow, INION RAS Publ., pp. 189–211. (In Russ.)

23. Beyme K. 1996. *Transition to democracy in Eastern Europe*. London, Palgrave Macmillan. DOI: 10.1057/9780230374331.

24. Bunce V. 2000. Comparative democratization: Big and bounded generalizations. *Comparative Political Studies*, vol. 33, no. 6–7, pp. 703–734.

25. Bunce V. 1999. *Subversive institutions: The design and the destruction of socialism and the state*. Cambridge, Cambridge University Press. DOI: 10.1017/CBO9780511816178.

26. Haggard S., Kaufman R.R. 1995. *The political economy of democratic transitions*. Princeton, Princeton University Press.

27. Huntington S.P. 1991. *The third wave: Democratization in the late twentieth century*. Norman, University of Oklahoma Press.

28. King C. 2001. Potemkin democracy: Four myths about post-Soviet Georgia. *The National Interest*, no. 64, pp. 93–104.

29. Linz J., Stepan A. 1996. *Problems of democratic transition and consolidation. Southern Europe, South America, and post-communist Europe*. Baltimore, Johns Hopkins University Press.

30. Mahoney J. 2000. Knowledge accumulation in comparative historical analysis: The case of democracy and authoritarianism. In: Mahoney J., Rueschemeyer D. (eds.). *Comparative historical analysis in the social sciences*. Harvard, pp. 131–174.

31. McFaul M. 2001. *The fourth wave of democracy and dictatorship*. Paper prepared for the Annual Meeting of the American Political Science Association. San Francisco.

32. O'Donnell G., Schmitter P.C. 1986. *Transitions from authoritarian rule: Tentative conclusions about uncertain democracies*. Baltimore, Johns Hopkins University Press.

33. Valenzuela J.S. 1992. Democratic consolidation in post-transitional settings: Notions, process, and facilitating conditions. In: Mainwaring S., O'Donnell G., Valenzuela J.S. (eds.). *Issues in democratic consolidation: The new South American democracies in comparative perspective*. Notre Dame, University of Notre Dame Press, pp. 239–250.

34. Waldron-Moore P. 1999. Eastern Europe at the crossroads of democratic transition. *Comparative political studies*, vol. 32, no. 1, pp. 32–62.

Статья поступила в редакцию 26.07.2021; одобрена после рецензирования 02.11.2021; принята к публикации 25.11.2021.

The paper was submitted 26.07.2021; approved after reviewing 02.11.2021; accepted for publication 25.11.2021.

DOI: 10.48015/2076-7404-2021-13-4-43-80

Научная статья / Research paper

З.А. Кокошина*

ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ОБСТАНОВКА В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ В КОНТЕКСТЕ ОБОСТРЕНИЯ СИТУАЦИИ В АФГАНИСТАНЕ

*Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Институт социально-политических исследований (обособленное подразделение)
Федерального научно-исследовательского социологического центра
Российской академии наук» (ИСПИ ФНИСЦ РАН)
119333, Москва, ул. Фотиевой, 6, к. 1*

Регион Центральной Азии традиционно имеет особое значение для внешней политики России как в силу его экономического потенциала, так и, особенно, с точки зрения обеспечения национальной безопасности. Уже поэтому резкое обострение ситуации в Афганистане летом–осенью 2021 г., связанное со стремительным военным разгромом и последующим падением прозападного режима, а также с приходом к власти в стране движения «Талибан», признанного в России террористическим, не могло не вызвать серьезной озабоченности у российского руководства. События в Афганистане оказались в фокусе внимания и экспертного сообщества, вызвав целый шквал комментариев и прогнозов. Эти публикации, хотя и были подготовлены в «экстренном порядке», по горячим следам событий, базируются на опыте многолетних исследований и наблюдений. В данной статье предпринимается попытка зафиксировать и обобщить картину военно-политической ситуации в регионе Центральной Азии, какой ее застал новый кризис в Афганистане и какой она видится сейчас отечественным и зарубежным экспертам. В первой части дана характеристика позиций и интересов ряда важнейших региональных и внерегиональных субъектов международных отношений, оказывающих существенное влияние на развитие военно-политической ситуации в Центральной Азии. Во второй части рассмотрена реакция Российской Федерации на резкое обострение обстановки в Афганистане, сопровождавшее приход к власти там движения «Талибан». Наконец, в третьей части представлен обзор новейших экспертных комментариев и аналитических докладов, в которых предпринимается попытка оценить масштаб и возможные международные последствия этих

* *Кокошина Злата Андреевна* — научный сотрудник Института социально-политических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (e-mail: zлата.kokoshina77@gmail.com).

событий. Проведенное исследование позволяет приблизиться к пониманию перспектив развития региональной военно-политической ситуации в целом и вызовов, которые она таит для интересов национальной безопасности Российской Федерации.

Ключевые слова: Афганистан, «Талибан», национальная безопасность России, страны Центральной Азии, ОДКБ, ШОС, терроризм, экстремизм, наркоторговля, военно-политическое сотрудничество, КНР, США.

Для цитирования: Кокошина З.А. Военно-политическая обстановка в Центральной Азии в контексте обострения ситуации в Афганистане // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2021. Т. 13. № 4. С. 43–80. DOI: 10.48015/2076-7404-2021-13-4-43-80.

Zlata A. Kokoshina

THE MILITARY-POLITICAL SITUATION IN CENTRAL ASIA IN THE CONTEXT OF THE GROWING INSTABILITY IN AFGHANISTAN

*Institute of Socio-Political Research
Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology,
Russian Academy of Sciences
6-1, Fotievoi str., Moscow, Russia, 119333*

The Central Asian region due to its economic potential and strategic significance has traditionally been of particular importance for Russia's foreign policy. It was therefore not surprising that a serious deterioration of the political situation in Afghanistan in summer-autumn 2021 caused by the military defeat and the subsequent collapse of the pro-Western regime followed by the seizure of power by the Taliban raised serious concern of the Russian leadership. The developments in Afghanistan have attracted an increasing attention of the expert community, prompting a flurry of comments and forecasts. Although many of these papers were published hastily, their assessments and conclusion were usually based on the long-term observations. This paper attempts to provide an overview of the military-political situation in the Central Asian region as it was caught by a new crisis in Afghanistan and as it is seen by both Russian and foreign experts. The first section outlines positions and interests of the key regional and non-regional actors that have a significant impact on the military-political situation in Central Asia. The second section examines the response of the Russian Federation to the

situation in Afghanistan after the Taliban took power. Finally, the third section provides an overview of the latest expert comments and reports that attempt to assess possible implications of those events for the regional military-political dynamics and the national security interests of the Russian Federation.

Keywords: Afghanistan, the Taliban, national security of Russia, the Central Asian countries, the Collective Security Treaty Organization, the Shanghai Cooperation Organization, terrorism, extremism, illegal drug trafficking, political-military cooperation, the PRC, the United States.

About the author: *Zlata A. Kokoshina* — Research Fellow at the Institute of Socio-Political Research — Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences (e-mail: zlata.kokoshina77@gmail.com).

For citation: Kokoshina Z.A. 2021. The military-political situation in Central Asia in the context of the growing instability in Afghanistan. *Moscow University Bulletin of World Politics*, vol. 13, no. 4, pp. 43–80. DOI: 10.48015/2076-7404-2021-13-4-43-80. (In Russ.)

К постановке проблемы

Особое значение государств Центральной Азии (ЦА) для интересов России обусловлено как их стратегическим положением, так и множеством экономических, политических и культурных связей с нашей страной, оставшихся со времен Советского Союза и Российской империи.

Центральноазиатские государства обладают значительными запасами сырьевых ресурсов, установление контроля над которыми со стороны внерегиональных игроков может нанести серьезный ущерб национальным интересам России. Особенно большое значение имеют огромные запасы углеводородов, прежде всего в Казахстане и Туркменистане. К тому же ЦА — это огромный регион, играющий важную роль в перспективных транспортных коридорах. С точки зрения интересов Российской Федерации следует отметить, что центральноазиатские страны — важный источник трудовых мигрантов (исчисляемых несколькими миллионами), от которых в значительной мере зависят ряд сегментов экономики РФ, особенно жилищно-коммунальное хозяйство и строительная индустрия. Значимость этого человеческого ресурса особенно остро стала ощущаться в условиях пандемии новой коронавирусной инфекции.

В странах ЦА отмечается быстрый демографический рост: с момента распада Советского Союза население этих государств, по некоторым данным, увеличилось почти на 40%. Одновременно в регионе наблюдаются высокие темпы урбанизации: количество жителей городов возросло почти на 50% (за исключением, видимо, Туркменистана, о чем будет сказано далее)¹.

Эти процессы накладываются на объективные проблемы, в той или иной мере присущие всем странам региона, такие как нехватка пахотной земли, неравномерное экономическое развитие, высокий уровень безработицы, отток населения². Традиционно весьма острой, чреватой политическими конфликтами является проблема водных ресурсов и, следовательно, сотрудничества стран ЦА в этой сфере [Мубаракшин, 2014]. Кроме того, в последние годы наблюдается обострение пограничных споров, прежде всего между Таджикистаном и Киргизией, что усугубляется нестабильностью внутривосточной обстановки, межэтническими конфликтами, а также нехваткой водных ресурсов³.

Центральноазиатские государства из числа бывших советских республик являются светскими, но в них традиционно важную роль играет исламский фактор, в том числе в его экстремистском выражении⁴ [Россия — Средняя Азия, 2011; Шукуралиева, Липинский, 2021].

Серьезные проблемы у стран ЦА как молодых государств имеются с национальной идентичностью. Это характерно в том числе для Казахстана, имеющего протяженную границу с Россией [Кадыржанов, Абдыкаимова, 2020]. Нередко обеспечение национальной идентичности обретает антироссийский характер (как отмечают, например, Р. Фахрутдинов и М. Мошкин, в конце августа 2021 г. руководство Узбекистана объявило 115 участников басмаческого движения, которые были репрессированы в СССР в 1920–1930-х годах, «борцами за национальную независимость», и такой шаг

¹ Данков А.Г. Центральная Азия: опасные мифы и реальные проблемы // Российский совет по международным делам (РСМД). 13.04.2017. Доступ: <https://russiancouncil.ru/news/lektsiya-artema-dankova-tsentralnaya-aziya-opasnye-mify-i-realnye-problemy/> (дата обращения: 20.06.2021).

² Там же. С. 1.

³ Там же.

⁴ Дубина А.Д. Россия и Средняя Азия // Международная жизнь. 19.04.2011. Доступ: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/447> (дата обращения: 25.06.2021).

можно рассматривать как дружественный в отношении талибов, но не России⁵).

Как указывает Ш. Содиков, Центральная Азия, являясь для нашей страны одним из важнейших геополитических регионов, который окружает южные рубежи России, «имеет печальный опыт кровопролитных конфликтов и гражданских войн»⁶. В особенности это относится к Таджикистану: в 1992–1997 гг. государство прошло через полномасштабную гражданскую войну, жертвами которой стали более 80 тыс. человек. Одной из причин этого конфликта было усиление влияния исламистов и их идей. Во многом благодаря международным посредникам было сформировано коалиционное правительство, в которое вошли и представители Партии исламского возрождения Таджикистана (ПИВТ). Позднее она была законодательно запрещена⁷. Ценным стал опыт совместных действий России и стран ЦА в Таджикистане в 1993–1998 гг. в рамках миссии Коллективных миротворческих сил. В то время благодаря ей удалось защитить афгано-таджикскую границу силами подразделений погранвойск России, 201-й мотострелковой дивизии РФ, а также миротворческих батальонов Казахстана, Киргизии и Узбекистана⁸.

Из региона ЦА и в современных условиях исходит повышенная угроза нарастания деятельности исламистов, различных террористических, экстремистских организаций [Мальшев, 2017]. Коллектив авторитетных ученых и специалистов во главе с академиком РАН В.В. Наумкиным отмечает, что «для России, являющейся многонациональным и многоконфессиональным, но светским государством, большое значение имеет сохранение в Центральной Азии исторически сложившейся, в том числе благодаря присутствию здесь Рос-

⁵ Фахрутдинов Р., Мошкин М. Талибы пригрозили Средней Азии дружбой // Институт стран СНГ. 07.09.2021. Доступ: <https://i-sng.ru/publikacii/taliby-prigrozili-sredney-azii-druzhb/> (дата обращения: 12.09.2021).

⁶ Содиков Ш.Д. Тенденции военно-политического сотрудничества России со странами Центральной Азии // МГИМО. 03.03.2015. Доступ: <https://mgimo.ru/about/news/experts/267609/> (дата обращения 20.06.2021).

⁷ Торин А. Станислав Притчин: в постсоветский период Таджикистан остается важным партнером России в вопросах безопасности // Международная жизнь. 15.09.2021. Доступ: <https://interaffairs.ru/news/show/31693> (дата обращения: 10.09.2021).

⁸ Гареев Ш.М. Чем для СНГ и России опасно усиление талибов // Независимая газета. 07.07.2021. Доступ: https://www.ng.ru/kartblansh/2021-07-07/3_8192_kartblansh.html (дата обращения: 19.07.2021).

сии, традиции секулярности политической власти и политических режимов». Далее авторы подчеркивают, что «даже гипотетическая исламская альтернатива для государств Центральной Азии представляется для России совершенно нежелательной». При этом «исламский радикализм угрожает безопасности не только центральноазиатских государств, но и России» в силу того, что «облегчает подпитку на российской территории (особенно на Северном Кавказе и в Поволжье) террористического подполья, а также сепаратистских сил, имеющих исламистскую окраску» [Интересы России в Центральной Азии, 2013: 43].

Серьезнейшей проблемой для региона является нарастающий поток наркотиков из Афганистана, который преимущественно направляется в Россию и страны ЕС. Каналы этого наркотрафика проходят по всей Центральной Азии. При этом, как отмечают А.З. Мусави и К.П. Курылев, «наркобизнес перешел в качественно новый разряд профессиональных занятий» [Мусави, Курылев, 2020: 41]. С. Притчин пишет о том, что наркотрафик «курируют очень высокоорганизованные группировки»; они в том числе используют лазейки на таджикско-киргизской границе, которая удобна для соответствующих перевозок⁹.

После распада СССР и возникновения новых суверенных государств Российская Федерация и страны ЦА приложили значительные усилия для формирования новых отношений, которые отвечали бы взаимным интересам. Много было сделано как в двустороннем, так и в многостороннем форматах.

С каждой из стран региона у России сложились весьма важные отношения в военно-политической сфере. Как отмечается на официальном сайте МИД РФ, Российская Федерация и центральноазиатские государства на протяжении многих лет являются партнерами «по привилегированному сотрудничеству в военно-политической, торгово-экономической и культурно-гуманитарной сферах», они сотрудничают в области обеспечения «общей безопасности государств Евразии с южного направления»¹⁰. В упомянутом ранее докладе группы авторов во главе с В.В. Наумкиным обоснованно говорится о том, что основные интересы России в ЦА в первую очередь об-

⁹ Там же. С. 8.

¹⁰ Россия и Центральная Азия // МИД РФ. Доступ: <https://www.mid.ru/rossia-i-problemy-central-noj-azii> (дата обращения: 19.03.2021).

условлены задачами обеспечения безопасности [Интересы России в Центральной Азии, 2013].

Как отмечают Н.П. Пархитко, К.П. Курылев и Д.В. Станис, создание в ЦА «некоего “буфера стабильности” по периметру южных границ России является неременным условием поддержания как региональной (для постсоветских стран региона), так и национальной (для России) безопасности» [Пархитко и др., 2020: 25]. Данные суждения следует признать тем более справедливыми с учетом существования многочисленных связей России с этими бывшими республиками СССР.

Важным фактором обеспечения безопасности в регионе является Организация Договора о коллективной безопасности — ОДКБ (ее члены — Россия, Казахстан, Киргизия, Таджикистан, Армения и Белоруссия). За последние годы она провела значительное число учений, связанных прежде всего с парированием потенциальных угроз со стороны террористических экстремистских организаций. Среди таких учений — «Рубеж», «Взаимодействие», «Гром», «Кобальт», «Нерушимое братство». Под эгидой ОДКБ интенсивно ведется подготовка кадров в вузах в РФ (а также в Белоруссии, Казахстане и Армении) для силовых структур стран — членов организации. В ОДКБ имеется Центр кризисного реагирования, созданный в 2018 г.; сформированы Коллективные силы оперативного реагирования, Миротворческие силы, Коллективные авиационные силы [Кривопалов, 2021; Белобров, 2019; Кокошина, 2018b].

Большое значение имеет в регионе и Шанхайская организация сотрудничества (ШОС), в которой главная роль принадлежит России и Китаю. Эта организация в 2021 г. отмечает свое 20-летие. В нее помимо России, Китая и стран ЦА (Казахстан, Узбекистан, Таджикистан, Киргизия) входят также Индия и Пакистан, у которых непростая история двусторонних отношений. В государствах — членах ШОС проживает более 40% населения Земли и производится примерно четверть мирового ВВП. Среди участников организации — четыре ядерные державы. ШОС регулярно проводит как многосторонние, так и двусторонние учения спецслужб и правоохранительных органов (в рамках Региональной антитеррористической структуры ШОС), совместные пограничные операции, совместные антитеррористические учения «Мирная миссия» [Кокошина, 2016]. 17 сентября 2021 г. на саммите ШОС объявлено о рассмотрении создания Центра информационной безопасности ШОС, Центра по противодействию

международной организованной преступности, Антитеррористического центра ШОС и др.¹¹ При этом у стран-членов существуют и противоречия, и несовпадающие интересы [Кокошина, 2016]¹².

Существенную роль в поддержании стабильности в ЦА играет деятельность возглавляемого Россией интеграционного объединения — Евразийского экономического союза (ЕАЭС). В него входят Армения, Белоруссия, Казахстан, Киргизия, Россия.

Практически все страны региона, имея тесные связи с Российской Федерацией, придерживаются так называемой равновекторной политики, стараясь развивать отношения и с рядом других государств. Нередко это противоречит интересам России. Например, Казахстан, имея в лице Москвы основного партнера по военно-техническому сотрудничеству, приобретает вооружения и военную технику у Германии, Израиля, США, Турции, Украины, Франции, Южной Кореи и других стран [Пархитыко и др., 2020: 27–28]. В целом за годы, прошедшие после распада СССР, перечисленные государства, а также КНР, Иран, Индия, Япония, страны ЕС, развили на постсоветском пространстве активную деятельность. Главным образом она концентрировалась в экономической сфере, но неизбежно оказывала влияние и на военно-политическую обстановку в ЦА.

Новое резкое обострение ситуации в Афганистане высветило всё это сложное переплетение зачастую разнонаправленных интересов региональных и внерегиональных игроков в Центральной Азии. В данной статье предпринимается попытка зафиксировать и обобщить картину военно-политической ситуации в регионе, какой ее застал международный кризис, связанный с приходом к власти в Афганистане движения «Талибан»¹³. В полной мере международные последствия этого события еще не успели проявиться, однако тем интереснее посмотреть на текущую обстановку в ЦА. Ее анализ может позволить приблизиться к пониманию и перспектив развития региональной военно-политической ситуации в целом, и тех

¹¹ Душанбинская декларация двадцатилетия ШОС // ШОС. 17.09.2021. Доступ: <http://rus.sectsc.org/news/20210917/779142.html> (дата обращения: 20.09.2021).

¹² Нурибегов Р. Роль ШОС в современных международных отношениях: взгляд из Узбекистана // Международная жизнь. 12.04.2021. Доступ: <https://interaffairs.ru/news/show/29768> (дата обращения: 19.08.2021); Хакимов Б. ШОС и проблемы евразийской безопасности // Международная жизнь. 26.02.2021. Доступ: <https://interaffairs.ru/jauthor/num/2021/2> (дата обращения: 19.08.2021).

¹³ Террористическая организация, запрещена в Российской Федерации.

вызовов, которые она таит для интересов национальной безопасности Российской Федерации. Данное исследование будет опираться на ряд новейших докладов, обзоров и прогнозов, подготовленных ведущими зарубежными экспертно-аналитическими центрами. Как правило, эти публикации были подготовлены в «экстренном порядке», по горячим следам событий, но при этом базируются на опыте многолетних исследований и наблюдений.

Исходя из сказанного, представляется целесообразным выстроить изложение следующим образом: сначала будет дана характеристика позиций и интересов ряда важнейших региональных и внерегиональных субъектов международных отношений, оказывающих существенное влияние на развитие военно-политической обстановки в ЦА; затем будет рассмотрена реакция Российской Федерации на резкое обострение ситуации в Афганистане, сопровождавшее приход к власти там движения «Талибан»; в конце статьи будет представлен обзор новейших экспертных комментариев и аналитических докладов, в которых предпринимается попытка оценить масштаб и возможные международные последствия этих событий.

Военно-политическое присутствие Соединенных Штатов в регионе Центральной Азии

Начать представляется логичным с характеристики позиции Соединенных Штатов Америки, поскольку именно они несут основную ответственность за складывание той катастрофической внутриполитической, экономической и гуманитарной ситуации, которая наблюдается сейчас в Афганистане.

Страны ЦА традиционно являются объектом довольно пристального внимания ряда администраций США, некоторой части деловых кругов. Одна из важнейших задач, которую Вашингтон старается решить в регионе, — предотвращение сближения данных стран с Россией и Китаем, в том числе за счет торможения интеграционных процессов, возглавляемых РФ [Попов, 2016; Анашкина, 2021].

В 1990-е годы бывший помощник президента США по национальной безопасности и один из наиболее известных идеологов американской внешней политики того периода Збигнев Бжезинский назвал Евразию в целом «главным геополитическим призом» США после поражения Москвы в холодной войне и распада Советского Союза. З. Бжезинский считал необходимым для Вашингтона контролировать прежде всего ресурсы ЦА, «не претендуя на установление

политического доминирования, но при этом также не допуская и российского доминирования в регионе в русле общего принципа борьбы против России и, что немаловажно, против Ирана и Китая, которые тоже имеют в Центральной Азии свои понятные интересы» [Рыбкин, 2018: 183–184].

Основными объектами внимания американцев в ЦА считаются Узбекистан и Казахстан [Гегелашвили, 2021]. Важная для США задача — обеспечение контроля над определенной частью богатейших энергетических ресурсов региона (особенно Казахстана). Применительно к Таджикистану имеют место попытки ограничить влияние Ирана в этой стране¹⁴.

В военно-политической сфере особую активность США проявляют в Казахстане, в том числе за счет связей этой страны с НАТО. На протяжении больше 20 лет в Казахстане проходят учения с «Степной орел» с участием сил альянса. При помощи американских (и английских) инструкторов в стране в 2000 г. был создан батальон «Казбат» (предназначенный для миротворческих операций), который позднее трансформировался в полноценную бригаду «Казбриг». Военные специалисты из США и других государств НАТО активно работают в нескольких центрах подготовки личного состава вооруженных сил Казахстана¹⁵.

Бывший глава Роспотребнадзора, депутат Госдумы, врач-эпидемиолог Геннадий Онищенко заявил, что в Казахстане недалеко от Алматы действует самая современная в ЦА, построенная Пентагоном лаборатория, где «разрабатывают военные биологические рецептуры». По словам Г. Онищенко, «к гражданскому здравоохранению Казахстана это место никакого отношения не имеет. В США практически не скрывают, что ведут активную биологическую программу на территории Казахстана»¹⁶.

Как отмечает полковник К. Милов, странам, где размещаются такого рода американские объекты, оказывается «официальная помощь» в организации учета и безопасного хранения микробных

¹⁴ Земсков В.Н. Стратегия США в Центральной Азии // Центр военно-политических исследований МГИМО. Доступ: <http://eurasian-defence.ru/?q=node/6529> (дата обращения: 19.07.2021).

¹⁵ Мухин В. В июле в Нур-Султане ждут силы НАТО // Независимая газета. 20.05.2021. Доступ: https://www.ng.ru/armies/2021-05-20/1_8153_nato.html (дата обращения: 19.07.2021).

¹⁶ Там же. С. 15.

коллекций, в реконструкции лабораторной базы, подготовке специалистов. Взамен Соединенные Штаты добиваются получения полного контроля над санитарно-эпидемиологической обстановкой в соответствующей стране и проводимыми там исследованиями. Американцы стремятся пополнять свои коллекции биоматериалов, изучать восприимчивость жителей к различным болезням и средствам их лечения, проводить испытания инновационных лекарственных препаратов на местном населении¹⁷.

Такого рода деятельность осуществляется в условиях острого противостояния России с США и НАТО, что хорошо известно в Нур-Султане. К сожалению, позиция Москвы по этому вопросу в Казахстане, по-видимому, не учитывается.

Ряд авторов отмечают, что в целом политика Вашингтона в ЦА — это одна из частей более общей евразийской стратегии США. Ее объектами помимо центральноазиатских стран являются также Каспийский и Кавказский регионы, Россия, Афганистан, Китай, Южная Азия и государства Ближнего и Среднего Востока [Тофан, 2016: 88].

С 2000-х годов страны ЦА приобрели особое значение для обеспечения деятельности группировки сил США и их союзников в Афганистане¹⁸. Обострение ситуации в этом государстве стало поводом для обращения администрации Д. Трампа к формату «С5+1» (Казахстан, Киргизия, Таджикистан, Туркменистан, Узбекистан и США), созданного в 2015 г. для рассмотрения проблем в сфере экономики, экологии и безопасности¹⁹.

По сообщениям СМИ, США в 2021 г. стали рассматривать вариант переброски некоторой части своих сил из Афганистана в Узбекистан и Таджикистан (всё началось с публикации в газете *The Wall Street Journal*)²⁰. В американских СМИ речь шла о том, что Вашингтон

¹⁷ Милов К. Нарушение Соединенными Штатами Америки конвенций о запрещении химического и биологического оружия // Зарубежное военное обозрение. 2021. № 6. С. 34. Доступ: <https://zvo.ric.mil.ru/Numbera/2/> (дата обращения: 19.06.2021).

¹⁸ Логинова К. Токсичные гости: почему США активизировались в Центральной Азии // Известия. 04.07.2020. Доступ: <https://iz.ru/1031239/kseniiia-loginova/toksichnye-gosti-pochemu-ssha-aktivizirovalis-v-tcentralnoi-azii> (дата обращения: 19.07.2021).

¹⁹ Страны Центральной Азии и США отметили успех формата «С5+1» // ТАСС. 04.05.2021. Доступ: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/11307235> (дата обращения: 19.07.2021).

²⁰ Вернутся ли военные базы США в Центральную Азию — подробности // Sputnik Азербайджан. 10.05.2021. Доступ: <https://az.sputniknews.ru/world/20210510/426921441/usa-aziya-azerbajjan-russia-china-baza.html> (дата обращения: 19.07.2021).

готовов обсуждать создание не баз, а объектов меньшего масштаба, например логистических, тренинговых (или антикризисных) центров²¹. Предполагалось, что такое базирование в этих странах позволит американским военным быстро вернуться в Афганистан «в случае необходимости»²². В ответ на публикацию в *The Wall Street Journal* последовала быстрая реакция Министерства обороны Узбекистана. Его представители заявили, что «военная база США не может быть размещена на территории республики», поскольку «этого не предусматривает ни оборонная доктрина, ни Конституция страны»²³.

О недопустимости такого развития событий предупредил директор Службы внешней разведки России С.Е. Нарышкин. Он не назвал конкретную страну, с которой попытались договориться США, но подчеркнул, что «правительство Соединенных Штатов Америки не хотело бы терять контроль над этой территорией и вынашивает намерения разместить хотя бы часть тех ресурсов, которые сегодня они имеют на территории Афганистана, в соседних странах. Мы понимаем и даже имеем информацию о том, что такие попытки предпринимаются и будут предприниматься. И очень рассчитываем, что не только партнеры, но и союзники по Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ) на такое не пойдут»²⁴.

У ряда стран Центрально-Азиатского региона существует весьма неоднозначный опыт по размещению у себя в начале 2000-х годов американских военных объектов. Так, после терактов 11 сентября 2001 г. в Нью-Йорке и Вашингтоне Соединенные Штаты убедили руководство Узбекистана выделить Пентагону бывший советский аэродром Карши-Ханабад, расположенный в 90 км от афганской границы. К 2002 г. на этой базе были размещены около 1300 американских военнослужащих. База сыграла немаловажную роль в американских военных действиях на территории Афганистана²⁵.

Однако такое сотрудничество имело свои пределы в силу ряда причин. По мнению редактора журнала «Арсенал Отечества»

²¹ Бельнская М., Кривошеев К. Вашингтону протянули базу помощи // *Коммерсантъ*. 17.07.2021. Доступ: <https://www.kommersant.ru/doc/4907714> (дата обращения: 19.07.2021).

²² Там же. С. 23.

²³ Там же.

²⁴ Там же. С. 15.

²⁵ Гасюк А. Базы по соседству // *Российская газета*. 10.05.2021. Доступ: <https://rg.ru/2021/05/10/ssha-prigliadyvaiutsia-k-uzbekistanu-i-tadzhikistanu-dlia-razmeshcheniia-svoih-baz.html> (дата обращения: 19.07.2021).

В. Мураховского, «США своими же руками разрушили военное сотрудничество — фактически получив возможность создания на территории этой страны 20 лет назад полноценной военной базы, американцы от военных вопросов перешли к политическим, начали учить Ташкент, как проводить внутреннюю политику, за что и были изгнаны из страны»²⁶. Результатом таких действий, по словам В. Мураховского, стало появление в Конституции республики пункта «о невозможности размещения на территории Узбекистана каких-либо иностранных военных баз»²⁷.

В свое время значительную роль в войне США и их союзников и партнеров в Афганистане сыграла и американская авиабаза в Киргизии, в Манасе, которая была свернута в 2014 г. За неполные 13 лет деятельности этой базы через нее в Афганистан были доставлены 98% служивших там военных и гражданских специалистов из США и других стран НАТО. Общее число прошедших через эти базу военнослужащих и гражданских лиц составило более 5 млн человек.

Россия на протяжении длительного времени оказывала значительную поддержку силам НАТО, обеспечивая снабжение международной коалиции через свою территорию. Для США и их союзников был открыт так называемый северный коридор для трансполярных полетов тяжелых транспортных самолетов C-5M Super Galaxy²⁸. Тогда Москва также не возражала против развертывания американской военной инфраструктуры в ЦА²⁹.

Официально численность американского контингента к началу его вывода из Афганистана составляла 2500 человек, хотя, по некоторым данным, — на 1000 человек больше (на пике операции в 2010–2013 гг. группировка США и их западных партнеров в Афганистане превышала 150 тыс. человек). Кроме того, там располагались более 7000 военнослужащих других стран — партнеров Вашингтона по коалиции,

²⁶ Литовкин Д. Узбекистан и Таджикистан становятся новыми точками противостояния Вашингтона и Пекина // Независимая газета. 10.05.2021. Доступ: https://www.ng.ru/cis/2021-05-10/5_8143_confrontation.html (дата обращения: 19.07.2021).

²⁷ Там же. С. 28.

²⁸ Лизан И. Американцы наконец уходят с киргизской авиабазы. Как они отомстят нам // Военное обозрение. 03.06.2014. Доступ: <https://topwar.ru/50844-amerikancy-nakonec-uhodvat-s-kirgizskov-aviabazv-kak-oni-otomstyat-nam.html> (дата обращения: 19.07.2021).

²⁹ Кортунув А.В. Афганистан как стресс-тест для ШОС // РСМД. 15.06.2021. Доступ: <https://russiancouncil.ru/analytcs-and-comments/analytcs/afganistan-kak-stress-test-dlya-shos/> (дата обращения: 12.07.2021).

большую часть которых составляли военные из государств НАТО³⁰. Как огласил 8 июля 2021 г. Дж. Байден, США за примерно 20 лет действий в Афганистане потратили около 1 трлн долларов (в том числе на подготовку сотен тысяч афганских военнослужащих и сотрудников в сфере национальной безопасности). Соединенные Штаты за это время потеряли 2448 человек убитыми и 20 722 ранеными³¹. Силовые структуры Афганистана к моменту вывода войск США и их партнеров официально насчитывали 300 000 человек, которым, по американским оценкам, противостояли 75 000 талибов³².

После полной победы «Талибана» в середине августа 2021 г. многие американские авторы стали высказывать сомнения относительно того, что афганская армия достигала таких размеров. Эксперты говорили о том, что чуть ли не большая часть батальонов этой армии существовала только на бумаге. Отмечалось, что военные и политики США и НАТО многие годы приукрашивали положение в афганских силовых структурах и в Афганистане в целом, недоучитывали исключительно высокий уровень коррупции в этой стране и проблему наркотрафика [Cordesman, 2021].

Политические и экономические интересы и позиции КНР в Центральной Азии

В контексте рассматриваемых проблем нельзя обойти вниманием и существенно возросшую активность Китая в регионе. Расширяя свое влияние в странах ЦА, Пекин основную ставку делает на экономические рычаги: торговлю, инвестиции, инфраструктурные проекты, кредиты³³. Благодаря высоким темпам экономического роста, огромным объемам своей экономики КНР имеет «неоспоримые пре-

³⁰ Missy R., DeYoung K. Biden will withdraw all U.S. forces from Afghanistan by Sept. 11, 2021 // The Washington Post. 13.04.2021. Available at: https://www.washingtonpost.com/national-security/biden-us-troop-withdrawal-afghanistan/2021/04/13/918c3cae-9beb-11eb-8a83-3bc1fa69c2e8_story.html (accessed: 12.08.2021).

³¹ Remarks by President Biden on the drawdown of the US Forces in Afghanistan // The White House. 08.07.2021. Available at: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/speeches-remarks/2021/07/08/remarks-by-president-biden-on-the-drawdown-of-u-s-forces-in-afghanistan/> (accessed: 19.07.2021).

³² Ibid. P. 33.

³³ Воробьев А.В. Китай и Центральная Азия: растущая дружба под боком России // РСМД. 04.07.2017. Доступ: <https://russiancouncil.ru/analytcs-and-comments/analytcs/kitay-i-tsentralnaya-aziya-rastushchaya-druzhba-pod-bokom-rossii/> (дата обращения: 19.06.2021).

имущества» перед всеми другими странами, пытающимися воздействовать на положение дел в ЦА. Отмечается, что Китай «претендует на экономическое и в перспективе — культурное доминирование в регионе, что облегчается как географической близостью к региону, так и экономическим потенциалом КНР» [Пархитыко и др., 2020: 27–28].

Китай уже на протяжении 10 лет занимает лидирующие позиции по темпам роста прямых инвестиций в страны ЦА и объемам предоставленных кредитов; по ряду оценок, увеличивается долговая зависимость государств региона. Как отмечает С. Притчин, Пекин проводит весьма жесткую кредитно-денежную политику: Таджикистан, например, в счет долга КНР вынужден был отдать китайской компании свои золоторудные месторождения³⁴.

По оценкам некоторых специалистов, после распада СССР Китай выдвигал территориальные претензии к странам ЦА относительно примерно 1/5 их территорий. В том числе, как отмечается в материалах Российского совета по международным делам, Пекин претендовал на «регион, простиравшийся от Семиречья до озера Балхаш в Казахстане, почти весь Кыргызстан и Памирский район Таджикистана»³⁵. Ряд авторов указывают, что в связи с повышенной экономической активностью КНР в Киргизии, Казахстане, Таджикистане возрастают синофобские настроения [Лексютина, 2020: 11].

Китай выстраивает свои отношения со странами ЦА в том числе в рамках инициативы «Один пояс — один путь» (ОПОП). Как считает А. Виноградов, это «бросает вызов» интеграционным усилиям России на постсоветском пространстве, которые в значительной мере связаны с развитием ЕАЭС. По оценке этого автора, сопряжение данного объединения и Экономического пояса Шелкового пути «не успевает за развитием двустороннего сотрудничества Китая со странами Центральной Азии», что «ослабляет организационную роль России в интеграционных процессах» [Виноградов, 2021: 6, 15].

Нельзя не отметить гигантский объем ресурсов, которые выделяет и будет выделять Китай на ОПОП. По ряду оценок, общие затраты на этот мегапроект могут составить 4–8 трлн долл. «“Один пояс — один путь” — крупнейший глобальный геоэкономический

³⁴ Там же. С. 8.

³⁵ Бредихин А.В. Аренда земли и территориальные претензии Китая в Центральной Азии и на Южном Кавказе // РСМД. 20.06.2020. Доступ: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/postsoviet/arenda-zemli-i-territorialnye-pretenzii-kitaya-v-tsentralnoy-azii-i-na-yuzhnom-kavkaze/> (дата обращения: 21.06.2021).

проект за всю историю существования мировой экономики» [Хейфец, Степанов, 2019: 34].

С военно-политической точки зрения для Китая важно сотрудничество с государствами ЦА (в том числе в рамках ШОС) в области сдерживания экстремизма и обеспечения региональной стабильности. Пекин серьезно обеспокоен активизацией в последние годы исламистов и распространением в Казахстане и Киргизии радикальных идей. Это связано с ситуацией в Синьцзян-Уйгурском автономном районе Китая, где проживает преимущественно мусульманское население³⁶.

На этом фоне примечательна реакция КНР на события в Афганистане. По сообщению сайта «Фергана», в конце июля — начале августа 2021 г. Пекин обещал поддержать правительство талибов в процессе восстановления стабильности в Афганистане, взамен требуя от них прекратить какое-либо сотрудничество с сепаратистской организацией «Исламское движение Восточного Туркестана» (запрещена в России). При этом, по ряду оценок, некоторое время назад талибы фактически были спонсорами этой организации, целью которой было декларировано создание в Синьцзяне независимого государства уйгуров — исламского эмирата³⁷. Указывается также, что для Китая весьма важно реализовать в Афганистане инфраструктурные проекты, особенно в рамках концепции «Нового шелкового пути», с целью обеспечить надежный доступ в регион Персидского залива; говорится о том, что Пекин может начать реализовывать такие проекты даже без дипломатического признания режима талибов³⁸.

Официальный представитель МИД КНР Хуа Чуньин заявила 16 августа 2021 г., что ситуация в Афганистане претерпела огромные изменения и Китай уважает волю и выбор афганского народа. Она также сообщила, что талибы неоднократно выражали надежду на развитие хороших отношений с Пекином и отмечали, что очень надеются на участие Китая в восстановлении и развитии своей страны, а также то, что они обещают не давать использовать территорию Афганистана каким-либо силам для создания угрозы КНР³⁹.

³⁶ Там же. С. 37.

³⁷ Рыбин А. Китай сделал талибам «уйгурское предупреждение» // Фергана. 02.08.2021. Доступ: <https://fergana.media/articles/122563/> (дата обращения: 19.08.2021).

³⁸ Лакстыгал И. Могут ли «Талибан» признать в качестве новых властей Афганистана // Ведомости. 24.08.2021. Доступ: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2021/08/23/883246-mogut-taliban> (дата обращения: 27.08.2021).

³⁹ МИД КНР: Китай уважает выбор афганского народа и призывает к плавному переходу в стране // Жэньминь жибао. 16.08.2021. Доступ: <http://russian.people.com.cn/n3/2021/0817/c31521-9884701.html> (дата обращения: 19.08.2021).

Представители руководства талибов с энтузиазмом приветствовали то, что они восприняли как готовность Пекина «инвестировать и восстановить» Афганистан⁴⁰. В публикации Международного института стратегических исследований риски для инвестиций Китая в горнодобывающую промышленность Афганистана оцениваются исключительно высоко. Ряд экспертов полагают, что КНР может оказаться вовлеченной в длительный вооруженный конфликт⁴¹. Отмечается, что Китай (часто совместно с Пакистаном) неоднократно пытался в последние годы содействовать процессу национального примирения в Афганистане с участием движения «Талибан» [Замаева, 2019]. Китайское агентство «Синьхуа» сообщило о том, что один из руководителей «Талибана» Забихулла Муджахид заявил о готовности избавить Афганистан от наркотиков при условии, что международное сообщество поможет стране в освоении других культур⁴². Можно заметить, что это очень трудновыполнимое условие.

Безопасность Центральной Азии и интересы региональных игроков

Помимо переплетения интересов указанных глобальных игроков безопасность ЦА всё больше зависит от деятельности региональных держав. В контексте обострения ситуации в Афганистане особого рассмотрения заслуживают позиции Турции и Ирана.

В лице новых суверенных государств ЦА, возникших после распада СССР, на постсоветском пространстве появились образования, близкие к Турции в этническом, языковом и религиозном отношении (Узбекистан, Туркменистан, Киргизия, Казахстан). Это способствовало тому, что «Турция приступила к формированию своей новой идентичности как лидера тюркского общества»⁴³, что стало важной

⁴⁰ Chausovski E. China and Russia have a shared playbook for Afghanistan // Foreign Policy. 13.09.2021. Available at: <https://foreignpolicy.com/2021/09/13/china-russia-shared-playbook-afghanistan/> (accessed: 20.09.2021).

⁴¹ Nouwens M. Adapting to a new reality in Afghanistan // International Institute for Strategic Studies. 20.08.2021. Available at: <https://www.iiss.org/blogs/analysis/2021/08/afghanistan-taliban-region-response> (accessed: 21.08.2021).

⁴² Талибы намерены сформировать в Афганистане инклюзивное правительство // Синьхуа новости. 17.08.2021. Доступ: http://russian.news.cn/2021-08/18/c_1310133176.htm (дата обращения: 19.08.2021).

⁴³ Кудряшова Ю.С. Взаимодействие Турции со странами Центральной Азии // МГИМО. 27.10.2009. Доступ: <https://mgimo.ru/about/news/experts/124764/> (дата обращения: 20.08.2021).

составляющей идеологии и политической практики пантюркизма, обращенной, опять же, прежде всего к странам ЦА и к российскому Поволжью [Карякин, 2020]. В начале 1990-х годов руководство Турции ставило вопрос о создании тюркского мира «от Адриатического моря до Великой китайской стены» [Шлыков, 2017: 60].

У многих турецких государственных руководителей и политиков появилось стремление заполнить образовавшийся после распада Советского Союза «идеологический вакуум». Анкара усиленно пропагандировала в странах ЦА так называемую турецкую модель развития. Государства региона остро нуждались не только в техническом содействии, но и в финансовой помощи. Турция попыталась воспользоваться ситуацией, выделив в 1992–1993 гг. центральноазиатским государствам кредиты на 1,2 млрд долл. Однако, как отмечают Э.О. Касаев и В.И. Кононов, позднее наступило разочарование, поскольку турецкая сторона «осознала, что ее ресурсов не хватает для того, чтобы “тянуть на себе” экономики новых независимых государств»⁴⁴. Турция в силу ограниченности своих экономических возможностей не могла постоянно оказывать на значительном уровне помощь «братским народам»⁴⁵. Это привело к тому, что ее активность в большинстве стран региона на какое-то время снизилась. Турецкие проекты в ЦА стали более приземленными и ограниченными [Кудаяров, 2018].

Такого рода экспансионистские идеи вернулись в повестку дня внешней политики Турции в середине 2010-х годов, но более приоритетным объектом этой политики выступало уже ближневосточное, а не постсоветское пространство [Шлыков, 2019: 92].

В регионе ЦА Турция в последние годы сосредоточила свои усилия не столько на тюркоязычных странах, сколько на более близком ей географически Азербайджане, оказав ему в том числе значительную военную и военно-техническую помощь. Это в немалой степени способствовало победе, которую одержал Азербайджан над Арменией в 2020 г. в Нагорном Карабахе.

Немаловажную роль в этой победе сыграли разведывательно-ударные дистанционно пилотируемые летательные аппараты (дроны) турецкой разработки и производства, против которых

⁴⁴ Касаев Э.О., Кононов В.И. Турция: новая роль в современном мире // ИМЭМО РАН. Доступ: https://www.imemo.ru/files/File/ru/publ/2012/2012_001_turkish.pdf (дата обращения: 20.07.2021).

⁴⁵ Там же. С. 45.

оказалась практически бессильной система противовоздушной обороны Армении, имевшаяся в Нагорном Карабахе [Зарудницкий, 2021: 36]. В этой связи логично ожидать, что такие турецкие дроны могут быть предложены Анкарой для приобретения тем или иным центральноазиатским странам.

К этому располагает и некоторая активизация действий Турции в ЦА по военно-политическому направлению, наблюдаемая в последние годы, в частности в Киргизии и Таджикистане. Киргизия была объявлена министром национальной обороны Турции Хилуси Абаром «важным партнером». Было сказано, что Анкара готова углублять военное и военно-техническое сотрудничество с Таджикистаном, а также делиться с обеими странами опытом в области обеспечения безопасности границ и борьбы с терроризмом. Речь идет, в частности, об увеличении масштабов обучения Турцией киргизских военных специалистов. Готовность Бишкека к такому сотрудничеству, особенно с учетом растущих угроз в связи с новой ситуацией в Афганистане, отметил президент Киргизии Садыр Жапаров⁴⁶. Ранее турецкий министр обороны побывал в Нур-Султане и Ташкенте⁴⁷.

В целом можно согласиться с мнением тех исследователей, которые считают, что Турция остается «вторичным» актором в ЦА [Emre Sucu et al., 2021].

Исламская Республика Иран также проявляет к странам региона постоянный интерес, в том числе в контексте ситуации в Афганистане. Тегеран обладает значительным экономическим и технологическим потенциалом и активными внешнеполитическими устремлениями в ЦА. Иранское руководство придает особое значение контактам со странами региона в культурно-идеологической сфере, используя в том числе иранские культурные центры на их территории⁴⁸.

На фоне напряженных отношений ИРИ с рядом арабских монархий и серьезных проблем с США усиление ее позиций в ЦА означает возмож-

⁴⁶ Панфилова В. Турция защитит Киргизию и Таджикистан от афганских радикалов // Независимая газета. 01.07.2021. Доступ: https://www.ng.ru/cis/2021-07-01/1_8188_turkey.html (дата обращения: 09.07.2021).

⁴⁷ Панфилова В. Анкара ищет союзников в карабахской войне // Независимая газета. 27.10.2020. Доступ: https://www.ng.ru/cis/2020-10-27/1_8000_ankara.html (дата обращения: 20.07.2021).

⁴⁸ Мехдиев Э. Стратегические интересы Ирана в Центральной Азии на современном этапе // Фонд Горчакова. 22.12.2015. Доступ: <https://gorchakovfund.ru/news/view/elnur-mekhdiev-strategicheskie-interesy-irana-v-tsentralnoy-azii-na-sovremennom-etape/> (дата обращения: 27.07.2021).

ность приобретения новых партнеров, налаживания новых экономических связей и облегчения международной изоляции [Грозин, 2020: 107]. Как отмечает профессор И.Д. Звягельская, развивая взаимоотношения с центральноазиатскими государствами, Иран «на первое место ставит прагматические интересы и не претендует на лидерство». На иранский курс в отношении стран ЦА практически не оказывала влияние смена лидеров соответствующих государств, у него не было резких поворотов и он не носил конфронтационного характера. Напротив, подход руководства ИРИ к взаимоотношениям со странами ЦА, считает И.Д. Звягельская, всегда был «рационалистичным и сдержанным»⁴⁹.

Немаловажным фактором такого поведения Ирана в регионе является то, что он активно взаимодействует с этими странами в рамках ШОС, признавая, по-видимому, то, что в этой организации ведущая роль принадлежит России и Китаю⁵⁰.

Приход к власти в Афганистане движения «Талибан» и интересы национальной безопасности России

Более 20 лет США вели в Афганистане войну против «Аль-Каиды»⁵¹ и движения «Талибан», которая так и не привела к решающей победе Вашингтона и его союзников. Несмотря на это, администрация Дж. Байдена объявила о полном выводе американских войск из Афганистана к 1 сентября 2021 г.

В этих условиях в августе талибы нанесли сокрушительное и стремительное поражение правительственным силам Афганистана и захватили столицу — Кабул. США, Великобритания и ряд других государств в момент захвата талибами Кабула осуществили полную эвакуацию своих дипмиссий⁵². Для этого администрация Дж. Байдена в экстренном порядке направила в афганскую столицу несколько тысяч морских пехотинцев и десантников. Россия, Китай и Пакистан эвакуировать свои посольства не стали.

⁴⁹ Звягельская И.Д. В поисках точки опоры: Иран в Центральной Азии // РСМД. 12.11.2014. Доступ: <https://russiancouncil.ru/analytiks-and-comments/analytiks/v-poiskakh-tochki-opory-iran-v-tsentralnoy-azii/> (дата обращения: 25.07.2021).

⁵⁰ Там же. С. 41.

⁵¹ Террористическая организация, запрещена в Российской Федерации.

⁵² США отслеживают угрозы террористов при эвакуации из аэропорта Кабула // Известия. 23.08.2021. Доступ: https://iz.ru/1210977/2021-08-23/ssha-otslezhivaiut-ugrozy-terroristov-pri-evakuacii-iz-aeroporta-kabula?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop&nw=1629678432000 (дата обращения: 23.08.2021).

Такой исход американского присутствия в Афганистане не стал неожиданным для многих зарубежных и отечественных экспертов и политиков; поражающей была только быстрота свершившегося. США делали ставку на политический процесс примирения властей в Кабуле и движения «Талибан», что полностью не оправдалось.

В этих условиях в российском экспертном и академическом сообществе развернулись активные дискуссии относительно оценки возможных последствий победы талибов для интересов национальной безопасности Российской Федерации, в частности, с точки зрения усиления террористической угрозы.

Некоторые отечественные и зарубежные эксперты отмечают, что не следует рассматривать талибов как экспансионистскую силу, поскольку они, скорее всего, не предпримут наступательных действий в отношении соседей. В частности, спецпредставитель президента РФ по Афганистану Замир Кабулов высказал мнение, что присутствие талибов в северных провинциях страны служит защитой от появления в ЦА других террористических группировок, которые конфликтуют с талибами⁵³.

Вместе с тем известный специалист А. Казанцев обращает внимание на тесные связи наиболее радикального крыла северо-кавказских боевиков с «Талибаном» через «Аль-Каиду», которая активно участвовала в обеих чеченских войнах⁵⁴. Обозначается новая связка между воевавшими против России в Сирии боевиками (включая выходцев с постсоветского пространства) и Афганистаном через подразделение «Исламского государства» («ИГ»)⁵⁵ в этой стране — «Исламское государство — Хоросан»⁵⁶.

Авторитетный российский ученый К. Семёнов пишет о том, что «Талибан» действительно не призывает к джихаду за пределами Афганистана. Однако талибы могут использовать «мягкую силу» (исламизма) в ЦА, на Северном Кавказе, в Поволжье. Препятствием

⁵³ Панфилова В. Россия не исключает бомбежки боевиков // Независимая газета. 09.08.2021. Доступ: https://www.ng.ru/cis/2021-08-09/5_8220_asia.html (дата обращения: 19.08.2021).

⁵⁴ Казанцев А.А. Кризис с Афганистане: проблемы безопасности России и стран Центральной Азии // РСМД. 10.08.2021. Доступ: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/krizis-v-afganistane-problemy-bezopasnosti-rossii-i-stran-tsentralnoy-azii/> (дата обращения: 12.09.2021).

⁵⁵ Террористическая организация, запрещена в Российской Федерации.

⁵⁶ Террористическая организация, запрещена в Российской Федерации.

для них на этом пути может стать нехватка средств — у талибов нет и не предвидится появления финансовых возможностей тех же монархий Персидского залива. В этой связи К. Семёнов говорит о том, что в ЦА угрозу прежде всего представляет не возможность прямого вторжения сил «Талибана» или отдельных отколовшихся от него более радикальных элементов, но пример, который талибы создали своими успехами⁵⁷.

Как отмечает российский эксперт А. Кадомцев, «в случае провала попыток быстрой стабилизации внутренней ситуации новые афганские власти вполне могут решить, что экспорт радикализма является наилучшим способом как канализировать недовольство населения, так и приглушить существующие разногласия между полевыми командирами»⁵⁸. Он также говорит о вероятности возврата в Афганистане к хаосу и внутреннему противостоянию 1990-х⁵⁹.

Так или иначе, стремительность, с которой развивались события в Афганистане, и масштаб сопровождавших их экономических, социальных и политических потрясений уже поставили перед странами региона целый ряд острых проблем, требующих безотлагательного решения.

Ситуация усугубляется угрозой массового исхода беженцев из Афганистана в государства ЦА (а также в Иран), откуда они могут направляться и в другие страны, включая Россию⁶⁰. В этом потоке могут оказаться и представители экстремистских и террористических группировок, действующих на территории Афганистана. Возникает также опасность перемещения в Афганистан нескольких тысяч обученных и имеющих опыт ведения военных действий боевиков — выходцев из Узбекистана, Таджикистана, Казахстана и Киргизии, из Ближневосточного региона⁶¹. Глава МИД РФ С.В. Лавров

⁵⁷ Семёнов К. Роль и место движения «Талибан» на карте мирового исламизма, его вызовы и угрозы // РСМД. 02.09.2021. Доступ: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/rol-i-mesto-dvizheniya-taliban-na-karte-mirovogo-islamizma-ego-vyzovu-i-ugrozy/> (дата обращения: 20.09.2021).

⁵⁸ Кадомцев А. Новая власть в Афганистане и соотношение сил в Южной Азии // РСМД. 15.09.2021. Доступ: <https://russiancouncil.ru/blogs/andrey-kadomtsev/novaya-vlast-v-afganistane-i-sootnoshenie-sil-v-yuzhnoy-azii/> (дата обращения: 19.09.2021).

⁵⁹ Там же. С. 60.

⁶⁰ Путин предупредил об афганских беженцах, которые поедут на ослах по степи // РБК. 22.08.2021. Доступ: <https://www.rbc.ru/politics/22/08/2021/612230e29a7947025b9fd474> (дата обращения: 22.08.2021).

⁶¹ Гареев Ш. Указ. соч.

отметил в этой связи, что в Афганистане «образуются ниши, куда стягиваются боевики не талибов, а “Исламского государства”»⁶². Но даже если абстрагироваться от угрозы инфильтрации террористов, появление большого числа беженцев из Афганистана в странах ЦА усугубит их и без того серьезные экономические, социальные и политические проблемы.

В этих условиях руководство Российской Федерации приняло решение провести в Москве переговоры с представителями движения «Талибан», несмотря на то что эта организация запрещена в РФ⁶³. Пресс-секретарь российского президента Д. Песков заявил в связи с этим, что контакты с талибами «необходимы на фоне того, как напряженно развивается ситуация в Афганистане»⁶⁴. Как показали последующие события, это была полностью оправданная позиция.

В ходе этих переговоров в Москве в июле 2021 г., по словам З. Кабулова, талибам еще раз напомнили, что Россия и всё международное сообщество против создания в Афганистане исламского эмирата. Представители «Талибана» в свою очередь гарантировали, что афганская территория не будет использоваться как плацдарм для действий, направленных против соседних стран, включая Россию⁶⁵.

Новые реалии ситуации в Афганистане вызвали серьезные опасения союзников Российской Федерации по ОДКБ. Это отмечал и министр обороны РФ С.К. Шойгу на экстренной встрече глав военных ведомств стран — членов ШОС в Душанбе 28 июля 2021 г.⁶⁶

Особую обеспокоенность военных и гражданских экспертов в условиях дестабилизации Афганистана вызывает ситуация в Турк-

⁶² Лавров сообщил о возросшей в Афганистане террористической угрозе из-за ИГ // РБК. 08.07.2021. Доступ: <https://www.rbc.ru/politics/08/07/2021/60e66fa29a7947c56304879c> (дата обращения: 19.07.2021).

⁶³ Зачем в Москву приезжала делегация запрещенного в России «Талибана» // РБК. 09.07.2021. Доступ: <https://www.rbc.ru/politics/09/07/2021/60e82fc69a7947693f4f9c91> (дата обращения: 19.07.2021).

⁶⁴ Кремль объяснил переговоры с запрещенным в России «Талибаном» // РБК. 09.07.2021. Доступ: <https://www.rbc.ru/society/09/07/2021/60e815229a79475aca9d056> (дата обращения: 19.07.2021).

⁶⁵ В МИД России объяснили переговоры с талибами // РБК. 14.07.2021. Доступ: <https://www.rbc.ru/politics/14/07/2021/60ee6c9b9a794710894aef21> (дата обращения: 19.07.2021).

⁶⁶ Гаврилов Ю. Шойгу: ситуация по периметру стран ШОС имеет тенденцию к обострению // Российская газета. 28.07.2021. Доступ: <https://rg.ru/2021/07/28/shojgu-situaciia-po-perimetru-stran-shos-imeet-tendenciuu-k-obostreniiu.html> (дата обращения: 10.08.2021).

менистане. Она имеет в том числе демографическое измерение. По данным ряда источников, реальная численность населения страны на начало 2021 г. значительно сократилась. Причинами кризиса в демографической сфере называют резкое ухудшение социально-экономической ситуации, массовую безработицу, масштабную коррупцию и др. Это привело к массовой миграции жителей Туркменистана, что создает серьезные проблемы для обеспечения безопасности страны, комплектования ее вооруженных сил и других силовых структур⁶⁷. При этом Туркменистан имеет протяженную и плохо охраняемую границу с Афганистаном, что привлекательно для наркоторговцев. Из Туркменистана наркотики попадают в Россию и другие государства⁶⁸.

Кроме того, серьезные опасения у многих экспертов вызывает политическая и социальная нестабильность в Киргизии. Как отмечают Р. Зверев и И. Савин, геополитическое значение этой страны невелико, поскольку ее природно-ресурсный потенциал ограничен и республика отдалена от основных транспортных путей Азии [Зверев и др., 2018: 106]. Тем не менее на протяжении многих лет она испытывает значительные экономические трудности. Много раз менялась Конституция Киргизии — в 1994, 1996, 1998, 2001, 2003, 2007, 2010 и 2016 гг. Неоднократно в стране досрочно происходила смена власти, в том числе путем «цветных революций». В Киргизии происходят межэтнические конфликты, острая борьба кланов за власть [Блохина, 2017; Малышев, 2011]. По некоторым оценкам, страна является наиболее «хрупкой» из всех государств этого региона [Морозов, 2020].

Непростые отношения сложились у Киргизии с соседним Таджикистаном; между этими странами вспыхивают пограничные конфликты, сопровождающиеся перестрелками и гибелью людей.

Для парирования потенциальных угроз, связанных с обстановкой в Афганистане, Россия и ряд ее партнеров приняли целый ряд мер военного характера. На горном полигоне «Тезмез» в конце июля 2021 г. прошли совместные учения вооруженных сил Узбекистана и России. В них приняли участие 1500 военнослужащих и 300 ед.

⁶⁷ Панфилова В. Туркменистан загнали в демографическую яму // Независимая газета. 05.07.2021. Доступ: https://www.ng.ru/cis/2021-07-05/1_8190_turkmenistan.html (дата обращения: 19.07.2021)

⁶⁸ Фёдорова О., Чингин А. Наркотическая ситуация и антинаркотическая политика // Туркменистан. 2014. № 13. С. 10. Доступ: <https://rm.coe.int/-2014-/168075f301> (дата обращения: 19.07.2021).

техники⁶⁹. В начале августа 2021 г. прошли учения «Мирная миссия — 21» вооруженных сил России, Узбекистана и Таджикистана⁷⁰. С.К. Шойгу заявил, что в рамках этих учений отрабатывались практические действия по ведению воздушной разведки, охране объектов, уничтожению бандформирований. В учениях были задействованы более 2500 военнослужащих и 500 ед. техники, в том числе 1800 российских военных, в основном из подразделений 201-й российской военной базы в Таджикистане, в том числе транспортно-боевые вертолеты Ми-8 и ударные Ми-24⁷¹. В качестве наблюдателей на учениях присутствовали представители стран — членов ШОС⁷².

В условиях нарастания региональной напряженности 23 августа 2021 г. состоялась внеочередная сессия Совета коллективной безопасности ОДКБ на высшем уровне (в форме видеоконференции) под председательством президента Таджикистана Эмомали Рахмона. В мероприятии принял участие и президент Узбекистана (не входящего в ОДКБ) Шавкат Мирзиёев. На сессии отмечалось, что важно не допускать инфильтрации исламизма на территорию стран — членов ОДКБ. В.В. Путин и другие участники заседания выразили острую озабоченность деятельностью «ИГ» в Афганистане, которое сохраняет там заметные позиции⁷³.

На саммите ШОС в Душанбе 17 сентября 2021 г. лидеры России, Китая, Пакистана и Узбекистана говорили о необходимости взаимодействовать с новой властью в Кабуле⁷⁴. Противниками этого

⁶⁹ По стойке смирно: ВС Узбекистана и России проводят военные учения на полигоне «Термез» // Sputnik Узбекистан. 03.08.2021. Доступ: <https://uz.sputniknews.ru/20210803/po-stoyke-smirno-vs-uzbekistana-i-rossii--provodyat-voennye-ucheniya-na-poligone-termez-19932150.html> (дата обращения: 07.08.2021).

⁷⁰ Степанов А. Учения российских и узбекских военных прошли рядом с афганской границей // Российская газета. 08.08.2021. Доступ: <https://rg.ru/2021/08/08/ucheniia-rossijskih-i-uzbekskih-voennyh-proshli-riadom-s-afganskoj-granicej.html> (дата обращения: 16.08.2021).

⁷¹ Строкань С. Наука поджидать // Коммерсантъ. 05.08.2021. Доступ: <https://www.kommersant.ru/doc/4928932> (дата обращения: 07.08.2021).

⁷² Литовкин Д. На границу с Афганистаном перебросили дополнительные силы // Независимая газета. 03.08.2021. Доступ: https://www.ng.ru/armies/2021-08-03/7_8215_afghanistan.html (дата обращения: 07.08.2021).

⁷³ Томиленко М. Совместно реагировать на принципиальные угрозы // Красная звезда. 25.08.2021. Доступ: <http://redstar.ru/sovместno-reagirovat-na-potentsialnye-ugrozy/> (дата обращения: 27.08.2021).

⁷⁴ Саммит единомышленников: как ШОС поступит в отношении Афганистана? // Sputnik Таджикистан. 17.09.2021. Доступ: <https://tj.sputniknews.ru/20210917/scos-afghanistan-measures-1042344115.html> (дата обращения: 17.09.2021).

выступили Индия и Таджикистан, а также Иран (в отношении последнего в Душанбе был запущен процесс по превращению его в полноправного члена ШОС)⁷⁵.

С проблематикой обеспечения военно-политической стабильности в регионе ЦА и защиты интересов национальной безопасности России в контексте обострения ситуации в Афганистане теснейшим образом связана и проблема наркотрафика. Отечественные и американские специалисты отмечают, что Афганистан — крупнейший в мире производитель опиума, который в свою очередь перерабатывается в героин. На сегодняшний день в стране сосредоточено до 82% мирового производства опиума, а доля «опиумной экономики» составляет до 30% ее ВВП [Елагин, Мамедова, 2020: 141]. По некоторым оценкам, 75–80 тонн героина ежегодно попадало из Афганистана в Таджикистан и затем в РФ и страны Евросоюза, а также в Китай. Считается, что этому способствует отсутствие границ между членами ЕАЭС⁷⁶.

Производство наркотических средств, особенно в последние 20 лет, стало одним из важнейших сегментов экономики Афганистана, от которого зависит повседневная жизнь значительной части населения страны, а также одним из основных источников коррупции⁷⁷. Как отмечается в исследовании Гудзоновского института, производство опиума в Афганистане достигло таких масштабов, что деформировало экономику и политический режим страны, и в США не распознали вовремя эту опасность⁷⁸.

При этом прогнозируется, что с ростом производства синтетических наркотиков в США и других западных странах может резко упасть спрос на героин вплоть до «коллапса на рынке опиатов», который в свою очередь вызовет «гуманитарный кризис» в Афгани-

⁷⁵ Тищенко М. Сломали Эмомали. Таджикистан в одиночестве выступил против талибов и оказался бессилем // Медиазона. 23.09.2021. Доступ: <https://mediazona.ca/article/2021/09/23/againsttalib> (дата обращения: 24.09.2021).

⁷⁶ Reyrouse S. Drug trafficking in Tajikistan: A very deep but not incurable evil // Georgetown Journal of International Affairs. 01.03.2018. Available at: <https://www.georgetownjournalofinternationalaffairs.org/online-edition/2018/3/1/drug-trafficking-in-tajikistan-a-very-deep-but-not-incurable-evil> (accessed: 10.09.2021).

⁷⁷ Greenfield W.A., Pardo D., Taylor J. Afghanistan in the era of fentanyl // RAND Corporation. 10.07.2021. Available at: <https://www.rand.org/pubs/perspectives/PEA1088-1.html> (accessed: 10.09.2021).

⁷⁸ Walters J.P. American security twenty years after 9/11 // The Hudson Institute. 09.09.2021. Available at: <https://www.hudson.org/research/17252-american-security-twenty-years-after-9-11> (accessed: 10.09.2021).

стане. Упоминается, что в 2000–2001 гг. «Талибан» объявил запрет на выращивание опийного мака, и на короткое время это привело к падению производства опиатов на 95%. Позднее этот запрет перестал действовать, новое центральное правительство Афганистана не смогло контролировать нелегальное выращивание опиумного мака, которое продолжало нарастать значительными темпами⁷⁹. По ряду оценок, 90% населения в Афганистане живет ниже уровня бедности; 30% жителей страны хронически недоедают; потенциальный запрет на производство наркотиков считается взрывоопасным для «Талибана», особенно с учетом прекращения большой помощи со стороны Международного валютного фонда, Мирового банка, США, ЕС, Индии⁸⁰. Д.П. Елагин и Н.М. Мамедова оценивают зависимость доходов бюджета Афганистана от внешних доноров более чем на 60% [Елагин, Мамедова, 2020: 246].

Как следствие, для Российской Федерации и сам факт захвата власти в Афганистане движением «Талибан», и указанные объективные экономические и социальные проблемы, с которыми неизбежно столкнется новое правительство (как бы к нему ни относилось международное сообщество), неминуемо означают появление нового комплекса вызовов и угроз у своих границ. К тому же не следует недооценивать воздействие стремительной победы талибов на различные джихадистские группировки в других странах региона.

Международно-политические последствия кризиса в Афганистане в зеркале оценок зарубежных экспертов

События в Афганистане стали объектом самого пристального внимания и зарубежных экспертно-аналитических центров, спровоцировав настоящий шквал публикаций.

Практически все аналитики сходятся во мнении, что произошло полное «обнуление» 20-летних усилий Соединенных Штатов и ряда других западных государств по созданию в Афганистане институтов и механизмов власти по западному образцу. Как отмечается в публикации Стэнфордского университета, политика США в Афганистане была «чрезмерно амбициозной», со слишком большим вовлечением в

⁷⁹ Ibid. P. 80.

⁸⁰ Felbab-Brown V. Will the Taliban regime survive? // Brookings. 31.08.2021. Available at: <https://www.brookings.edu/blog/order-from-chaos/2021/08/31/will-the-taliban-regime-survive/> (accessed: 16.08.2021).

дела этого государства, с продвижением «американских ценностей» и западной идеологии»⁸¹.

Многие американские политики (начиная с бывшего президента США Д. Трампа) и эксперты небезосновательно говорят о том, что фиаско в Афганистане наносит серьезный ущерб доверию к Соединенным Штатам со стороны их союзников и партнеров. В связи с этим поднимается вопрос о необходимости наращивания усилий Вашингтона в первую очередь на индо-тихоокеанском направлении с целью продемонстрировать надежность американских обязательств в отношении Тайваня и Южной Кореи перед лицом всё более напористой внешней политики Китая⁸².

В одной из публикаций влиятельной RAND Corporation за авторством бывшего помощника президента США Дж. Доббинса отмечается, что в Вашингтоне в какой-то момент возобладала точка зрения, будто афганская ситуация «не имеет военного решения». Как показали действия талибов, это не соответствовало действительности. Частичный вывод американских войск из Афганистана в апреле 2021 г. уже можно было расценивать как «победу талибов и поражение Соединенных Штатов», как удар по американскому авторитету, по надежности американских гарантий повсюду в мире, а также как стимул к усилению террористической угрозы из Афганского региона. В этой работе говорилось и о возможности возврата США и их союзников туда в будущем, но уже на менее выгодных условиях⁸³.

Подобные оценки разделяют и целый ряд западных политиков. Так, министр обороны Великобритании Б. Уоллес осудил заключение США соглашения с талибами, заявив: «Сделка была гнилой, у нее были недостатки <...>. Мы, наверное, вернемся [в Афганистан. — З.К.] через 10 или 20 лет»⁸⁴. Руководитель разведывательного управ-

⁸¹ Mir S.A. Biden didn't see the ISIS-K threat in Afghanistan until too late // Center for International Security and Cooperation. 31.08.2021. Available at: <https://cisac.fsi.stanford.edu/news/biden-didn't-see-isis-k-threat-afghanistan-until-too-late> (accessed: 09.09.2021).

⁸² Harold S.W. Reinforcing U.S. deterrence in the Indo-Pacific after the fall of Afghanistan // RAND Corporation. 03.09.2021. Available at: <https://www.rand.org/blog/2021/09/reinforcing-us-deterrence-in-the-indo-pacific-after.html> (accessed: 14.09.2021).

⁸³ Dobbins J. Biden's withdrawal from Afghanistan is a decision to lose // The Hill. 26.04.2021. Available at: <https://thehill.com/opinion/national-security/550158-bidens-withdrawal-from-afghanistan-is-a-decision-to-lose> (accessed: 09.09. 2021).

⁸⁴ Глава Минобороны Великобритании рассказал о попытках сохранить войска НАТО в Афганистане // Коммерсантъ. 10.08.2021. Доступ: <https://www.kommersant.ru/doc/4936940> (дата обращения: 19.08.2021).

ления Пентагона С. Бертер считает, что террористы «Аль-Каиды» могут восстановить в Афганистане свой потенциал для ударов по США в течение 1–2 лет⁸⁵.

В материале Исследовательской службы Конгресса США отмечается, что на территории современного Афганистана продолжают действовать такие экстремистские и террористические организации, как «Аль-Каида», «Исламское государство — Хоросан», «Исламское движение Узбекистана», «Сеть Хаккани» (полуавтономный компонент «Талибана»), «Исламское движение Восточного Туркестана»⁸⁶ и т.д.⁸⁷

В этой связи эксперт Белферовского центра Гарвардского университета Н. Азизян пишет, что все связанные с «Аль-Каидой» террористические группы видят в победе талибов «триумф глобального джихада» и «новую эру в правлении исламистов». В частности, по словам аналитика, «Хайатт Тахрир аль-Шам»⁸⁸ в Сирии и «Техрик-е Талибан Пакистан»⁸⁹ прямо заявляют, что действия талибов — это модель, которой надо следовать [Azizian, 2021].

Много внимания уделяют западные эксперты и оценке того, как отразится приход к власти талибов в Афганистане на региональных и глобальных позициях Российской Федерации. В материале авторитетного Международного института стратегических исследований отмечается, что крах проамериканского режима в Афганистане открывает новые возможности для России по ослаблению позиций Запада. В то же время говорится о том, что для Москвы в связи с этим возникают и дополнительные серьезные проблемы, связанные, в частности, с потенциальной уязвимостью важных партнеров РФ в ЦА, особенно Таджикистана и Узбекистана⁹⁰. Сотрудники германского Института исследований в области международных

⁸⁵ В американской разведке рассказали об угрозе атак со стороны «Аль-Каиды» через 1-2 года // РБК. 14.09.2021. Доступ: https://www.rbc.ru/rbcfreenews/6140fa729a79476a126f8466?utm_source=uxnews&utm_medium=desktop (дата обращения: 19.09.2021).

⁸⁶ Террористические организации, запрещены в Российской Федерации.

⁸⁷ Thomas C. Terrorist groups in Afghanistan // Congressional Research Service. 17.08.2021. Available at: <https://crsreports.congress.gov/product/pdf/IF/IF10604> (accessed: 15.09.2021).

⁸⁸ Террористическая организация, запрещена в Российской Федерации.

⁸⁹ Террористическая организация, запрещена в Российской Федерации.

⁹⁰ Gould-Davies N. Russia: Opportunity to exploit weakened Western resolve // International Institute for Strategic Studies. 20.08.2021. Available at: <https://www.iiss.org/blogs/analysis/2021/08/afghanistan-taliban-region-response> (accessed: 21.08.2021).

отношений и безопасности считают, что у Запада, в отличие от КНР, Пакистана и России, будут весьма ограниченные возможности влиять на положение дел в Афганистане⁹¹.

В публикации аналитика RAND Corporation Д. Массикот выражаются сомнения относительно того, что Россия будет использовать на территории Афганистана (по договоренности с афганскими властями) свои силы специальных операций для борьбы с террористической организацией «Исламское государство — Хоросан»⁹².

Можно сопоставить эти оценки западных экспертов со взглядами представителей региональных держав, чьи интересы оказываются непосредственно затронуты событиями в Афганистане. Так, победа «Талибана» вызвала серьезную обеспокоенность в Индии. Р. Рой-Чандхури в публикации Международного института стратегических исследований писал, что для Дели это означает «колоссальную утрату влияния», поскольку подразумевает укрепление позиций Пакистана, который давно имеет тесные связи с «Талибаном» по линии контактов межведомственной разведки с его радикальной фракцией «Сеть Хаккани». К тому же приход к власти талибов связывается с угрозой превращения Афганистана в плацдарм для террористических атак против самой Индии⁹³.

Эксперты влиятельного индийского Института оборонных исследований и анализа напоминают, что в период предыдущего правления талибов в 1996–2001 гг. в Афганистане сложилась «экосистема», крайне благоприятная для деятельности различных международных террористических группировок. В Дели опасаются, что «джихадистская идеология» талибов может снова вдохновить различные исламистские группы в ЦА на то, чтобы активизироваться в регионе, как это было в 1990-е годы [Kumar, 2021]. При этом индийские эксперты не исключают и возможности начала гражданской войны в Афганистане с участием талибов и других

⁹¹ Schmitz A., Wagner Ch. The Taliban's chance // German Institute for International and Security Affairs (SWP). 01.09.2021. Available at: <https://www.swp-berlin.org/> (accessed: 02.09.2021).

⁹² Massicot D. Can a pragmatic relationship with the Taliban help Russia counter terrorism? // RAND Corporation. 08.09.2021. Available at: https://www.rand.org/pubs/external_publications/EP68716.html (accessed: 19.09.2021).

⁹³ Roy-Chandhury R. India: Seeking to redress its major loss of influence // International Institute for Strategic Studies. 20.08.2021. Available at: <https://www.iiss.org/blogs/analysis/2021/08/afghanistan-taliban-region-response> (accessed: 10.09.2021).

различных джихадистских организаций, а также распространения этого конфликта на другие страны ЦА.

В пакистанских публикациях в свою очередь отмечается, что во время нахождения проамериканского режима у власти в Кабуле США предоставили полную «свободу рук» индийским спецслужбам для их действий с территории Афганистана против Исламабада. Сама же Индия, по пакистанским данным, вложила многие миллиарды долларов, помогая тому правительству, которое свергли талибы⁹⁴.

Можно заключить, что в настоящий момент эксперты в целом сходятся во мнении, что международно-политические последствия недавних событий в Афганистане носят весьма масштабный и глубокий характер и неизбежно отразятся на интересах целого ряда региональных и внерегиональных игроков. При этом зарубежные аналитики особое внимание уделяют в этой связи позиции России в силу как продолжающейся конфронтации между ней и странами Запада, так и ее особых связей с государствами ЦА — бывшими республиками СССР.

* * *

Центрально-Азиатский регион, как и всё постсоветское пространство, является зоной особо важных интересов Российской Федерации, в том числе в сфере национальной безопасности. Москва глубоко заинтересована в сохранении светских режимов в этих государствах, дружественных по отношению к РФ. Это определяет характер взаимодействия России со странами региона как в двусторонних, так и в многосторонних форматах, особенно в рамках ШОС и ОДКБ; обуславливает заинтересованность Кремля в стабильной и предсказуемой военно-политической обстановке в ЦА. Решение этих задач требует привлечения значительных ресурсов со стороны России — финансово-экономических, политико-дипломатических, военных, культурно-гуманитарных. Россия со своими партнерами и союзниками уделяет повышенное внимание военно-политической обстановке в регионе, которая заметно усложнилась под влиянием событий в Афганистане в 2021 г. Эти события, имеющие едва ли не глобальный характер, еще раз подтвердили особую приоритетность центральноазиатского направления внешней и военной политики РФ.

⁹⁴ Khan A. Afghanistan: Where everyone's predictions went wrong // Pakistan Institute for Conflict and Security Studies. 16.08.2021. Available at: <https://www.picss.net/afghanistan-where-everyones-predictions-went-wrong/> (accessed: 20.08.2021).

Положение дел в Афганистане с высокой степенью вероятности чревато в том числе активизацией радикальных исламистских группировок, которые могут действовать на территории постсоветских стран ЦА. Эти группировки способны внедрять своих представителей в массу иммигрантов из государств региона, работающих на территории России, для экстремистских и террористических действий против нашей страны. Серьезное дестабилизирующее влияние на обстановку в ЦА может оказать и потенциальная проблема беженцев из Афганистана.

Большую озабоченность в связи с ситуацией в этой стране проявляют и целый ряд других региональных и внерегиональных игроков, прежде всего Китай, Пакистан, Иран, Индия, не говоря уже о таких граничащих с Афганистаном бывших республиках Советского Союза, как Узбекистан, Таджикистан и Туркменистан. В то же время Соединенные Штаты, которые несут основную ответственность за нынешнее обострение ситуации в Афганистане, фактически бросили своих союзников в этой стране на произвол судьбы и не демонстрируют желания принимать активное участие в урегулировании кризиса в регионе. Однако, как с самого начала подчеркивало руководство Российской Федерации и что подтверждается реальной динамикой событий, без срочных и скоординированных усилий международного сообщества, в первую очередь наиболее заинтересованных государств, стабилизировать ситуацию в Афганистане и избежать гуманитарной катастрофы практически невозможно. Как показал проведенный анализ, основа для такого взаимодействия, обусловленная наличием объективных экономических и политических интересов, есть. Возникает вопрос: найдется ли политическая воля?

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Анашкина Е.Б. Интеграция государств Центральной Азии и позиция США // США и Канада: экономика, политика, культура. 2021. № 51 (4). С. 34–45. DOI: 10.31857/S268667300014337-0.

2. Белобров Ю.Я. Военно-политическая кооперация государств в форматах СНГ и ОДКБ на современном этапе // Вестник Дипломатической академии МИД России. 2019. № 3 (21). С. 6–23.

3. Блохина А.О. Институциональные изменения и политическая стабильность в Киргизской Республике // Вестник МГИМО-Университета. 2017. № 6 (57). С. 102–115. DOI: 10.24833/2071-8160-2017-6-57-102-115.

4. Виноградов А.В. Китайский проект для большой Евразии // *Международные процессы*. 2021. Т. 19. № 2 (65). С. 1–15. DOI: 10.17994/IT.2021.19.2.65.2.

5. Гегелашвили Н.А. Узбекистан и Казахстан — фокусные государства Центральной Азии в политике Вашингтона // *США и Канада: экономика, политика, культура*. 2021. № 51 (5). С. 51–68. DOI: 10.31857/S268667300014782-0.

6. Грозин А. Политика и интересы Ирана в Центральной Азии с учетом экономического и логистического факторов // *Геоэкономика энергетики*. 2020. № 3. С. 106–130. DOI: 10.48137/2687-0703_2020_11_3_106.

7. Елагин Д.П., Мамедова Н.М. Экономика Афганистана: Учебное пособие. М.: МГИМО-Университет, 2020.

8. Замараева Н.А. КНР и проблемы мирного урегулирования в Афганистане // *Проблемы Дальнего Востока*. 2019. № 3. С. 41–53. DOI: 10.31857/S013128120005264-1.

9. Зарудницкий В.Б. Факторы достижения победы в военных конфликтах будущего // *Военная мысль*. 2021. № 8. С. 34–47.

10. Зверев Р., Савин И., Беляев В. Российско-киргизские отношения: история и современность // *Россия и новые государства Евразии*. 2018. № 1. С. 106–125. DOI: 10.20542/2073-4786-2018-1-106-125.

11. Интересы России в Центральной Азии. Содержание, перспективы, ограничители / Под ред. В.В. Наумкина. М.: Спецкнига, 2013.

12. Кадыржанов Р., Абдыкаимова Н. Формирование национальной идентичности Казахстана в контексте интеграционных отношений с Россией // *Центральная Азия и Кавказ*. 2020. Т. 23. № 3. Доступ: https://ca-c.org/online/2020/journal_rus/cac-03/04.shtml (дата обращения: 20.06.2021). DOI: 10.37178/ca-c.20.3.04.

13. Карякин В. Пантюркизм: цивилизационный проект современной Турции // *Центральная Азия и Кавказ*. 2020. Т. 21. № 3. С. 31–36. DOI: <https://doi.org/10.37178/ca-c.20.3.038>.

14. Кокошина З.А. Антитеррористические учения Шанхайской организации сотрудничества // *Международная жизнь*. 2018. № 9. С. 192–204.

15. Кокошина З.А. ОДКБ и ее роль в современной системе международных отношений. М.: ЛЕНАНД, 2018.

16. Кокошина З.А. Шанхайская организация сотрудничества и интересы национальной безопасности России. М.: ЛЕНАНД, 2016.

17. Кривопапов А.А. ОДКБ на исходе второго десятилетия своей истории // *Мировая экономика и международные отношения*. 2021. Т. 65. № 7. С. 126–134. DOI: 10.20542/0131-2227-2021-65-7-126-134.

18. Кудаяров К.А. Турецкая политика в Киргизии и ее влияние на внешнеполитическую стратегию России в Киргизской Республике: Дисс. ... канд. ист. наук. М., 2018.

19. Лексютина Я.В. Китайская инициатива «Пояс и путь»: вызовы и сложности реализации // Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения. 2020. Т. 13. № 1. С. 4–19. DOI: 10.21638/spbu06.2020.101.

20. Малышев Д.В. Постсоветская Центральная Азия в фокусе интересов крупных азиатских государств (2019–2020 гг.) // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2021. Т. 14. № 2. С. 82–99. DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-2-5.

21. Малышев Д.В. Революционные события 2010 года в Киргизии: основные предпосылки и реакция мирового сообщества // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2011. № 1. С. 130–148.

22. Малышев Д.В. Террористическая угроза с постсоветского Юга (Центральная Азия и Кавказ) // Актуальные проблемы Европы. 2017. № 4. С. 163–187.

23. Морозов Ю.В. Центральная Азия как область столкновения стратегических интересов США, Китая и России // Проблемы Дальнего Востока. 2020. № 5. С. 6–19. DOI: 10.31857/S013128120012441-6.

24. Мубаракшин Б.Н. Подходы центральноазиатских республик к реализации регионального водохозяйственного комплекса // Вестник МГИМО-Университета. 2014. № 6 (39). С. 101–107. DOI: 10.24833/2071-8160-2014-6-39-101-107.

25. Мусави А.З., Курылев К.П. Политика и опиум: пути контрабанды наркотиков из Афганистана в Центральную Азию. М.: URSS, 2020.

26. Пархитко Н.П., Курылев К.П., Станис Д.В. Военно-политическое и военно-техническое сотрудничество государств Центральной Азии // Военная мысль. 2020. № 7. С. 22–39.

27. Попов Д.С. Центральная Азия во внешней политике США. 1991–2016. М.: РИСИ, 2016.

28. Россия — Средняя Азия. Т. 2. Политика и ислам в XX — начале XXI в. / Под ред. Ф.М. Мухаметшина. М.: ЛЕНАНД, 2011.

29. Рыбкин Р.Ю. Стратегия США в Центрально-Азиатском регионе // Управленческое консультирование. 2018. № 4. С. 182–187. DOI: 10.22394/1726-1139-2018-4-182-187.

30. Тофан А.В. Стратегические интересы США, России и Китая в Центральной Азии на современном этапе // Интерактивная наука. 2016. № 10. С. 86–90. DOI: 10.21661/r-115199.

31. Хейфец Б.А., Степанов Н.С. Инициатива «Пояс и путь 2.0» и Россия // Проблемы Дальнего Востока. 2019. № 6. С. 34–49. DOI: 10.31857/S013128120007999-9.

32. Шлыков П.В. Евразийство и евразийская интеграция в политической идеологии и практике Турции // Сравнительная политика. 2017. № 1. С. 58–76. DOI: 10.18611/2221-3279-2017-8-1-58-76.

33. Шлыков П.В. Трансформация региональной политики Турции в условиях конкурентной полицентричности на Ближнем Востоке (2000–2010-е годы) // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2019. Т. 11. № 2. С. 65–106.

34. Шукуралиева Н., Липинский А. Исламский экстремизм и терроризм в Центральной Азии: критический анализ // Центральная Азия и Кавказ. 2021. Т. 24. № 1. С. 120–132. DOI: 10.37178/ca-c.21.1.10.

35. Azizian N. Easier to get into war than to get out: The case of Afghanistan. The Belfer Center Science and International Affairs. JFK School. Harvard University. 2021.

36. Cordesman A.H. The new challenges to aid to Afghanistan. Center for strategic & international studies. 2021.

37. Emre Sucu A., Iskandarov O.I., Mahmudov R.B., Chernov D.N. Does Turkey have a Central Asian project? // Вестник МГИМО-Университета. 2021. № 14 (3). С. 82–96. DOI: 10.24833/2071-8160-2021-3-78-82-96.

38. Kumar D. Central Asia's Afghan predicament. Manohar Parrikar Institute for Defense Studies and Analyses. 2021.

REFERENCES

1. Anashkina E.B. 2021. Integratsiya gosudarstv Tsentral'noi Azii i pozitsiya SShA [U.S. foreign policy interests in the integration of Central Asian states]. *USA & Canada: Economy, Politics, Culture*, vol. 4, no. 51 (4), pp. 34–45. DOI: 10.31857/S268667300014337-0. (In Russ.)

2. Belobrov Yu.Ya. 2019. Voenno-politicheskaya kooperatsiya gosudarstv v formatakh SNG i ODKB na sovremennom etape [Military-political cooperation of states in the formats of the CIS and the CSTO at the present stage]. *Vestnik Diplomaticheskoi akademii MID Rossii*, no. 3 (21), pp. 6–23. (In Russ.)

3. Blokhina A.O. 2017. Institutsional'nye izmeneniya i politicheskaya stabil'nost' v Kirgizskoi Respublike [Institutional changes and political stability in the Kyrgyz Republic]. *MGIMO Review of International Relations*, no. 6 (57), pp. 102–115. DOI: 10.24833/2071-8160-2017-6-57-102-115. (In Russ.)

4. Vinogradov A.V. 2021. Kitaiskii proekt dlya bol'shoi Evrazii [China's project for Greater Eurasia]. *International Trends*, vol. 19, no. 2 (65), pp. 1–15. DOI: 10.17994/IT.2021.19.2.65.2. (In Russ.)

5. Gegelashvili N.A. 2021. Uzbekistan i Kazakhstan — fokusnye gosudarstva Tsentral'noi Azii v politike Vashingtona [Uzbekistan and Kazakhstan as the focal states of Central Asia in Washington policies towards the region]. *USA & Canada: Economy, Politics, Culture*, no. 51 (4), pp. 51–68. DOI: 10.31857/S268667300014782-0. (In Russ.)

6. Grozin A. 2020. Politika i interesy Irana v Tsentral'noi Azii s uchetom ekonomicheskogo i logisticheskogo faktorov [Iran's policy and interests in Central

Asia, with regard to energy and logistical factors]. *Geoekonomika Energetiki*, no. 3, pp. 106–130. DOI: 10.48137/2687-0703_2020_11_3_106. (In Russ.)

7. Elagin D.P., Mamedova N.M. (eds.). 2020. *Ekonomika Afganistana* [The economy of Afghanistan]. Moscow, MGIMO-University Publ.

8. Zamaraeva N.A. 2019. KNR i problemy mirnogo uregulirovaniya v Afgani-stane [The PRC and problems of peaceful settlement in Afghanistan]. *Problemy Dalnego Vostoka*, no. 3, pp. 41–53. DOI: 10.31857/S013128120005264-1. (In Russ.)

9. Zarudnitskii V.B. 2021. Faktory dostizheniya pobedy v voennykh konfliktakh budushchego [Victory factors in future military conflicts]. *Voennaya mysl'*, no. 8, pp. 34–47. (In Russ.)

10. Zverev R., Savin I., Belyaev V. 2018. Rossiisko-kirgizskie otnosheniya: istoriya i sovremennost' [Russia–Kyrgyzstan relations: History and present day]. *Rossiya i novye gosudarstva Evrazii*, no. 1, pp. 106–125. DOI: 10.20542/2073-4786-2018-1-106-125. (In Russ.)

11. Naumkin V.V. (ed.). 2013. *Interesy Rossii v Tsentral'noi Azii. Soderzhanie, perspektivy, ogranichiteli* [Russia's interests in Central Asia. Content, prospects, constraints]. Moscow, Spetskniga Publ. (In Russ.)

12. Kadyrzhanov R., Abdykaimova N. 2020. Formirovanie natsional'noi identichnosti Kazakhstana v kontekste integratsionnykh otnoshenii s Rossiei [Kazakhstan: National identity in the context of integrational relationships with Russia]. *Central Asia and the Caucasus*, vol. 23, no. 3. DOI: 10.37178/ca-c.20.3.04. Available at: https://ca-c.org/online/2020/journal_rus/cac-03/04.shtml (accessed: 20.06.2021). (In Russ.)

13. Karyakin V. 2020. Pantyrkizm: tsivilizatsionnyi proekt sovremennoi Turtsii [Pan-Turkism: A civilizational project of modern Turkey]. *Central Asia and the Caucasus*, vol. 3, no. 3, pp. 31–36. DOI: 10.37178/ca-c.20.3.038. (In Russ.)

14. Kokoshina Z.A. 2018a. Antiterroristicheskie ucheniya Shankhaiskoi organizatsii sotrudnichestva [Shanghai Cooperation Organization anti-terrorism exercises]. *The International Affairs*, no. 9, pp. 192–204. (In Russ.)

15. Kokoshina Z.A. 2018b. *ODKB i ee rol' v sovremennoi sisteme mezhdunarodnykh otnoshenii* [CSTO and its role in the modern system of international relations]. Moscow, LENAND Publ. (In Russ.)

16. Kokoshina Z.A. 2016. *Shankhaiskaya organizatsiya sotrudnichestva i interesy natsional'noi bezopasnosti Rossii* [Shanghai Cooperation Organization and Russia's national security interests]. Moscow, LENAND Publ. (In Russ.)

17. Krivopalov A.A. 2021. ODKB na iskhode vtorogo desyatiletia svoei istorii [CSTO: At the close of the second decade of its history]. *World Economy and International Relations*, vol. 65, no. 7, pp. 126–134. DOI: 10.20542/0131-2227-2021-65-7-126-134. (In Russ.)

18. Kudayarov K.A. 2018. *Turetskaya politika v Kirgizii i ee vliyanie na vneshnepoliticheskuyu strategiyu Rossii v Kirgizskoi Respublike* [Turkish policy

in Kirghizia and its impact on the foreign policy strategy of Russia towards the Kyrgyz Republic]. PhD thesis. Moscow. (In Russ.)

19. Leksyutina Ya.V. 2020. Kitaiskaya initsiativa ‘Poyas i put’: vyzovy i slozhnosti realizatsii [China’s Belt and Road Initiative: Challenges and difficulties in its implementation]. *Vestnik of Saint Petersburg University. International Relations*, vol. 13, no. 1, pp. 4–19. DOI: 10.21638spbu06.2020.101. (In Russ.)

20. Malyshev D.V. 2021. Postsovetskaya Tsentral’naya Aziya v fokuse interesov krupnykh aziatskikh gosudarstv (2019–2020 gg.) [Post-Soviet Central Asia in the focus of interests of major Asian states (2019–2020)]. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 14, no. 2, pp. 82–99. DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-2-5. (In Russ.)

21. Malyshev D.V. 2011. Revolyutsionnye sobytiya 2010 goda v Kirgizii: osnovnye predposylki i reaktsiya mirovogo soobshchestva [The Kyrgyz revolution of 2010: Background and international reaction]. *Moscow University Bulletin of World Politics*, no. 1, pp. 130–148. (In Russ.)

22. Malyshev D.V. 2017. Terroristicheskaya ugroza s postsovetskogo Yuga (Tsentral’naya Aziya i Kavkaz) [Terrorist threats coming from the Post-Soviet Central Asia and the Caucasus]. *Aktual’nye Problemy Evropy*, no. 4, pp. 163–187. (In Russ.)

23. Morozov Yu.V. 2020. Tsentral’naya Aziya kak oblast’ stolknoveniya strategicheskikh interesov SShA, Kitaya i Rossii [Central Asia as an area of collision of strategic interests of the USA, China and Russia]. *Problemy Dal’nego Vostoka*, no. 5, pp. 6–19. DOI: 10.31857/S013128120012441-6. (In Russ.)

24. Mubarakshin B.N. 2014. Podkhody tsentral’noaziatskikh respublik k realizatsii regional’nogo vodokhozyaistvennogo kompleksa [Central Asian republic’s approaches to the development of the regional hydroeconomic sector]. *MGIMO Review of International Relations*, no. 6 (39), pp. 101–107. DOI: 10.24833/2071-8160-2014-6-39-101-107. (In Russ.)

25. Musavi A.Z., Kurylev K.P. 2020. *Politika i opium: puti kontrabandy narkotikov iz Afganistana v Tsentral’nyu Aziyu* [Politics and opium: Drug trafficking routes from Afghanistan to Central Asia]. Moscow, URSS Publ. (In Russ.)

26. Parkhitko N.P., Kurylev K.P., Stanis D.V. 2020. Voенно-politicheskoe i voенно-tekhnicheskoe sotrudnichestvo gosudarstv Tsentral’noi Azii [Military-political and military-technological cooperation of Central Asian States]. *Voennaya mysl’*, no. 7, pp. 22–39. (In Russ.)

27. Popov D.S. 2016. *Tsentral’naya Aziya vo vneshnei politike SShA. 1991–2016* [Central Asia in the US foreign policy. 1991–2016]. Moscow, RISI Publ. (In Russ.)

28. Mukhametshin F.M. (ed.). 2011. *Rossiya — Srednyaya Aziya. T. 2. Politika i islam v XX — nachale XXI v.* [Russia — Central Asia. Vol. 2. Politics and Islam in the 20th — early 21st centuries]. Moscow, LENAND Publ. (In Russ.)

29. Rybkin R.Yu. 2018. Strategiya SShA v Tsentral'no-Aziatskom regione [The US strategy in the Central Asian region]. *Administrative Consulting*, no. 4, pp. 182–187. DOI: 10.22394/1726-1139-2018-4-182-187. (In Russ.)

30. Tofan A.V. 2016. Strategicheskie interesy SShA, Rossii i Kitaya v Tsentral'noi Azii na sovremennom etape [The strategic interests of the USA, Russia and China in the Central Asia at the present stage]. *Interaktivnaya nauka*, no. 10, pp. 86–90. DOI: 10.21661/r-115199. (In Russ.)

31. Kheifets B.A., Stepanov N.S. 2019. Initsiativa 'Poyas i put' 2.0' i Rossiya [Belt and Path 2.0 Initiative and Russia]. *Problemy Dal'nego Vostoka*, no. 6, pp. 34–49. DOI: 10.31857/S013128120007999-9. (In Russ.)

32. Shlykov P.V. 2017. Evraziistvo i evraziiskaya integratsiya v politicheskoi ideologii i praktike Turtsii [Eurasianism and Eurasian integration in the political ideologies and practice of Turkey]. *Comparative Politics Russia*, no. 1, pp. 58–76. DOI: 10.18611/2221-3279-2017-8-1-58-76. (In Russ.)

33. Shlykov P.V. 2019. Transformatsiya regional'noi politiki Turtsii v usloviyakh konkurentnoi politsentrichnosti na Blizhnem Vostoke (2000–2010-e gody) [Competitive multipolarity in the Middle East and the transformation of Turkey's regional policies in the 2000s and 2010s]. *Moscow University Bulletin of World Politics*, no. 2, pp. 65–106. (In Russ.)

34. Shukuralieva N., Lipin'skii A. 2021. Islamskii ekstremizm i terrorizm v Tsentral'noi Azii: kriticheskii analiz [Islamic extremism and terrorism in Central Asia: A critical analysis]. *Central Asia and the Caucasus*, vol. 24, no. 1, pp. 120–132. DOI: 10.37178/ca-c.21.1.10. (In Russ.)

35. Azizian N. 2021. *Easier to get into war than to get out: The case of Afghanistan*. The Belfer Center Science and International Affairs, JFK School, Harvard University.

36. Cordesman A.H. 2021. *The new challenges to aid to Afghanistan*. Center for strategic & international studies.

37. Emre Sucu A., Iskandarov O.I., Mahmudov R.B., Chernov D.N. 2021. Does Turkey have a Central Asian project? *MGIMO Review of International Relations*, no. 14 (3), pp. 82–96. DOI: 10.24833/2071-8160-2021-3-78-82-96.

38. Kumar D. 2021. *Central Asia's Afghan predicament*. Manohar Parrikar Institute for Defense Studies and Analyses.

Статья поступила в редакцию 02.09.2021; одобрена после рецензирования 02.11.2021; принята к публикации 18.11.2021.

The paper was submitted 02.09.2021; approved after reviewing 02.11.2021; accepted for publication 18.11.2021.

DOI: 10.48015/2076-7404-2021-13-4-81-104

Научная статья / Research paper

Д.В. Малышев*

ШАНХАЙСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ СОТРУДНИЧЕСТВА И ЕЕ РОЛЬ В СИСТЕМЕ СОВРЕМЕННЫХ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ (К 20-ЛЕТИЮ СОЗДАНИЯ ШОС)

*Федеральное государственное бюджетное научное учреждение
«Национальный исследовательский институт мировой экономики
и международных отношений
имени Е.М. Примакова Российской академии наук»
117997, Москва, ул. Профсоюзная, 23*

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
119991, Москва, Ленинские горы, 1*

В 2021 г. Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) исполняется 20 лет. Это событие дает хороший повод для того, чтобы проанализировать ее деятельность за прошедшие два десятилетия, подвести некоторые итоги и попытаться спрогнозировать дальнейшие шаги и направления развития ШОС в ближайшем будущем. В статье рассмотрены этапы становления ШОС, а также особенности ее институциональной структуры, подробно освещены основные направления деятельности организации, которые охватывают прежде всего четыре сферы: политику, вопросы безопасности, экономику и гуманитарное сотрудничество. Особое внимание уделено ходу и решениям Душанбинского саммита ШОС, направленным на укрепление взаимодействия стран-членов в борьбе с последствиями продолжающейся пандемии SARS-CoV-2 и вызовами безопасности, которые возникают в условиях резкого обострения ситуации в Афганистане. В последнем случае речь идет прежде всего об усилении угрозы распространения терроризма, экстремизма и увеличении наркотрафика из Афганистана в соседние страны Центральной Азии. Подчеркивается ключевая роль Региональной

* *Малышев Дмитрий Валерьевич* — кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра постсоветских исследований Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова Российской академии наук, доцент факультета мировой политики МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: dimal.68@mail.ru).

антитеррористической структуры (РАТС) ШОС в парировании этих вызовов. Наконец, рассмотрены предпосылки и возможные последствия, связанные со вступлением в ШОС Ирана, процедура принятия которого в состав полноправных членов организации также была запущена в ходе саммита в Душанбе. Автор заключает, что за 20 лет своей истории ШОС прошла значительный путь, превратившись из региональной по географическому охвату и функционалу организации во влиятельного субъекта мировой политики, который играет ключевую роль в поддержании мира и стабильности в регионе Центральной Азии и деятельность которого может послужить толчком к созданию новой неконфронтационной модели межгосударственных отношений.

Ключевые слова: Шанхайская организация сотрудничества, Региональная антитеррористическая структура ШОС, терроризм, экстремизм, сепаратизм, безопасность, саммит в Душанбе, «шанхайский дух», Центральная Азия, Афганистан.

Для цитирования: Мальшев Д.В. Шанхайская организация сотрудничества и ее роль в системе современных международных отношений (к 20-летию создания ШОС) // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2021. Т. 13. № 4. С. 81–104. DOI: 10.48015/2076-7404-2021-13-4-81-104.

Dmitrii V. Malyshev

**THE SHANGHAI COOPERATION ORGANIZATION
AND ITS ROLE IN THE CONTEMPORARY SYSTEM
OF INTERNATIONAL RELATIONS
(ON THE 20TH ANNIVERSARY OF THE SCO)**

*Primakov National Research Institute of World Economy
and International Relations, Russian Academy of Sciences
23, Profsoyuznaya Str., Moscow, Russia, 117997*

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, Russia, 119991*

This year marks the 20th anniversary of the Shanghai Cooperation Organization (SCO). This is a good opportunity to assess its performance over the past two decades, to draw some conclusions, and to discuss possible future developments of the SCO. The author examines milestones in the formation of

the SCO, its institutional structure, as well as its key activities which encompass four focal areas: politics, security, economy, and humanitarian cooperation. The paper focuses on the decisions of the 21st SCO Summit in Dushanbe, especially those aimed at strengthening cooperation in combating the effects of the SARS-CoV-2 pandemic and addressing security challenges, arising from the latest developments in Afghanistan. The latter particularly imply an increasing threat of terrorism, extremism, and drug trafficking from Afghanistan to neighboring countries in Central Asia. The author emphasizes the crucial role of the SCO Regional Antiterrorist Structure (RATS) in countering these threats. Finally, the paper addresses both the circumstances and possible implications of Iran's ascension to a full SCO member, which was approved during the summit in Dushanbe. The author concludes that over the past two decades the SCO has successfully transitioned from an important, yet regional in scope and framework, organization to an influential global actor, which plays a major role in the maintenance of peace and security in Central Asia and could serve as a model for the establishment of a new non-confrontational approach to the interstate relations.

Keywords: the Shanghai Cooperation Organization, the SCO Regional Antiterrorist Structure, terrorism, extremism, separatism, security, the summit in Dushanbe, the 'Shanghai spirit', Central Asia, Afghanistan.

About the author: *Dmitrii V. Malyshev* — PhD (History), Leading Research Fellow at the Center for Post-Soviet Studies, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences; Associate Professor at the School of World Politics, Lomonosov Moscow State University (e-mail: dimal.68@mail.ru).

For citation: Malyshev D.V. 2021. The Shanghai Cooperation Organization and its role in the contemporary system of international relations (On the 20th anniversary of the SCO). *Moscow University Bulletin of World Politics*, vol. 13, no. 4, pp. 81–104. DOI: 10.48015/2076-7404-2021-13-4-81-104. (In Russ.)

Введение: 20-летие ШОС

В июне 2021 г. крупнейшей политической структуре, которая в основном действует на территории бывшего СССР, — Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) — исполнилось 20 лет. Это значимый повод для анализа ее деятельности за прошедшие два

десятилетия, подведения некоторых итогов и попытки спрогнозировать дальнейшие шаги и направления развития ШОС в ближайшем будущем.

Шанхайская организация сотрудничества изначально создавалась и продолжает действовать как межправительственная международная организация. Точной датой ее появления традиционно считается 15 июня 2001 г., когда в Шанхае шесть государств — Республика Казахстан, Китайская Народная Республика, Кыргызская Республика, Российская Федерация, Республика Таджикистан и Республика Узбекистан — объявили о создании ШОС.

8–9 июня 2017 г. статус постоянных членов этой организации получили также Республика Индия и Исламская Республика Пакистан. Помимо этого четыре страны имеют в ШОС статус наблюдателей: Исламская Республика Афганистан, Республика Беларусь (РБ), Исламская Республика Иран, Монголия. У шести государств в рамках ШОС статус партнеров по диалогу — это Азербайджанская Республика, Республика Армения, Королевство Камбоджа, Федеративная Демократическая Республика Непал, Турецкая Республика, Демократическая Социалистическая Республика Шри-Ланка¹.

Таким образом, несмотря на то что все страны, имеющие отношение к ШОС, за исключением РБ и европейской части РФ, находятся в азиатской части Евразии и мира в целом, огромный территориальный, ресурсный, людской и геополитический потенциал, которым обладает ШОС, автоматически выводит ее за рамки чисто региональной организации и делает ее изучение очень важным для правильного понимания современной системы международных отношений.

ШОС на протяжении 20 лет сохраняет свой имидж невоенного блока, а сама деятельность организации не направлена против тех или иных государств или их объединений. Даже военные учения, которые проводятся в рамках ШОС, нацелены прежде всего на противодействие террористической угрозе, т.е., по сути, не имеют наступательного характера. Сама организация давно зарекомендовала себя как многопрофильное объединение. Оно охватывает прежде всего четыре сферы: политику, вопросы безопасности, экономику и

¹ О Шанхайской организации сотрудничества // Секретариат Шанхайской организации сотрудничества. Доступ: http://rus.sectsc.org/about_sco/20151208/16789.html (дата обращения: 15.08.2021).

гуманитарное сотрудничество, при этом основной упор делается на безопасность и поддержание мира в Центральной Азии.

Деятельность ШОС стала объектом пристального внимания со стороны академического сообщества, поскольку изучение динамики ее развития позволяет приблизиться к пониманию международных процессов на постсоветском пространстве и, шире, в Азиатском регионе в целом [см., например: Малышев, 2021]. В 2011 г. к первому юбилею организации был выпущен сборник статей «ШОС и страны Ближнего и Среднего Востока (к 10-летию образования ШОС)». Это был совместный проект Института востоковедения РАН и Института Ближнего Востока. В издании было отмечено, что ШОС является полноценной региональной организацией, которая играет первостепенную роль в поддержании мира и стабильности в регионе Центральной Азии [ШОС и страны Ближнего и Среднего Востока, 2011: 6].

ШОС традиционно уделяла большое внимание урегулированию непростой ситуации в Афганистане. Этот аспект деятельности организации, особенно актуальный в настоящий момент, рассмотрен в монографии узбекского политолога А. Умарова «Афганистан и региональная безопасность Центральной Азии: начало XXI века». Так, в работе отмечено, что ШОС всегда предпринимала определенные шаги для устранения той нестабильности, которая исходит из Афганистана, в рамках борьбы с «тремя силами зла» — терроризмом, религиозным экстремизмом и сепаратизмом [Умаров, 2017: 258].

При этом в рамках ШОС идет работа по созданию потенциала для трансформации этой структуры в организацию, где будут гармонично соединены военно-политический и экономический компоненты, что позволит превратить ее в реальный инструмент регионального сотрудничества и кооперативной безопасности [Политические процессы на постсоветском пространстве, 2020: 260–261].

В ряде работ предпринимается попытка проанализировать и практическую реализацию идейно-ценностных установок и принципов ШОС. Например, серьезное внимание уделяется попыткам создания новой неконфронтационной модели межгосударственных отношений, в основе которой лежит так называемый шанхайский дух, а также стремлению разработать особую модель экономического развития на базе идей «государственного капитализма». В этой связи исследователи указывают на тот факт, что ШОС способна добиться мирового признания благодаря отстаиванию и продвижению своих

ценностей, которые могут составить определенную конкуренцию западным региональным проектам [Международная безопасность, 2020: 122].

В отдельных работах отмечается значительный вклад ШОС в обеспечение региональной безопасности, укрепление взаимодействия государств в сфере противодействия новым вызовам и угрозам, наблюдаемым в современном мире. Подчеркивается и тот факт, что государства — члены ШОС принципиально не приемлют односторонние акции, которые исходят от отдельных стран, поскольку они не способны реально решить существующие мировые проблемы. При этом страны ШОС стараются минимизировать возможности для вмешательства внешних игроков в дела государств Центральной и Южной Азии [ШОС в системе безопасности в Евразии, 2020: 10–11].

В 2017 г. вышла книга бывшего генерального секретаря ШОС Рашида Алимова «Шанхайская организация сотрудничества: становление, развитие, перспективы», которую часто называют энциклопедией данной организации. В издании были подробно освещены 15 лет развития ШОС, показан процесс превращения некогда региональной структуры в серьезного субъекта современных международных отношений. Впервые была приведена хронология событий основных этапов становления ШОС, а в приложении даны ее основополагающие документы [Алимов, 2017].

Китайские ученые подчеркивают, что основным фактором укрепления взаимодействия в рамках ШОС был и остается «шанхайский дух», который изначально базировался на принципах взаимного доверия, равенства, поиска общих путей развития и уважения к культурному разнообразию государств-членов. Всё это способствует не только нормальному развитию самой организации, но и укреплению регионального мира и стабильности [Jin, Dehang, 2019: 70].

В целом можно констатировать, что интерес к деятельности ШОС со стороны академического сообщества не только не уменьшается, но, напротив, усиливается. В этой связи тем более оправданной представляется сейчас попытка подвести некоторые итоги, обобщить тот путь, который прошла ШОС за 20 лет своего развития, и оценить, какой ее застала пандемия SARS-CoV-2.

Предпосылки и основные этапы становления ШОС

Процессу создания ШОС препятствовали главным образом сохранявшиеся после распада СССР разногласия, которые касались

спорных вопросов в районе границы. Соответствующие переговоры начались еще во времена перестройки в 1987 г., но получили новый импульс к развитию после 1991 г., когда СССР перестал существовать, а Китай начал решать данные вопросы со странами, появившимися уже на постсоветском пространстве и имеющими непосредственные государственные границы с КНР: Россией, Казахстаном (РК), Киргизией (КР) и Таджикистаном (РТ) [Территориальный вопрос в афро-азиатском мире, 2013: 104–105].

Знаковым событием в этой связи стало подписание 26 апреля 1996 г. в Шанхае «Соглашения между Российской Федерацией, Республикой Казахстан, Кыргызской Республикой, Республикой Таджикистан и Китайской Народной Республикой об укреплении доверия в военной области в районе границы». Именно этот документ и лег в основу формирования объединения данных государств, получившего название «Шанхайская пятерка» [Международные отношения в Центральной Азии, 2011: 450–453]. В рамках «пятерки» (Узбекистан, не имеющий прямой границы с Китаем, на тот момент дистанцировался от подобных процессов) в 1997 г. было подписано «Соглашение о взаимном сокращении вооруженных сил в районе границы», на чем настаивал Китай еще с 1980-х годов².

В январе 2001 г. к «Шанхайской пятерке» присоединился Узбекистан. Немаловажным фактором в этом процессе стали события в соседнем Афганистане, в частности появление там большого количества исламистов, бежавших из Узбекистана. Кроме того, последний имеет небольшой участок границы с Афганистаном — 144 км (она является самой небольшой по протяженности из внешних границ республики, но из-за перманентной напряженности в Афганистане стала наиболее проблемной). 15 января 2001 г. главы шести государств — «Шанхайской пятерки» + Узбекистана — закрепили присоединение последнего к данному механизму³. 14–15 июня 2001 г. в

² Соглашение между Российской Федерацией, Республикой Казахстан, Кыргызской Республикой, Республикой Таджикистан и Китайской Народной Республикой о взаимном сокращении вооруженных сил в районе границы. Доступ: <https://docs.cntd.ru/document/901779315> (дата обращения: 19.08.2021).

³ Совместное заявление глав государств Республики Казахстан, Китайской Народной Республики, Кыргызской Республики, Российской Федерации, Республики Таджикистан, Республики Узбекистан. 15 января 2001 г. // Секретариат Шанхайской организации сотрудничества. Доступ: <http://www.sectsco.org/RU/show.asp?id=84> (дата обращения: 19.08.2021).

Шанхае произошло организационное оформление новой международной структуры — Шанхайской организации сотрудничества в формате шести государств: Казахстана, Китая, Киргизии, России, Таджикистана и Узбекистана. Тогда же были подписаны и основополагающие документы ШОС — «Декларация о создании Шанхайской организации сотрудничества»⁴ и «Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом»⁵. Оба документа определили основные цели и задачи ШОС, которые продолжают играть ключевую роль в деятельности организации и сейчас, спустя 20 лет. К ним, в частности, относятся укрепление доверия и дружбы между государствами; сотрудничество в различных сферах, особенно в политической, торгово-экономической и гуманитарно-культурной; обеспечение мира, безопасности и стабильности в регионе; борьба с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом.

7 июля 2002 г. на саммите ШОС в Санкт-Петербурге была принята «Хартия Шанхайской организации сотрудничества», которая в настоящее время является основным документом ШОС⁶. Цели, заявленные в «Хартии», практически повторяют уже ранее озвученные направления деятельности этой организации, прежде всего в том, что касается противодействия сепаратизму, терроризму и экстремизму. К этим целям тесно примыкают задачи борьбы с незаконным оборотом наркотиков и незаконной миграцией, содействия предотвращению и мирному урегулированию международных конфликтов.

Таким образом, историю формирования ШОС можно условно разделить на несколько этапов. Первый — 1996–2000 гг. — период взаимодействия государств в рамках уже упоминавшейся «Шанхайской пятерки». Этот этап имел большое стратегическое значение с точки зрения урегулирования приграничных вопросов, поскольку граница КНР и новых независимых государств составляет порядка 7 тыс. км, из них одна только граница с РФ — более 4 тыс. км [Azarkan, 2014].

⁴ Декларация о создании Шанхайской организации сотрудничества // Официальный сайт Президента России. Доступ: <http://www.kremlin.ru/supplement/3406> (дата обращения: 19.08.2021).

⁵ Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом // Официальный сайт Президента России. Доступ: <http://kremlin.ru/supplement/3405> (дата обращения: 19.08.2021).

⁶ Хартия Шанхайской организации сотрудничества // Сайт председательства Российской Федерации в Шанхайской организации сотрудничества в 2019–2020 годах. Доступ: <https://sco-russia2020.ru/images/17/25/172532.pdf> (дата обращения: 20.08.2021).

Второй период — 2001–2004 гг. — был связан собственно с созданием ШОС и формированием ее организационной структуры. Именно тогда появилась та система органов ШОС, которая характерна для организации и по сей день [Комиссина, Куртов, 2005: 45]. Третий этап — 2005–2016 гг. — был отмечен приемом в механизмы ШОС стран-наблюдателей и партнеров по диалогу, а также расширением функционала организации. Нынешний этап охватывает период с 2017 г. по настоящее время и характеризуется расширением ШОС за счет включения в нее новых членов — Индии, Пакистана и Ирана, а также трансформацией организации в подлинно мировую структуру.

На протяжении всех 20 лет развития ШОС основную роль в ней играли Россия и Китай. Эти два государства — единственные в ШОС, которые являются постоянными членами Совета Безопасности ООН. При этом у них сохраняются ряд существенных расхождений по поводу перспектив развития организации. Россия видит в ШОС прежде всего механизм военного сотрудничества, координации политики в сфере безопасности в Центральной Азии. Китай этим аспектам тоже придает определенное значение, но главным для него является продвижение своей экономической стратегии, в частности инициативы «Пояс и путь» [Jin, Dehang, 2019: 77]. Данная инициатива в целом позитивно воспринимается во всех государствах — членах ШОС как возможная основа для формирования в Евразии пространства для взаимовыгодного сотрудничества и взаимодействия в соответствии с нормами международного права, с одной стороны, и с учетом национальных интересов — с другой. В этой связи важен и обмен опытом в плане разработки и реализации национальных стратегий развития, планов по внедрению цифровой экономики, информационных технологий и т.д.⁷

Нельзя не упомянуть и такой важный компонент развития данной организации, как ядерный фактор. Четыре государства ШОС — Россия, Китай, Индия и Пакистан — являются ядерными державами. Китай и Индия, как известно, — страны с самым многочисленным в мире населением. Россия, Индия и Китай — члены группы БРИКС, ставшей в последнее десятилетие важным элементом системы международных отношений.

⁷ Члены ШОС поддерживают сопряжение инициативы «Один пояс, один путь» с ЕАЭС // Большая Азия. Доступ: <https://bigasia.ru/content/news/business/chleny-shos-podderzhivayut-sopryazhenie-initsiativy-odin-poyas-odin-put-s-aeas/> (дата обращения: 21.08.2021).

В силу описанных обстоятельств неудивительно, что ШОС выступает как весьма активный и влиятельный игрок на международной арене. Она является наблюдателем при Генеральной Ассамблее ООН, заключила ряд соглашений о партнерстве с ведущими международными и региональными организациями и структурами, такими как ООН, СНГ, ОДКБ, ЕАЭС и АСЕАН.

Современная структура ШОС

За 20-летие своего развития ШОС превратилась в четко структурированную международную организацию, имеющую целую систему органов и подразделений. Выделим наиболее значимые элементы.

Высшим органом ШОС является Совет глав государств (СГГ), который, как следует из его названия, принимает основные принципиальные решения в рамках деятельности организации. СГГ занимается вопросами внутреннего устройства ШОС, отвечает за сотрудничество и взаимодействие с другими государствами и международными организациями, рассматривает наиболее существенные международные проблемы. Периодичность заседаний СГГ — в среднем один раз в год. Как правило, очередное заседание этого органа проходит в стране, которая в текущем году председательствует в ШОС, а само председательствование чередуется в порядке русского алфавита⁸.

Любая международная структура в современном мире имеет, как правило, определенный орган, осуществляющий исполнительную власть. В ШОС таким органом является Совет глав правительств (премьер-министров) (СГП). Именно он формирует бюджет организации и занимается основными вопросами текущей деятельности, прежде всего в социально-экономической области. Совет собирается на очередные заседания не реже одного раза в год, а председательствует на них глава правительства того государства, на территории которого проводится заседание. Это председательствование не обязательно совпадает с председательствованием страны в ШОС⁹.

⁸ Совет глав государств ШОС // Секретариат Шанхайской организации сотрудничества. Доступ: http://rus.sectsc.org/about_sco/20190715/564695.html (дата обращения: 21.08.2021).

⁹ Положение о Совете глав правительств (премьер-министров) государств — членов Шанхайской организации сотрудничества. Доступ: <https://docs.cntd.ru/document/901880663> (дата обращения: 21.08.2021).

Поскольку важным направлением деятельности организации является сфера международных отношений, особую роль в ее структуре играет Совет министров иностранных дел (СМИД)¹⁰. Этот орган рассматривает проблемы межгосударственных отношений и может вносить на рассмотрение СГГ и СГП предложения по развитию сотрудничества в рамках ШОС, заключению многосторонних договоров и соглашений и т.д. Кроме того, СМИД от имени организации может выступать с различными заявлениями по вопросам мировой политики, организует взаимодействие между внешнеполитическими органами и ведомствами государств ШОС. Заседания СМИД проводятся ежегодно на территории того государства, которое организует заседание СГГ, как правило, за месяц до него¹¹.

Важную роль в рамках организации играет Совещание руководителей министерств и ведомств, поскольку ШОС приходится решать задачи в различных сферах. Эти совещания проводятся для решения конкретных вопросов в рамках деятельности ШОС¹². Председательствует на этих заседаниях руководитель соответствующего министерства/ведомства, которое является организатором данного мероприятия. В частности, ежегодно проводятся совещания секретарей советов безопасности, представителей верховных судов, министров внутренних дел и обороны, начальников генеральных штабов, министров юстиции и здравоохранения, культуры и образования и т.д.¹³

Управление текущей деятельностью ШОС осуществляет Совет национальных координаторов (СНК). Он готовит проведение заседаний высших органов ШОС (СГГ, СГП и СМИД). На свои заседания СНК собирается не реже трех раз в год. В частности, состоявшийся в июне 2021 г. в Душанбе СНК рассмотрел порядка 50 вопросов, включая подготовку в том же году заседаний органов ШОС, взаи-

¹⁰ Хартия Шанхайской организации сотрудничества // Официальный сайт Президента России. Доступ: <http://kremlin.ru/supplement/3450> (дата обращения: 21.08.2021).

¹¹ Положение о Совете министров иностранных дел государств — членов Шанхайской организации сотрудничества. Доступ: <https://docs.cntd.ru/document/901880662> (дата обращения: 22.08.2021).

¹² Хартия Шанхайской организации сотрудничества // Официальный сайт Президента России. Доступ: <http://kremlin.ru/supplement/3450> (дата обращения: 21.08.2021).

¹³ Совещания руководителей министерств и ведомств // Секретариат Шанхайской организации сотрудничества. Доступ: http://rus.sectsc.org/about_sco/20190715/564726.html (дата обращения: 22.08.2021).

модействие с представителями стран-наблюдателей и партнеров по диалогу и другие вопросы¹⁴.

Одной из важнейших структур, действующих в рамках ШОС, которая выступает в качестве своеобразного ядра организации, является Региональная антитеррористическая структура (РАТС). Это и понятно, поскольку основное направление деятельности ШОС — борьба с террористической угрозой. Соглашение о создании РАТС было подписано государствами ШОС 7 июня 2002 г. в Санкт-Петербурге, в нем РАТС определялась как постоянно действующий орган¹⁵. РАТС в рамках ШОС имеет статус юридического лица, т.е. может от своего имени заключать договоры, приобретать имущество, открывать банковские счета, возбуждать иски в судах и т.д.

Главные задачи РАТС включают развитие сотрудничества в борьбе с терроризмом, экстремизмом и сепаратизмом; содействие соответствующим органам ШОС в противодействии этим угрозам; сбор и анализ информации по данной проблематике; формирование банка данных РАТС о международных террористических организациях и их лидерах, поддерживающих подобные организации лица, о распространении терроризма; подготовку специалистов и инструкторов для антитеррористической деятельности.

РАТС имеет и свои органы — Совет и Исполнительный комитет (ИК) во главе с директором ИК, который назначается соответствующим решением СГГ из представителей одной из стран — членов ШОС. С 2019 г. директором ИК РАТС является представитель Республики Таджикистан Д. Гиёсов¹⁶.

Постоянно действующий исполнительный орган ШОС — Секретариат, штаб-квартира которого расположена в Пекине. Этот орган координирует функционирование самой ШОС и ее сотрудничество с наблюдателями, партнерами по диалогу, другими странами и международными организациями. Одним из важных

¹⁴ Заседание СНК ШОС под председательством Таджикистана // Министерство иностранных дел Республики Таджикистан. Доступ: <https://mfa.tj/ru/main/view/8074/zasedanie-snk-shos-pod-predsedatelstvom-tadzhikistana> (дата обращения: 22.08.2021).

¹⁵ Соглашение между государствами — членами Шанхайской организации сотрудничества о Региональной антитеррористической структуре. Доступ: <https://docs.cntd.ru/document/901858897> (дата обращения: 24.08.2021).

¹⁶ Региональная антитеррористическая структура Шанхайской организации сотрудничества. Доступ: <https://ecrats.org/ru/> (дата обращения: 27.08.2021).

направлений деятельности Секретариата ШОС является информационное обеспечение тех мероприятий, которые проводятся в рамках организации.

Секретариат возглавляет генеральный секретарь, который утверждается на эту должность СГГ по представлению СМВД. С 2019 г. генеральным секретарем ШОС является представитель Узбекистана В. Норов¹⁷.

Что касается экономической и финансовой сферы, то еще 26 октября 2005 г. решением СГП для организации финансирования и банковского обслуживания инвестиционных проектов, которые поддерживают правительства стран ШОС, было создано Межбанковское объединение ШОС (МБО ШОС). Кроме того, МБО активно сотрудничает с теми деловыми структурами, которые действуют на пространстве ШОС. В состав этого объединения входят Банк развития Казахстана, Государственный банк развития Китая, Внешнеэкономбанк РФ, Национальный банк Таджикистана, Национальный банк внешнеэкономической деятельности Узбекистана¹⁸.

С экономической составляющей деятельности ШОС напрямую связана такая неправительственная структура, которая объединяет наиболее авторитетных представителей бизнес-сообщества государств объединения, как Деловой совет ШОС. Он был создан 14 июня 2006 г. для содействия экономическому сотрудничеству между различными структурами государств-членов, налаживанию диалога между деловыми и финансовыми кругами, продвижению многосторонних проектов. Наряду с этим Деловой совет участвует в поиске источников финансирования, выпускает рекомендации по совершенствованию условий экономического взаимодействия в рамках ШОС, разрабатывает планы и программы сотрудничества деловых и финансовых кругов¹⁹.

Нельзя не упомянуть и о такой структуре научно-культурно-образовательного взаимодействия в рамках объединения, как Универ-

¹⁷ Общие сведения о Секретариате ШОС // Секретариат Шанхайской организации сотрудничества. Доступ: <http://rus.sectsc.org/secretariat/20151208/16829.html> (дата обращения: 29.08.2021).

¹⁸ Банки развития ШОС примут новую стратегию межбанковского объединения осенью 2021 года // ТАСС. Доступ: <https://tass.ru/ekonomika/11395189> (дата обращения: 29.08.2021).

¹⁹ Деловой Совет ШОС. Доступ: <https://bcso.ru> (дата обращения: 02.09.2021).

ситет ШОС (УШОС)²⁰. Даная образовательная структура функционирует как своеобразная сеть уже существующих университетов в государствах ШОС и странах-наблюдателях. По итогам обучения студент получает диплом того вуза, в котором он полностью освоил соответствующие программы и сдал экзамены. В рамках УШОС выработана определенная модель подготовки кадров по программам бакалавриата, магистратуры, аспирантуры, докторантуры и повышения квалификации.

Таким образом, в настоящее время в рамках ШОС сформировалась разветвленная институциональная структура, которая отражает разнообразный функционал данной организации, ее стремление охватить самые разные сферы жизни современного глобализирующегося мира.

Основные направления деятельности ШОС на современном этапе

В 2019–2020 гг. РФ осуществляла председательство в ШОС, и тогда были определены основные приоритеты развития данной международной организации на ближайшую перспективу. Они, в частности, касались повышения эффективности сотрудничества государств-членов во внешнеполитической сфере; более активного встраивания ШОС в систему регионального партнерства и взаимодействия; активизации межпарламентского диалога; усиления потенциала РАТС в плане противодействия терроризму, экстремизму и наркотрафику; расширения экономического, транспортного, инновационного сотрудничества; развития малого и среднего предпринимательства; всемерного укрепления базовых институтов ШОС²¹.

На прошедшем в ноябре 2020 г. в Москве под председательством российского президента В. Путина Совете глав государств ШОС к этим приоритетным направлениям была добавлена задача оказания помощи государствам-членам в преодолении негативных последствий, которые привнесла как в социально-экономические, так и

²⁰ Университет Шанхайской организации сотрудничества. Доступ: <http://uni-sco.ru> (дата обращения: 05.09.2021).

²¹ Приоритеты председательства России в ШОС в 2019–2020 годах // Сайт председательства Российской Федерации в Шанхайской организации сотрудничества в 2019–2020 годах. Доступ: https://sco-russia2020.ru/russia_in_sco/20190531/297/Priority-predsedatelstva--Rossii-v-ShOS-v-2019-2020-godakh.html (дата обращения: 10.09.2021).

в международные отношения пандемия COVID-19. Страны ШОС договорились совместно бороться с этой новой угрозой. Особое внимание было уделено необходимости создания вакцины против SARS-CoV-2, направлению российских специалистов-медиков в Казахстан, Киргизию, Таджикистан и Узбекистан для помощи в борьбе с пандемией. По предложению председателя КНР Си Цзиньпина было принято решение создать «горячую линию» между странами ШОС по ситуации с коронавирусом²².

СГГ утвердил план действий по реализации Стратегии развития ШОС до 2025 г.²³ Всего по итогам этого заседания было принято 16 документов, в том числе Московская декларация государств — членов ШОС, которая снова подтвердила готовность участников организации совместно решать все глобальные и региональные проблемы, их приверженность курсу на построение многополярного мира²⁴. В Московской декларации содержится также призыв к проведению переговоров по борьбе с химическим и биологическим терроризмом, к строгому соблюдению Конвенции о запрещении химического оружия, которая рассматривается как важный инструмент в осуществлении разоружения в современном мире²⁵.

В контексте борьбы с пандемией особое внимание СГГ уделил вопросам, касающимся кибербезопасности. Об этом подробно говорил президент Казахстана К.-Ж. Токаев, который основной упор сделал на тот факт, что в период пандемии в большинстве сфер жизни общества переходит в режим онлайн, и, следовательно, обеспечение безопасности подобного информационного общения играет важную роль. Президент РК в этой связи предложил создать реально функ-

²² Си Цзиньпин предложил создать горячую линию по ситуации с коронавирусом // Мир24. Доступ: <https://mir24.tv/news/16434285/si-czinpina-predlozhit-sozdat-goryachuyu-liniyu-po-situacii-s-koronavirusom> (дата обращения: 19.09.2021).

²³ Стратегия развития Шанхайской организации сотрудничества до 2025 года // Сайт председательства Российской Федерации в Шанхайской организации сотрудничества в 2019–2020 годах. Доступ: <https://sco-russia2020.ru/images/17/25/172545.pdf> (дата обращения: 12.09.2021).

²⁴ Московская декларация Совета глав государств — членов Шанхайской организации сотрудничества // Официальный сайт Президента России. Доступ: <http://kremlin.ru/supplement/5575> (дата обращения: 14.09.2021).

²⁵ Московская декларация Совета глав государств — членов Шанхайской организации сотрудничества // Сайт председательства Российской Федерации в Шанхайской организации сотрудничества в 2019–2020 годах. Доступ: <https://sco-russia2020.ru/images/108/44/1084409.pdf> (дата обращения: 21.09.2021).

ционирующий Центр информационной безопасности РАТС ШОС, который позволит эффективно противостоять «силам трех зол» — сепаратизму, терроризму и экстремизму — и в киберсфере²⁶. Ключевая роль в данной связи отводится РАТС, которая на современном этапе большое внимание уделяет борьбе с киберпреступностью. Вопросы обеспечения международной безопасности вообще были одной из центральных задач ШОС с момента ее основания, и подходы организации к ее решению в современных условиях поэтому заслуживают отдельного рассмотрения.

ШОС и проблемы обеспечения безопасности в современном мире

В основе деятельности ШОС на этом направлении лежит несколько ключевых программных документов. К ним относятся Конвенция ШОС по противодействию экстремизму (она была принята в 2017 г. в Астане — Нур-Султане, в России вступила в силу 12 октября 2019 г.)²⁷, Программа сотрудничества государств — членов ШОС в противодействии терроризму, сепаратизму и экстремизму на 2019–2021 гг. (утверждена на саммите ШОС в китайском Циндао в июне 2018 г.), Антинаркотическая стратегия государств — членов ШОС на 2018–2023 гг. и др.²⁸

Одной из основных проблем безопасности, с которыми сталкивается современный мир и на борьбу с которой нацелена ШОС, является, безусловно, международный терроризм. Ключевую роль в рамках деятельности организации в этом направлении, как было уже отмечено, играет РАТС. Она не только содействует проведению военных учений в рамках организации, но и осуществляет обмен информацией о террористических группировках, которые действуют в Центральной Азии. РАТС активно сотрудничает и с другими подоб-

²⁶ Казахстан выступил за скорейшее создание Центра информационной безопасности ШОС // Мир24. Доступ: <https://mir24.tv/news/16434343/kazakhstan-vystupil-za-skoreishee-sozdanie-centra-informacionnoi-bezopasnosti-shos> (дата обращения: 17.09.2021).

²⁷ Конвенция Шанхайской организации сотрудничества по противодействию экстремизму от 9 июня 2017 года. Доступ: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201910280036?index=0&rangeSize=1> (дата обращения: 22.09.2021).

²⁸ Норов В. Пять лет Стратегии ШОС до 2025 года // Жэньминь Жибао. 09.07.2020. Доступ: <http://russian.people.com.cn/n3/2020/0709/c95181-9708834.html?from=singlemessage> (дата обращения: 23.09.2021).

ными структурами в регионе, целью которых является в том числе борьба с террористической угрозой. В частности, 28 мая 2018 г. был подписан «Меморандум о взаимопонимании по вопросам сотрудничества и взаимодействия» между РАТС ШОС, Секретариатом ОДКБ и Антитеррористическим центром СНГ. Документ предусматривает готовность подписавших его структур информировать друг друга о вызовах и угрозах экстремистского и террористического характера, о результатах своей деятельности в борьбе с этими негативными явлениями современности²⁹.

РАТС ШОС в сфере обеспечения безопасности активно взаимодействует с ООН, особенно с ее Контртеррористическим управлением (КТУ). 19 февраля 2020 г. была проведена встреча директора ИК РАТС Д. Гиёсова и заместителя Генерального секретаря ООН, руководителя КТУ В. Воронкова, в ходе которой был подписан Меморандум о взаимопонимании между ООН в лице КТУ и РАТС ШОС, предусматривающий усиление взаимодействия этих структур в борьбе с террористической угрозой³⁰.

При содействии РАТС проводятся совместные оперативно-тактические учения, а также командно-штабные учения «Мирная миссия», которые организуются по линии министерств обороны стран-членов³¹.

Перспективы дальнейшего развития ШОС

В настоящий момент ШОС продолжает активно расширять свой географический охват и сферу компетенций, о чем, в частности, свидетельствует саммит ШОС, который состоялся в сентябре 2021 г. Одним из самых знаменательных его итогов стало принятие в действительные члены этой организации Исламской Республики

²⁹ Меморандум о взаимопонимании по вопросам сотрудничества и взаимодействия между РАТС ШОС, АТЦ СНГ и Секретариатом ОДКБ // Организация Договора о коллективной безопасности. 28.05.2018. Доступ: https://antiterror.odkb-csto.org/int_organizations/RATS%20SHOS-ATC%20SNG-CSTO/memorandum (дата обращения: 25.09.2021).

³⁰ О подписании Меморандума о взаимопонимании между КТУ ООН и РАТС ШОС // Региональная антитеррористическая структура Шанхайской организации сотрудничества. 21.02.2020. Доступ: <https://ecrats.org/ru/news/7531> (дата обращения: 21.09.2021).

³¹ Полный текст интервью Генерального секретаря ШОС газете Global Times // Секретариат Шанхайской организации сотрудничества. Доступ: http://rus.sectscs.org/media_SCO/20210622/763926.html (дата обращения: 22.09.2021).

Иран (ИРИ). Ранее эта страна имела статус наблюдателя, а теперь запущена процедура ее полноценного участия в ШОС.

Этому шагу долгое время мешали сохранявшиеся противоречия между Ираном и рядом стран — членов ШОС. В частности, с 2015 г. достаточно напряженными оставались отношения Ирана с Таджикистаном. Последний обвинял Тегеран в поддержке лидера запрещенной в стране Партии исламского возрождения Таджикистана (ПИВТ) Мухиддина Кабирова (Кабири). Отношения особенно обострились после попытки вооруженного восстания, организованного бывшим заместителем министра обороны Таджикистана генерал-майором Абдухалимом Назарзодой (Ходжи Холимом). Сам мятежный генерал погиб в результате спецоперации, восстание было подавлено, но официальный Душанбе обвинил Иран в поддержке мятежников, что крайне осложняло развитие полноценных отношений между двумя странами.

18 сентября 2021 г. президенты Ирана Ибрагим Раиси и Таджикистана Эмомали Рахмон провели переговоры, по итогам которых было объявлено о расширении торгово-экономического сотрудничества между двумя государствами. И. Раиси заявил на пресс-конференции, что начинается новая эра отношений Таджикистана и Ирана. Кроме того, президент ИРИ посетил мавзолей Мир Саида Али Хамадони (очень почитаемого в персидской традиции философа XIV века) в Кулябе. Следует отметить, что визит И. Раиси в Таджикистан был его первой зарубежной поездкой после избрания в качестве президента Ирана в июне 2021 г.³²

Конечно, сам факт принятия ИРИ в ШОС еще не означает автоматического усиления этой организации. Иран безуспешно пытался стать членом ШОС с 2008 г. и даже после своего вступления, скорее всего, не изменит кардинально основные постулаты своей политики, направленные в том числе на поддержку отдельных радикальных элементов, в частности, в Сирии и Афганистане, а это в свою очередь не будет способствовать реальному сближению Ирана с другими странами ШОС³³. Однако сам факт принятия ИРИ в эту организацию

³² Юсуфзода М. Начало новой главы в отношениях между Таджикистаном и Ираном. О чем договорились Рахмон и Раиси? // Радио Озоди. Доступ: <https://rus.ozodi.org/a/31466536.html> (дата обращения: 01.10.2021).

³³ Bhadrakumar M.K. Iran's SCO membership is a big deal // Indian Punchline. 21.09.2021. Available at: <https://www.indianpunchline.com/irans-sco-membership-is-a-big-deal> (accessed: 02.10.2021).

в какой-то мере свидетельствует, во-первых, о стремлении ШОС к дальнейшему расширению на Запад, а во-вторых — о демонстративном игнорировании странами объединения многочисленных санкций со стороны США и их сателлитов, которые продолжают действовать в отношении ИРИ.

Всего по итогам Душанбинского саммита ШОС 2021 г. было принято 25 документов. Среди них особенно необходимо отметить Душанбинскую декларацию двадцатилетия ШОС, решение о предоставлении статуса партнера по диалогу Катару, Египту и Саудовской Аравии, утверждение программы сотрудничества государств ШОС в противодействии терроризму, сепаратизму и экстремизму на 2022–2024 гг.³⁴

В Душанбинской декларации ШОС еще раз были определены основные сферы взаимодействия государств в рамках этой организации: политика, безопасность, торговля, экономика, финансы, культура и гуманитарная сфера. Кроме того, отмечена необходимость дальнейшего расширения взаимодействия в рамках организации, однако не предусматривается создание какого-либо военно-политического союза или интеграционного объединения, а также образования наднациональных органов управления. Особо было подчеркнуто, что ядром ответственности ШОС является регион Центральной Азии.

В декларации был выдвинут ряд инициатив по совершенствованию механизмов противодействия вызовам и угрозам в отношении государств — членов ШОС. К таким инициативам относятся создание Антинаркотического центра в столице Таджикистана Душанбе, учреждение на базе РАТС ШОС Универсального центра по противодействию вызовам и угрозам безопасности государств — членов организации, открытие в Казахстане Центра информационной безопасности, а в Бишкеке — Центра по противодействию международной организованной преступности.

Особое внимание в документе уделено проблеме Афганистана и обеспечению региональной безопасности, которые приобрели новую остроту в свете вывода из этой страны иностранных войск и установления там власти запрещенного в России движения «Талибан». Российский президент В. Путин отметил, что после «бегства» аме-

³⁴ Документы саммита Шанхайской организации сотрудничества // Официальный сайт Президента России. Доступ: <http://www.kremlin.ru/supplement/5698> (дата обращения: 23.09.2021).

риканских войск в Афганистане остался «открытый ящик Пандоры» из-за нерешенных проблем терроризма, наркотрафика, оргпреступности и религиозного экстремизма³⁵. Страны ШОС единодушно высказались за скорейшее урегулирование ситуации в Афганистане и его восстановление в качестве независимого, нейтрального, демократического и мирного государства, которое было бы максимально свободно от войн, наркотиков и терроризма.

В контексте выработки совместной позиции по ситуации в Афганистане особое значение имело то обстоятельство, что в рамках саммита в Душанбе впервые в истории состоялась встреча глав государств ШОС и ОДКБ. Было подчеркнуто, что страны, являющиеся членами этих организаций, будут взаимодействовать друг с другом для противодействия всем деструктивным силам, которые намереваются нарушить нормы их мирного существования³⁶.

С точки зрения укрепления экономического сотрудничества в декларации отмечается важность инициативы Китая «Пояс и путь», подчеркивается желание стран ШОС участвовать в реализации этого амбициозного проекта. Важным аспектом взаимодействия стран организации в этом контексте была отмечена и совместная борьба с пандемией коронавируса, которая нанесла серьезный ущерб экономике государств ШОС, привела к росту безработицы и создала серьезные препятствия для развития торговли. В связи с этим предполагается активизировать взаимодействие в финансовой сфере, в частности, через создание Банка развития и Фонда развития ШОС, а также посредством уже существующих банковских и финансовых структур³⁷.

Наконец, саммит в Душанбе примечателен тем, что на нем новое звучание в прямом смысле слова получила культурная составляющая в деятельности ШОС. Впервые прозвучал гимн ШОС. Его автором является народный артист Республики Таджикистан, председатель

³⁵ Заседание Совета глав государств — членов ШОС // Официальный сайт Президента России. Доступ: <http://kremlin.ru/events/president/news/66706> (дата обращения: 26.09.2021).

³⁶ Ларин И. Афганский вызов: ОДКБ и ШОС строят единый фронт // Ритм Евразии. Доступ: <https://www.ritm Eurasia.org/news--2021-09-20--afganskij-vyzov-odkb-i-shos-strojat-edinyj-front-56507> (дата обращения: 03.10.2021).

³⁷ Душанбинская декларация двадцатилетия ШОС // Секретариат Шанхайской организации сотрудничества. Доступ: <http://rus.sectesco.org/news/20210917/779142.html> (дата обращения: 25.09.2021).

Союза композиторов РТ А. Мусозода. Чести исполнить это музыкальное произведение удостоился Российский государственный оркестр кинематографии под управлением народного артиста РФ С. Скрипки. На саммите было принято решение, что теперь этот гимн будет исполняться на всех официальных мероприятиях, проходящих в рамках или под эгидой ШОС, на совместных учениях стран — членов организации, спортивных мероприятиях и фестивалях культуры³⁸.

Комментируя значение саммита, президент Таджикистана Э. Рахмон отметил, что ШОС за 20-летний период своего развития «стала реальной силой на арене глобальной политики»³⁹.

О дальнейшем развитии ШОС говорил и министр иностранных дел Китая Ван И, который призвал всемерно развивать «шанхайский дух», сотрудничество в сфере безопасности, активно реализовывать Программу многостороннего торгово-экономического сотрудничества и в целом углублять региональное взаимодействие для повышения роли организации в международных делах⁴⁰.

Характеризуя современное состояние и перспективы развития ШОС, следует отметить также активизацию сотрудничества отдельных административных единиц государств — членов этой организации. Так, в конце сентября 2021 г. прошел второй Форум глав регионов стран — членов ШОС в Челябинске. Руководители административно-территориальных единиц провели консультации по поводу дальнейшего развития сотрудничества в таких сферах, как промышленность, сельское хозяйство, логистика, туризм и др. Свои регионы презентовали представители Астраханской, Омской, Курганской и Самарской областей РФ. Кроме того, в этом заседании участвовал спецпредставитель Президента РФ по делам ШОС Б. Ха-

³⁸ На саммите в Душанбе впервые в истории прозвучал гимн ШОС // Даракчи. Доступ: <http://darakchi.uz/ru/128237> (дата обращения: 21.09.2021).

³⁹ 20 лет: сотрудничество во имя стабильности и процветания. Статья Президента Республики Таджикистан, Председателя Совета глав государств — членов Шанхайской организации сотрудничества в 2021 году Эмомали Рахмона // Ховар. Доступ: <https://khovar.tj/rus/2021/06/20-let-shos-sotrudnichestvo-vo-imya-stabilnosti-i-protsvetaniya-statya-prezidenta-respubliki-tadzhikistan-emomali-rahmona/> (дата обращения: 28.09.2021).

⁴⁰ Министр иностранных дел Китая выступил с инициативами развития ШОС // РИА Новости. Доступ: <https://ria.ru/20210715/initsiativy-1741339215.html?in=t> (дата обращения: 29.09.2021).

кимов⁴¹. В современных условиях это направление сотрудничества представляется особенно важным.

* * *

Шанхайская организация сотрудничества продолжает играть роль гаранта региональной стабильности, особенно в свете постоянно растущих внешних угроз. При этом ШОС демонстрирует стремление как к расширению географического охвата своей деятельности, так и к интенсификации взаимодействия между своими членами по самым разным направлениям. В этой связи свою роль могут сыграть и российские учреждения высшего образования, в частности Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова. Так, в октябре 2021 г. в Центре пилотной зоны «Китай–ШОС» (с инициативой создания которой в 2018 г. выступил председатель КНР Си Цзиньпин) состоялось онлайн-совещание, посвященное подведению итогов первого набора слушателей на базовом практическом курсе трансграничной электронной коммерции Института экономики и торговли ШОС. Эта пилотная зона находится приблизительно в 40 км от Циндао в прибрежной зоне города Цзяочжоу. В данном мероприятии принял участие декан факультета мировой политики А.А. Сидоров, который отметил, что «учебный курс по трансграничной электронной торговле Института Шанхайской организации сотрудничества — прекрасный пример международного взаимодействия в области образования»⁴². Подобные инициативы служат важным дополнением к традиционным направлениям деятельности ШОС, и хочется надеяться, что в будущем они получат еще большее распространение.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алимов Р.К. Шанхайская организация сотрудничества: становление, развитие, перспективы. М.: Весь мир, 2017.
2. Курылев К., Мальшев Д., Хотивришвили А., Шабловский В. ШОС и ЕАЭС в контексте евразийской интеграции // *Мировая экономика и*

⁴¹ Челябинск принял II Форум глав регионов ШОС // *Коммерсантъ*. Доступ: <https://www.kommersant.ru/doc/5008440> (дата обращения: 04.10.2021).

⁴² ФМП принял участие в совещании Центра пилотной зоны Китай–ШОС // Факультет мировой политики МГУ имени М.В. Ломоносова. Доступ: <https://fmp.msu.ru/novosti-fmp/item/4845-fmp-prinyal-uchastie-v-soveshchaniy-tsentra-pilotnoy-zony-kitaj-shos> (дата обращения: 13.10.2021).

международные отношения. 2021. Т. 65. № 2. С. 90–97. DOI: 10.20542/0131-2227-2021-65-2-81-88.

3. Комиссина И.Н., Куртов А.А. Шанхайская организация сотрудничества: становление новой реальности. М.: Российский институт стратегических исследований, 2005.

4. Малышев Д. Содружество Независимых Государств: тридцать лет вместе // Россия и новые государства Евразии. 2021. № I (L). С. 9–22. DOI: 10.20542/2073-4786-2021-1-9-22.

5. Международная безопасность: глобальные и региональные акторы / Отв. ред. М.М. Лебедева, Ю.А. Никитина. М.: Аспект Пресс, 2020.

6. Международные отношения в Центральной Азии. События и документы / Под ред. А.Д. Богатурова. М.: Аспект-Пресс, 2011.

7. Политические процессы на постсоветском пространстве: новые тренды и старые проблемы / Отв. ред. Э.Г. Соловьев, Г.И. Чуфрин. М.: ИМЭМО РАН, 2020.

8. Территориальный вопрос в афро-азиатском мире / Под ред. Д.В. Стрельцова. М.: Аспект-Пресс, 2013.

9. Умаров А.А. Афганистан и региональная безопасность в Центральной Азии: начало XXI века. Ташкент: УМЭД, 2017.

10. ШОС в системе безопасности в Евразии: проблемы многостороннего взаимодействия / Ред.-сост. Л.Е. Васильев. М.: ИДВ РАН, 2020.

11. ШОС и страны Ближнего и Среднего Востока (к 10-летию образования ШОС): Сборник статей. М., 2011.

12. Azarkan E. The Shanghai Cooperation Organization: ‘Tackling the three evils’. A regional response to non-traditional security challenges or an anti-Western bloc? // *Europe-Asia Studies*. 2014. No. 61. P. 457–482. DOI: 10.1080/09668130902753309.

13. Jin W., Dehang K. Counter-terrorism cooperation between China and Central Asian states in the Shanghai Cooperation Organization // *China Quarterly of International Strategic Studies*. 2019. Vol. 5. No. 1. P. 65–79. DOI: 10.1142/S2377440019500027.

REFERENCES

1. Alimov R.K. 2017. *Shankhaiskaya organizatsiya sotrudnichestva: stanovlenie, razvitie, perspektivy* [The Shanghai Cooperation Organization: Formation, development, prospects]. Moscow, ‘Ves’ mir’ Publ. (In Russ.)

2. Kurylev K., Malyshev D., Khotivrishvili A., Shablovskii V. 2021. ShOS i EAES v kontekste evraziiskoi integratsii [SCO and EAEU in the context of Eurasian integration]. *World Economy and International Relations*, vol. 65, no. 2, pp. 90–97. DOI: 10.20542/0131-2227-2021-65-2-81-88. (In Russ.)

3. Komissina I.N., Kurtov A.A. 2005. *Shankhaiskaya organizatsiya sotrudnichestva: stanovlenie novoi real'nosti* [The Shanghai Cooperation Organiza-

tion: Emergence of a new reality]. Moscow, Rossiiskii institut strategicheskikh issledovaniy Publ. (In Russ.)

4. Malyshev D. 2021. *Sodruzhestvo Nezavisimykh Gosudarstv: tridtsat' let vmeste* [The Commonwealth of Independent States: Thirty years together]. *Rossiya i novye gosudarstva Evrazii*, no. 1 (L), pp. 9–22. DOI: 10.20542/2073-4786-2021-1-9-22. (In Russ.)

5. Lebedeva M.M., Nikitina Yu.A. (eds.). 2020. *Mezhdunarodnaya bezopasnost': global'nye i regional'nye aktory* [International security: Global and regional actors]. Moscow, Aspect Press Publ. (In Russ.)

6. Bogaturov A.D. (ed.). 2011. *Mezhdunarodnye otноsheniya v Tsentral'noi Azii* [International relations in Central Asia]. Moscow, Aspect-Press Publ. (In Russ.)

7. Solov'ev E.G., Chufrin G.I. (eds.). 2020. *Politicheskie protsessy na post-sovetskom prostranstve: novye trendy i starye problemy* [Political processes in the post-Soviet space: New trends and old problems]. Moscow, IMEMO RAN Publ. (In Russ.)

8. Strel'tsov D.V. (ed.). 2013. *Territorial'nyi vopros v afro-aziatskom mire* [Territorial question in the African-Asian world]. Moscow, Aspect-Press Publ. (In Russ.)

9. Umarov A.A. 2017. *Afganistan i regional'naya bezopasnost' v Tsentral'noi Azii: nachalo XXI veka* [Afghanistan and regional security in Central Asia at the beginning of the 21st century]. Tashkent, UMED Publ. (In Russ.)

10. Vasil'ev L.E. (ed.). 2020. *ShOS v sisteme bezopasnosti v Evrazii: problemy mnogostoronnego vzaimodeistviya* [The SCO in the security system in Eurasia: Problems of multilateral interaction]. Moscow, IDV RAN Publ. (In Russ.)

11. *ShOS i strany Blizhnego i Srednego Vostoka (k 10-letiyu obrazovaniya ShOS)* [The SCO and the countries of the Middle and Near East (On the 10th anniversary of the SCO)]. 2011. Moscow. (In Russ.)

12. Azarkan E. 2014. The Shanghai Cooperation Organization: 'Tackling the three evils'. A regional response to non-traditional security challenges or an anti-Western bloc? *Europe-Asia Studies*, vol. 61, pp. 457–482. DOI: 10.1080/09668130902753309.

13. Jin W., Dehang K. Counter-terrorism cooperation between China and Central Asian states in the Shanghai Cooperation Organization. *China Quarterly of International Strategic Studies*, vol. 5, no. 1, pp. 65–79. DOI: 10.1142/S2377740019500027.

Статья поступила в редакцию 03.11.2021; одобрена после рецензирования 16.12.2021; принята к публикации 18.12.2021.

The paper was submitted 03.11.2021; approved after reviewing 16.12.2021; accepted for publication 18.12.2021.

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ МИРОВОЙ ПОЛИТИКИ

REGIONAL ISSUES OF WORLD POLITICS

DOI: 10.48015/2076-7404-2021-13-4-105-130

Научная статья / Research paper

Е.С. Мелкумян*

ИЗМЕНЕНИЕ ПОДХОДОВ СОВЕТА СОТРУДНИЧЕСТВА АРАБСКИХ ГОСУДАРСТВ ЗАЛИВА К ПРОБЛЕМАМ БЕЗОПАСНОСТИ ПОСЛЕ «АРАБСКОЙ ВЕСНЫ»

*Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Институт востоковедения Российской академии наук»
107031, Москва, ул. Рождественка, 1*

Болезненные политические, экономические и социальные потрясения, вызванные событиями «арабской весны», поставили властные элиты государств Ближнего Востока перед необходимостью переосмыслить традиционные подходы к поддержанию стабильности и безопасности в регионе. Это обстоятельство не могло не отразиться на деятельности Совета сотрудничества арабских государств Залива (ССАГЗ), который изначально преследовал цель способствовать укреплению взаимодействия между странами региона в сфере безопасности. В данной статье предпринимается попытка выявить ключевые события, факторы и тенденции, которые влияли на деятельность ССАГЗ в этом направлении в течение 10 лет с момента начала «арабской весны». Показано, что «арабское пробуждение» подтолкнуло государства — члены ССАГЗ к углублению военно-политической интеграции, призванной повысить оборонный потенциал стран региона и их возможности в отражении внешних и внутренних угроз. Среди этих угроз первое место по-прежнему отводится Ирану. Более того, как отмечает автор, в условиях активизации его политики на Ближнем Востоке ССАГЗ начинает занимать всё более жесткую позицию в отношении этой страны. Тегеран открыто обвиняется во вмешательстве во внутренние дела госу-

* Мелкумян Елена Суменовна — доктор политических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН (e-mail: g.kosach@mail.ru).

дарств — членов ССАГЗ, поддержке незаконных шиитских группировок, действующих на их территории, разжигании межконфессиональной розни. В этом контексте особую озабоченность ССАГЗ вполне предсказуемо вызывает иранская ядерная программа. При этом автор отмечает, что хотя позиция Совета сотрудничества в отношении Ирана была и остается единой, подходы отдельных стран-членов к ее практической реализации подчас достаточно существенно различались. В частности, против чрезмерно жесткой политики в этой сфере выступал Катар. Это обстоятельство, а также обвинения Дохи в поддержке террористических и экстремистских группировок привели к двум кризисам, потрясшим ССАГЗ в 2010-е годы. Тот факт, что в конце концов эти кризисы были преодолены, показывает, по мнению автора, что вопросы обеспечения региональной безопасности объективно требуют укрепления единства Совета сотрудничества. Тем более когда к угрозам военного характера добавилась угроза распространения SARS-CoV-2. Автор заключает, что начало пандемии, которое уже поставило перед ССАГЗ задачу укрепления сотрудничества в сфере здравоохранения, будет способствовать усилению внимания со стороны государств-членов к различным невоенным вызовам безопасности, в том числе эпидемиологическим и экологическим.

Ключевые слова: Совет сотрудничества арабских государств Залива, ССАГЗ, региональная безопасность, Иран, иранская ядерная программа, Катарский кризис, терроризм, пандемия SARS-CoV-2.

Для цитирования: Мелкумян Е.С. Изменение подходов Совета сотрудничества арабских государств Залива к проблемам безопасности после «арабской весны» // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2021. Т. 13. № 4. С. 105–130. DOI: 10.48015/2076-7404-2021-13-4-105-130.

Elena S. Melkumyan

**THE EVOLUTION
OF THE GULF COOPERATION COUNCIL APPROACHES
TO SECURITY ISSUES AFTER THE ARAB SPRING**

*Institute of Oriental Studies
12 Rozhdestvenka str, Moscow, 107031*

The painful consequences of political, economic and social shocks provoked by the Arab Spring forced the political elites of the Middle Eastern states to

revisit traditional approaches to maintaining stability and security in the region. This inevitably affected the activities of the Gulf Cooperation Council, which was from the outset established in order to enhance cooperation between the countries of the region primarily in the field of security. This paper attempts to identify the key milestones, factors and trends that have shaped the GCC decision-making process in the security sphere over the past 10 years since the beginning of the Arab Spring. The author shows that the Arab Awakening has encouraged the GCC member-states to deepen military-political integration, aimed at strengthening their defense capabilities, as well as their abilities to respond to external and internal challenges. The author notes that the GCC countries still view Iran as the main source of all these threats; moreover, considering substantial strengthening of Iran's influence in the Middle East their position has even hardened. Tehran is accused of meddling in the internal affairs of the GCC member-states, supporting illegal Shiite groups operating on their territory, and instigating religious discord. In this context, it is quite natural that the Iran's nuclear programme is of particular concern to the GCC. At the same time, the author emphasizes, that although the GCC member-states declare common approach towards Iran, their practical actions can vary significantly. In particular, it was Qatar which opposed an excessively hard-line approach towards Iran. This fact, as well as accusations against Doha of supporting terrorist and extremist groups, led to two crises that shook the GCC in the 2010s. However, the fact that these crises have been eventually settled shows that security issues still press regional actors towards strengthening the capacities of the GCC. Especially since military threats have been compounded by a new threat — of the outbreak of the SARS-CoV-2 pandemic. The author concludes that this new threat, which has already incited the GCC to promote cooperation in a health sector, will also strengthen the member-states' focus on various nonmilitary challenges including epidemiological and environmental ones.

Keywords: Cooperation Council for the Arab States of the Gulf, GCC, regional security, Iran, Iran's nuclear programme, Qatar diplomatic crisis, terrorism, SARS-CoV-2 pandemic.

About the author: *Elena S. Melkumyan* — Doctor of Sciences (Political Science), Professor, Leading Research Fellow at the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences (e-mail: g.kosach@mail.ru).

For citation: Melkumyan E.S. 2021. The evolution of the Gulf Cooperation Council approaches to security issues after the Arab Spring. *Moscow University Bulletin of World Politics*, vol. 13, no. 4, pp. 105–130. DOI: 10.48015/2076-7404-2021-13-4-105-130. (In Russ.)

Массовые народные протесты, которые проходили в арабских странах в 2011 г., получили название «арабская весна», или «арабское пробуждение»¹. Масштабы этой протестной активности значительно различались, а ее результаты не были однозначными. В некоторых странах удалось добиться позитивных изменений, однако государства, где власть пошла на открытую конфронтацию с протестующими, применяла против них военную силу и репрессии, стали ареной гражданских войн. Это серьезно дестабилизировало региональную ситуацию. В сложившихся условиях Совет сотрудничества арабских государств Залива (ССАГЗ) — организация, ставившая своей целью поддержание стабильности в регионе, — активизировал свою деятельность, направленную на обеспечение безопасности.

Арабские государства — члены ССАГЗ не были в значительной степени затронуты «арабской весной». Исключением стал только Бахрейн, где протесты носили массовый характер и привели к серьезным столкновениям населения со стражами порядка. Однако и в Бахрейне, где против участников протестов была применена сила, власть была готова идти на компромиссы и инициировала проведение национального диалога. В Кувейте митингующие смогли добиться выполнения их основного требования — отставки премьер-министра, которого они обвинили в коррупции. В ходе протестов было сформировано объединение «Долой взяточников и взяточдателей» (*Искам ар-раши ва аль-мурташи*) [Мелкумян, 2016: 385]. Требование о борьбе с коррупцией выдвигалось участниками массовых протестов во многих арабских странах.

В Омане выступления преследовали преимущественно экономические цели, и действия власти, направленные на улучшение материального положения граждан, привели к быстрому урегулированию внутривосточной ситуации.

В Саудовской Аравии одна из молодежных группировок предприняла попытку организовать демонстрацию, но «против Объединения свободной молодежи была мобилирована машина государственной пропаганды — от муфтиев мечетей, произносивших гневные проповеди против тех, кто пытался сеять “рознь и мятежи”, до “мыслителей и писателей нации” — авторов ведущих саудовских изданий,

¹ Косач Г.Г. «Арабская весна», подъем исламистских движений и изменения в системе арабских международных отношений: Доклад аналитиков Совета сотрудничества // Институт Ближнего Востока. 02.09.2012. Доступ: <http://www.iimes.ru/?p=15424> (дата обращения: 20.09.2021).

говоривших о “недопустимости нападков на поэтапный реформаторский курс” короля» [Косач, 2012: 359]. Волнения шиитов в Восточной провинции не приняли масштабного характера.

В ОАЭ массовых протестов не произошло, однако в марте 2011 г. в правительство была направлена петиция, подписанная 160 интеллектуалами, предлагавшими превратить Федеральный Национальный совет в полноценный парламент по европейскому образцу, в котором все депутаты были бы избираемы. Власть пыталась предотвратить возможные выступления, сочетая репрессивные меры с шагами, направленными на повышение уровня жизни населения².

В Катаре, где не существовало общественно-политических объединений и в целом политизация общества не достигла высокого уровня, протестные акции не проводились.

Несмотря на то что арабские монархии — члены ССАГЗ смогли продемонстрировать стабильность своей политической системы перед лицом «арабской весны», она вызвала опасения властных элит в отношении ее возможного воздействия на ситуацию в этих странах и заставила их консолидировать свои усилия, направленные на укрепление региональной и национальной безопасности. Актуальность исследования новых подходов ССАГЗ к указанной проблеме определяется тем, что государства — члены этой организации, заинтересованные в сохранении своих правящих режимов, вносят значительный вклад в создание архитектуры региональной безопасности.

Теоретико-методологической основой исследования послужили две концепции — «сообществ безопасности» и «дилеммы безопасности». Первая предполагает, что между однотипными государствами, относящимися к единому геополитическому региону, которых объединяют общие интересы, с большей вероятностью могут сложиться миролюбивые отношения, и это гарантирует сохранение региональной стабильности. Данная концепция получила подробное освещение в работе Э. Адлера и М. Барнетта [Adler, Barnett, 1998].

Концепция «дилеммы безопасности» также широко распространена в научных кругах. Ее разрабатывали представители школы неореализма, которые считали, что в условиях анархии, царящей в

² Katzman K. The United Arab Emirates (UAE): Issues for US policy // Congressional Research Service. Report for Congress. 15.04.2021. Available at: <https://crsreports.congress.gov/product/pdf/RS/RS21852> (accessed: 04.09.2021).

мире, каждое государство стремится к реализации своих интересов и подчинению более слабых стран. Американские политологи ввели понятие «дилемма безопасности» в 50-е годы XX в. [Butterfield, 1951; Herz, 1951]. В дальнейшем были опубликованы работы, в которых данная концепция получила развитие, среди них заслуживают внимания монография Роберта Джервиса [Jervis, 1976] и статья Чарльза Гласера [Glaser, 1997]. Речь шла о том, что «меры, принимаемые одной стороной для ее собственной безопасности, могут нередко угрожать или восприниматься в качестве угрозы другой стороной», порождая ответную реакцию и приводя лишь к общему росту напряженности [Tang, 2009: 594].

Указанные концепции дают возможность более углубленно анализировать структуру безопасности в регионе Залива.

Вместе с тем следует отметить, что сама эта проблематика, несмотря на явную актуальность, не получила должного освещения в литературе. Коллективная монография, изданная Сиракузским университетом в 2011 г., дает представление о концептуальных установках ССАГЗ в 1980–1990-е годы [The international politics of the Persian Gulf, 2011]. Однако новые подходы к обеспечению безопасности, вызванные трансформацией региональных отношений и ростом региональной напряженности, не могли быть в ней отражены, так как она была опубликована до того, как эти процессы получили развитие. В то же время некоторые ее разделы представляют несомненный интерес, так как в них содержится анализ фундаментальных особенностей региональных отношений и сложившейся в регионе Залива «дилеммы безопасности».

В статье Г.Г. Косача и Е.С. Мелкумян «Совет сотрудничества арабских государств Залива как региональная военно-политическая организация» проанализированы концепции обеспечения безопасности и военное сотрудничество, осуществлявшееся ССАГЗ с момента его создания в 1981 г. вплоть до 2011 г. [Косач, Мелкумян, 2012].

Среди работ, посвященных восприятию Советом проблем безопасности после «арабской весны», необходимо отметить статью Энтони Кордесмана³. Автор концентрируется на военных аспектах безопасности, считая, что ее обеспечение целиком зависит от США,

³ Cordesman A.H. Gulf security: Looking beyond the Gulf Cooperation Council // Center for Strategic and International Studies. 12.12.2017. Available at: <https://www.jstor.org/stable/pdf/resrep23301.pdf> (accessed: 20.09.2021).

поэтому он анализирует данные об американских военных поставках и других формах военной помощи, оказываемой Вашингтоном государствам — членам ССАГЗ.

Наконец, заслуживает внимания статья Ахмеда Абозаида, в которой автор рассматривает новую региональную динамику и структуру безопасности, возникшие в регионе Ближнего Востока, а также в субрегиональной системе Залива после «арабской весны» [Abozaid, 2020].

Эволюция подходов ССАГЗ к обеспечению региональной безопасности

Цели сохранения стабильности и обеспечения безопасности лежали в основе создания Совета сотрудничества и направляли его деятельность на протяжении всего периода его существования. При этом подходы к обеспечению безопасности менялись под влиянием событий регионального и глобального характера. Возникнув в 1981 г., в период сотрясавшей регион Залива ирано-иракской войны, усилившейся конфронтации между СССР и США после ввода советских войск в Афганистан в 1979 г. и последовавшего за тем усиления американского военного присутствия в регионе, новое объединение призвано было служить координированию усилий государств-членов для противодействия всем этим угрозам. Концептуальные основы деятельности по обеспечению безопасности были четко сформулированы уже в первых документах ССАГЗ [Мелкумян, 2019].

Как было заявлено на совещании министров внутренних дел в Эр-Рияде в феврале 1982 г., «безопасность Залива — неразделима, агрессия против одного из государств-членов является агрессией против всех государств Совета, все государства Совета несут коллективную ответственность за отражение агрессии против государства-члена»⁴. Этот принцип «коллективной системы безопасности» определил политику партнеров Кувейта, когда в августе 1990 г. он стал объектом агрессии со стороны Ирака, оккупировавшего соседнее арабское государство под предлогом того, что во времена Османской импе-

⁴ Муатамар вузара дахилийя дувваль Маджлис ат-таавун [Совещание министров внутренних дел государств Совета сотрудничества] // Васаик Маджлис ат-таавун ли дувваль аль-Халидж аль-арабийя [Документы Совета сотрудничества арабских государств Залива]. Доха: Визара аль-иьяля ли Дауля Катар, 1983. Т. 1. С. 283.

рии Кувейт был частью вилайета Басры, позднее ставшего частью Иракской Республики. Все члены Совета выразили солидарность с Кувейтом и оказали ему помощь.

Военное сотрудничество между государствами ССАГЗ развивалось на основе принятого ими принципа «опоры на собственные силы». Проведение совместных маневров и учений, а также стандартизация вооружения должны были решить задачу укрепления боеспособности их армий. Для обороны территории стран-членов были созданы совместные вооруженные силы «Щит полуострова». Их численность на первом этапе была незначительной, не было также единого командования, не были урегулированы вопросы подготовки кадров и закупки вооружения. Эти контингенты предполагалось использовать «для защиты любой страны Залива совместно с ее вооруженными силами». Они должны были стать прообразом «сил быстрого развертывания» не для «вмешательства во внутренние дела государств», «а для отражения угроз или внешней агрессии» [Kingdom of Saudi Arabia, 2002: 106].

Впрочем, следует отметить, что вооруженные формирования «Щит полуострова» не могли в полной мере выполнять возложенные на них задачи. Их создание имело скорее символическое значение, как показатель развития военного сотрудничества в рамках ССАГЗ. Наиболее известным фактом практического использования этих формирований был их ввод на территорию Бахрейна в марте 2011 г. во время роста внутривосточной напряженности, вызванной радикализацией политических сил, участвовавших в массовых антиправительственных протестах. В официальном заявлении бахрейнского правительства в этой связи говорилось, что «печальные события, которые произошли в Королевстве Бахрейн, привели к нарушению его безопасности, а также безопасности его граждан и проживающих на его территории граждан других государств». Подчеркивалось, что это решение «опиралось на принцип единства судьбы государств — членов ССАГЗ и их коллективной ответственности за поддержание безопасности и стабильности, так как безопасность государств Совета сотрудничества неразделима»⁵. Этот подход неоднократно был отражен в документах ССАГЗ.

⁵ Аль-Бахрейн туалин истианатиха би кувват Дара аль-джазира ли аль-хифаз аля амн ва аль-истикрар [Бахрейн заявляет об использовании сил «Щит полуострова» для поддержания безопасности и стабильности] // Аш-Шарк Аль-Аусат. 15.03.2011.

Своеобразным признанием, что «Щит полуострова» не оправдал возложенных на него надежд, может служить тот факт, что после агрессии Ирака в отношении Кувейта в августе 1990 г. и последовавшей затем вооруженной операции по его освобождению силами многонациональной коалиции, возглавлявшейся США, в январе–феврале 1991 г. подходы ССАГЗ к обеспечению безопасности были дополнены акцентом на расширение военного сотрудничества с внерегиональными союзниками.

Взаимодействие с Вашингтоном в области обеспечения региональной безопасности было еще больше интенсифицировано после «арабской весны». Получили дальнейшее развитие и военные связи с НАТО. На прошедшей в декабре 2014 г. в Дохе конференции «НАТО и безопасность Залива» основное внимание было уделено борьбе с терроризмом как главной угрозой региональной и глобальной безопасности. Генеральный секретарь ССАГЗ Абдель Латыф аз-Зияни в своей речи подчеркнул, что «для отражения угроз безопасности необходимо создать единый фронт, объединяющий всех союзников и друзей, которые доверяют друг другу». Государственный министр Катара по вопросам обороны отметил, что «у государств Залива и НАТО общие интересы»⁶. Решения, принятые на конференции, послужили дальнейшему развитию взаимодействия между ССАГЗ и НАТО по вопросам обеспечения безопасности в регионе Залива.

Впрочем, проблема противодействия терроризму давно находится в центре внимания лидеров Совета сотрудничества, которые в 2001 г. заявили о присоединении к международной кампании по борьбе с терроризмом, а в 2004 г. подписали соглашение о совместной борьбе с терроризмом, для реализации которого была создана специальная антитеррористическая комиссия⁷.

Решениями саммита ССАГЗ в Эр-Рияде в декабре 2018 г. было расширено сотрудничество в военной сфере: введен пост команду-

Доступ: <http://www.aawsat.com/details.asp?section=4&&issueno=11795&article=612577> (дата обращения: 20.09.2021).

⁶ Иттифак Атласий-халиджий ли химаят тадаффук ан-нафт [Соглашение НАТО–Залив для защиты поставок нефти] // Аль-Хайят. 12.12.2014. Доступ: <http://alhayat.com/Articles/6205328> (дата обращения: 20.10.2021).

⁷ Secretariat general of the Gulf Cooperation Council. Achievements. Fourth: Cooperation in the field of counter-terrorism. Available at: <https://www.gcc-sg.org/en-us/CooperationAndAchievements/Achievements/SecurityCooperation/Achievements/Pages/FourthCooperationinthefieldofc.aspx> (accessed: 08.09.2021).

ющего единым военным командованием Совета, что должно было способствовать активизации деятельности последнего. Было также решено создать военную академию ССАГЗ по подготовке военных кадров высшего звена, что должно было помочь эффективной работе единого командования на основе продуманной общей стратегии⁸.

По результатам саммита глав государств — членов ССАГЗ, проходившего в Саудовской Аравии в городе аль-Уле в январе 2021 г., военное сотрудничество вновь было расширено. Изменение названия «Единое командование объединенных сил “Щит полуострова”» на «Объединенное военное командование государств Совета сотрудничества» означало повышение уровня интеграции в военной сфере⁹.

Укрепление оборонных возможностей ССАГЗ рассматривается как одно из условий обеспечения его безопасности и отражения военно-политических угроз, среди которых первое место отводится терроризму.

Члены объединения придерживаются твердой позиции в отношении террористических и экстремистских организаций любого толка и последовательно проводят курс, направленный на противодействие им, в том числе через блокирование источников их финансирования. Государства ССАГЗ обвиняют Тегеран в поддержке террористических группировок, поэтому иранская угроза нередко рассматривается в контексте борьбы с экстремистскими и террористическими организациями.

Обострение иранской угрозы

В условиях активизации иранской политики ССАГЗ в регионе Ближнего Востока, которая сопровождается обвинениями Тегерана в оказании поддержки антиправительственным группировкам и вмешательстве в конфликтные ситуации в арабских странах Залива, государства Совета сотрудничества стали рассматривать ИРИ как главную угрозу региональной безопасности. Отношения членов

⁸ Иалян Эр-Рияд: аль-хифаз аля кувват маджлис ат-таун ва вахдат ас-сафф бейна а’адаих [Декларация Эр-Рияда: защита мощи Совета сотрудничества и единства рядов его членов] // аш-Шарк Аль-Аусат. 10.12.2018. Доступ: <https://aawsat.com/print/1497546> (дата обращения: 20.10.2021).

⁹ Насс аль-баян аль-хитамий ас-садыр ан аль кимма аль хадиджийя фи Аль-Ула [Текст заключительной декларации саммита ССАГЗ в аль-Уле] // аш-Шарк Аль-Аусат. 05.01.2021. Доступ: <https://aawsat.com/home/article/2723681> (дата обращения: 10.09.2021).

ССАГЗ с Ираном были напряженными и в первые годы после создания организации, но тогда официальных обвинений в его адрес в том, что его политика ведет к дестабилизации ситуации в регионе Залива, а также представляет угрозу для национальной безопасности стран Совета, не звучало. Положение изменилось после начала массовых протестов в Бахрейне в 2011 г., когда наиболее радикальные шиитские группировки выступили против правящего режима за создание исламской республики. Власти Бахрейна обвинили Иран в подстрекательской деятельности. Несмотря на попытки иранского президента Х. Рухани, пришедшего к власти в августе 2013 г., наладить сотрудничество со странами Залива, бахрейнская позиция не изменилась. Министр иностранных дел страны Халед бен Ахмед Аль Халифа, выступая на заседании Манаامского диалога в декабре 2014 г., отметил продолжающееся вмешательство Тегерана во внутренние дела государств региона. Он подчеркнул: «Региональная архитектура безопасности, включающая все региональные государства, никогда не будет создана, пока Иран будет продолжать свою политическую линию»¹⁰.

Участившиеся обвинения ИРИ в спонсировании антиправительственных экстремистских организаций в шиитской среде государств ССАГЗ, а также в снабжении их оружием привели к дальнейшему ужесточению позиции государств — членов объединения.

В 2016 г. Саудовская Аравия разорвала дипломатические отношения с ИРИ. Причиной, как отмечают эксперты, стали опасения, что «Иран не мог не отреагировать остро на казнь шиитского духовного лица Нимра ан-Нимра в Саудовской Аравии» [Кожанов, 2020: 242]. Антисаудовские протесты, организованные в Исламской Республике, были восприняты в саудовском королевстве как недопустимое вмешательство в его внутренние дела. Другие члены Совета сотрудничества поддержали Саудовскую Аравию, разорвав с Ираном дипломатические отношения, как Бахрейн, или понизив уровень своего дипломатического представительства (Доха восстановила дипотношения с Ираном в 2017 г. в ходе Катарского кризиса).

После того как Иран стал участвовать в гражданской войне в Сирии, поддерживая правящий режим Башара Асада, который ССАГЗ

¹⁰ Speech of the Minister of Foreign Affairs in the Manama Dialogue ‘Strategic priorities in the Middle East’ // Kingdom of Bahrain Ministry of Foreign Affairs. 06.12.2014. Available at: <https://www.mofa.gov.bh/Default.aspx?tabid=7824&language=en-US&ItemId=4756> (accessed: 12.10.2021).

называл нелегитимным, в документах Совета сотрудничества обвинения Тегерана во вмешательстве во внутренние дела арабских стран стали носить более жесткий характер. Активная поддержка Ираном таких организаций, как «Хизбалла», и иракских шиитских вооруженных отрядов, оказание помощи йеменским хуситам также вызывали резкую критику со стороны ССАГЗ. Пик этого противостояния пришелся на 2019 год.

Весной 2019 г. положение в регионе Залива обострилось. 12 мая было совершено нападение на четыре нефтяных танкера у берегов ОАЭ. 13 июня подали сигнал бедствия два нефтяных танкера, шедших из Саудовской Аравии в Сингапур и на Тайвань. Руководство судов заявило о повреждениях, произошедших по причине взрывов. Точной информации о случившемся не было, но США обвинили Иран¹¹.

14 мая 2019 г. представители саудовских властей заявили об обстреле двух нефтяных вышек, примыкающих к главному магистральному нефтепроводу страны, который связывает восточные месторождения с портами Красного моря. Саудовская Аравия возложила ответственность на группировку хуситов, поддерживавшихся Ираном, с которой саудовское королевство вело войну с 2015 г.

14 сентября 2019 г. были атакованы нефтяные объекты саудовской нефтяной компании АРАМКО. Для нанесения ударов были использованы беспилотные летательные аппараты и крылатые ракеты. США и саудовское королевство снова возложили вину на Иран¹².

Совет сотрудничества осудил действия Тегерана, нарушающие свободу судоходства в международных водах, угрожающие безопасности нефтяных объектов и транспортировке энергоносителей на мировые рынки¹³.

Опасения арабских стран зоны Залива вызвало и наращивание Ираном его военной мощи — увеличение численности вооруженных

¹¹ Gulf of Oman tanker attacks: What we know // BBC. 18.06.2019. Available at: <https://www.bbc.com/news/world-middle-east-48627014> (accessed: 12.09.2021).

¹² ар-Рашид А.Р. Иран миадаля акбар мин ас-Саудийя [Иран более значимая проблема, чем Саудовская Аравия] // аш-Шарк аль-Аусат. 19.09.2019. Доступ: <https://aawsat.com/home/article/1909201/السعودية-من-أكبر-معضلة-إيران-الرائد-الرحمن-عبد> (дата обращения: 18.09.2021).

¹³ Transcript: Closing statement of 41st GCC summit // Al Jazeera. 07.01.2021. Available at: <https://www.aljazeera.com/news/2021/1/7/closing-statement-of-41st-gulf-cooperation-council> (accessed: 12.09.2021).

сил и интенсификация подготовки личного состава. Выделяя всё более значительные средства на производство и закупку современных видов вооружения и военной техники, Иран вместе с тем развивал и собственную военную промышленность, наладив производство ракет, танков и бронетехники.

Серьезные опасения государств — членов ССАГЗ вызывает также иранская ядерная программа. Как отмечали в этой связи российские специалисты, «Иран если и не стремится напрямую к созданию атомной бомбы, то наверняка хочет достичь латентного ядерного статуса за счет приобретения полного набора научно-технических возможностей ее изготовления» [Евсеев, Сажин, 2009: 52].

В ноябре 2011 г. Международное агентство по атомной энергии (МАГАТЭ) опубликовало подробный отчет о секретной программе Ирана по производству ядерного оружия. Инспекторы МАГАТЭ, обследовавшие иранские ядерные объекты, пришли к выводу, что Иран способен в ближайшем будущем производить ядерное оружие. Это было расценено как грубое нарушение режима ядерного нераспространения. Для соседних с Ираном арабских монархий это означало изменение стратегического баланса сил в регионе, поэтому они активно подключились к международным действиям, направленным на то, чтобы не допустить такого негативного для их национальных интересов развития ситуации, и поддержали санкции, введенные против Ирана в соответствии с резолюцией Совета Безопасности ООН.

Подписание 14 июля 2015 г. в Женеве Совместного всеобъемлющего плана действий (СВПД), предусматривавшего заморозку иранской ядерной программы в обмен на снятие санкций, было воспринято арабскими монархиями Залива положительно. Однако они высказывали опасения в отношении готовности Ирана выполнить все пункты СВПД. В этой связи на саммите ССАГЗ, проходившем в Эр-Рияде 10 декабря 2015 г., лидеры стран Совета потребовали реализации соглашения в полном объеме (подчеркнув роль МАГАТЭ в инспекции и контроле над соблюдением СВПД), а также введения в срочном порядке санкций в случае нарушения Ираном принятых на себя обязательств. В решениях саммита была подчеркнута необходимость выполнения резолюции Совета Безопасности ООН № 2231, касающейся ядерной программы ИРИ, а также его баллистических ракет и другого вооружения.

Государства ССАГЗ выразили обеспокоенность запуском ракеты средней дальности, осуществленным Ираном 10 октября 2015 г., которая может стать средством доставки ядерного оружия. В ответ монархии Залива вновь подтвердили свое стремление превратить Ближний Восток в зону, свободную от оружия массового уничтожения, отметив при этом право всех государств региона на использование ядерной энергии в мирных целях¹⁴.

После решения США о выходе из ядерной сделки с Ираном в мае 2018 г., которое было поддержано государствами ССАГЗ, члены объединения также скорректировали свои подходы к данной проблеме. С их точки зрения, любые соглашения с Ираном должны носить комплексный характер и включать требования по изменению иранской региональной политики, нарушающей региональную стабильность, а ракетная и ядерная программы ИРИ должны рассматриваться как части единого целого. Страны ССАГЗ также требуют подключения к международным переговорам с Ираном¹⁵.

В заключительном коммюнике саммита в аль-Уле в январе 2021 г. отмечалось, что «Совет сотрудничества полностью отвергает продолжающееся иранское вмешательство во внутренние дела государств — членов этой организации и других государств региона. Он осуждает террористические действия, предпринимаемые Ираном. ССАГЗ выступает против иранской политики, провоцирующей межконфессиональные и межрелигиозные конфликты, которые представляют опасность для региональной и международной безопасности». Главы стран Совета сотрудничества также потребовали от Ирана прекратить поддерживать организации, которые разжигают эти конфликты, и не оказывать финансовую и военную помощь конфессиональным военизированным формированиям и террористическим группировкам. Кроме того, они приветствовали решение США включить Корпус стражей исламской революции в список террористических структур, подчеркнув «важность этого

¹⁴ Final Communiqué of the 36th Session of the Gulf Cooperation Council Supreme Council // The Embassy of the Kingdom of Saudi Arabia. 10.12.2015. Available at: <https://www.saudiembassy.et/statements/final-communicu%C3%A9-36th-session-gulf-cooperation-council-supreme-council> (accessed: 12.10.2021).

¹⁵ GCC countries demand Iran missile program to be part of nuclear talks // Iran. 17.01.2021. Available at: <https://old.iranintl.com/en/iran-in-brief/gcc-countries-demand-iran-missile-program-be-part-nuclear-talks> (accessed: 12.09.2021).

шага для противодействия данной организации, которая является дестабилизирующим элементом, фактором, способствующим росту региональной напряженности, и инструментом для провоцирования насилия и терроризма на Ближнем Востоке»¹⁶.

Позиция Совета сотрудничества в отношении Ирана была единой, тем не менее подходы отдельных его государств к ее практической реализации подчас достаточно существенно различались. Три страны, входящие в это объединение, — Саудовская Аравия, Бахрейн и ОАЭ — выступали за всемерное ужесточение курса в отношении Ирана, тогда как Катар, Кувейт и Оман были сторонниками поиска компромиссов. Эти различия проявились и в период обострения противоречий между Катаром и его партнерами.

Катарский кризис сквозь призму проблем безопасности

9–10 июня 2012 г. Департамент политического анализа Генерального секретариата ССАГЗ провел заседание и принял документ «Будущее региональных политических отношений в свете подъема исламских течений». Созданный в начале 1990-х годов Департамент политического анализа призван был содействовать тесной координации действий государств ССАГЗ в сфере безопасности и оборонного сотрудничества, а также выработке общей политической линии в отношении вопросов, связанных с развитием ситуации в регионе Залива и арабского мира. В представленном докладе была дана оценка тех изменений, которые произошли в арабских странах в результате «арабской весны». Аналитики Совета сотрудничества пришли к выводу, что «революционные изменения в ряде арабских государств привели к появлению принципиально новой региональной реальности, которая всё еще находится на этапе серьезных трансформаций, далеких от того, чтобы принять окончательную форму». В их докладе подчеркивалось, что «революции “арабской весны” создали другие государства, другие режимы, вызвали к жизни многочисленные движения и течения и изменили региональное соотношение сил». Особое внимание в документе было уделено исламистским течениям, к которым были отнесены: «политический ислам (Братья-мусульмане)», «салафитские течения», «джихадистские группировки» и «суфийские тарикаты». Их влияние значительно возросло, что

¹⁶ Ibid. P. 6.

стало, по мнению авторов доклада, одним из наиболее значимых региональных изменений¹⁷.

При этом, хотя все перечисленные исламистские организации стали объектом пристального внимания ССАГЗ, между его членами возникли разногласия относительно тактики выстраивания отношений с ними. Катар считал необходимым поддерживать контакты со многими из них, особенно наиболее влиятельными. Однако Саудовская Аравия, ОАЭ и Бахрейн считали такие организации, как «Хизбалла», «Братья-мусульмане» и некоторые другие исламистские структуры, имеющие широкую поддержку в арабском мире, террористическими, угрожающими их национальной безопасности. Эти расхождения привели к возникновению кризиса в отношениях внутри самого ССАГЗ.

Кризис начался 5 марта 2014 г., когда Саудовская Аравия, ОАЭ и Бахрейн отозвали своих послов из Катара. В своем совместном заявлении они обвинили Доху в невыполнении обязательств по соглашению, касающемуся вопросов безопасности, которое было подписано всеми государствами — членами ССАГЗ в ноябре 2012 г. в Эр-Рияде¹⁸. В заявлении подчеркивалось, что Катар отказывался проводить «единый политический курс», как этого требует устав организации, а также соблюдать подписанные им соглашения. Доха также обвинялась в невыполнении соглашения по безопасности, в котором подтверждался «принцип прямого или косвенного невмешательства во внутренние дела государств, входящих в Совет сотрудничества», и содержалось требование «не поддерживать тех, кто угрожает безопасности и стабильности этих государств, будь то организация или же отдельные личности, которые непосредственно угрожают их безопасности, пытаются оказать политическое давление или же поддерживают враждебную информацию». При этом в том же заявлении указывалось и на то, что Катар прямо взял на себя соответствующие обязательства по реализации соглашения о безопасности, когда эмир этой страны шейх Тамим бен Хамад Аль

¹⁷ Косач Г.Г. «Арабская весна», подъем исламских движений и изменения в системе арабских международных отношений: доклад аналитиков Совета сотрудничества. 2 сентября 2012 г. // Институт Ближнего Востока. Доступ: <http://www.iimes.ru/?p=15424> (дата обращения: 20.09.2021).

¹⁸ Насс аль-баян аль-муштарак [Текст совместного заявления] // аш-Шарк Аль-Аусат. 06.03.2014. Доступ: <http://www.aawsat.com/print.asp?did=763728&issueno=12882> (дата обращения: 20.09.2021).

Тани поставил под ним свою подпись на «тройственном саммите» — совещании, проходившем 23 ноября 2013 г. в Эр-Рияде, участниками которого были также главы Саудовской Аравии и Кувейта¹⁹.

Одна из статей соглашения обязывала все государства, подписавшие его, принимать законодательные меры в отношении преступления, подпадающего под действие национального законодательства, в случае вмешательства его граждан или проживающих на его территории лиц во внутренние дела одного из участников этого соглашения²⁰.

Претензии к Катару были связаны прежде всего с нахождением на его территории видных деятелей движения «Братья-мусульмане», которые вынуждены были бежать из Египта после военного переворота 2013 г. Каир со своей стороны также обвинял Катар во вмешательстве в его внутренние дела.

Бахрейн, имевший с Катаром длительный территориальный конфликт, который был разрешен Гаагским международным судом в 2001 г., выдвинул в отношении Дохи еще одно обвинение, заявив о том, что страна предоставляет гражданство суннитским семьям, имевшим бахрейнское гражданство. Бахрейнские официальные лица утверждали, что катарское гражданство получили и бывшие бахрейнские полицейские, военные и представители спецслужб, в то время как упомянутое соглашение по безопасности запрещало лицам, работавшим в военных ведомствах и службах, обеспечивавших безопасность, менять свое гражданство²¹. Саудовская Аравия и ОАЭ поддержали требование Бахрейна прекратить практику предоставления катарского гражданства бахрейнцам и оппозиционным деятелям ряда стран ССАГЗ.

В ответ Совет министров Государства Катар опубликовал заявление, в котором высказал «сожаление и удивление» по поводу решения Саудовской Аравии, ОАЭ и Бахрейна «отозвать послов из

¹⁹ Ibidem.

²⁰ Насс аль-иттифакий аль аманийя [Текст соглашения по безопасности] // Аль-Анба, Кувейт. 20.10.2014. Доступ: <https://www.alanba.com.kw/ar/kuwait-news/373501/10-04-2013> (дата обращения: 23.10.2021).

²¹ Аль-Бахрейн тухадид би иттихаз «иджраат муакаса» дида Катар би шаан кадийят «ат-таджнис» [Бахрейн угрожает принятием «ответных мер» против Катара по поводу проблемы «предоставления гражданства»] // аш-Шарк Аль-Аусат. 18.09.2014. Доступ: <http://www.aawsat.com/print.asp?did=787520&issueno=13078> (дата обращения: 20.09.2021).

Дохи», признав существование различий во взглядах с этими странами, но подчеркнув, однако, что имеющиеся между ними разногласия «не касаются проблем Совета сотрудничества». Катар подтвердил свою «приверженность узам братства с народами государств Совета сотрудничества». Он также заверил своих партнеров по ССАГЗ, что будет и в дальнейшем придерживаться принципов, на которых основывается деятельность этой организации. Доха взяла на себя обязательства не нарушать безопасность и стабильность своих партнеров по Совету²². Таким образом, Катар проявил сдержанность. Его позиция свидетельствовала о том, что он считает для себя важным сохранить членство в объединении арабских государств Залива и заинтересован в том, чтобы эта организация успешно развивалась.

На внеочередном саммите 15 ноября 2014 г. в Эр-Рияде по приглашению короля Саудовской Аравии, «Служителя двух Благородных Святынь» Абдаллы бен Абдель Азиза, состоялось примирение, позволившее Катару «вернуться в семью государств Залива». По итогам встречи в Эр-Рияде было принято заявление, где отмечалась «необходимость крепить дух братского взаимодействия, подчеркивать общность судьбы, которую осознают сыны государств Совета сотрудничества, связанных тесными узами взаимодействия»²³. Как было отмечено в заявлении, достижение соглашения о единстве государств — членов ССАГЗ состоялось в сложный период, который переживает Ближний Восток, что «требует прилагать особые усилия и сплотиться ради защиты безопасности и стабильности в регионе»²⁴.

Катар, тем не менее, хотя и выслал некоторых деятелей движения «Братья-мусульмане», продолжал поддерживать с ним связи, что вызывало недовольство ОАЭ и Саудовской Аравии, которые внесли эту структуру в свои списки террористических организаций. Сохранялась и поддержка Катаром ХАМАС и «Хизбаллы», которых

²² Катар: нуасиф ли сахаб суфара Ас-Саудийя ва Аль-Имарат ва Аль-Бахрейн ва аль-карат сабабаху хилафат хавля шуун харидж Маджлис ат-таун [Катар: мы сожалеем об отзыве послов Саудовской Аравии, Эмиратов и Бахрейна, но его причины связаны с разногласиями, не затрагивающими Совет сотрудничества] // Аль-Хайят. 06.03.2014. Доступ: <http://alhayat.com/Articles/9134> (дата обращения: 20.09.2021).

²³ Би рияят хадим аль-харамейн — мусалаха тунд Катар иля аль-хадан аль-халиджий [Под покровительством служителя Двух Святынь — примирение вернет Катар в семью государств Залива] // аш-Шарк Аль-Аусат. 17.11.2014. Доступ: <http://www.aawsat.com/print.223311> (дата обращения: 20.09.2021).

²⁴ Ibid. P. 14.

он рассматривал в качестве формирований, оказывавших сопротивление израильской оккупации, что также вызывало недовольство Саудовской Аравии, ОАЭ и Бахрейна.

Как следствие, в июне 2017 г. конфликт с Катаром вспыхнул с новой силой. Те же три государства ССАГЗ — Саудовская Аравия, Бахрейн и ОАЭ, а также еще одна арабская страна, имевшая разногласия с Катаром, Египет, 5 июня разорвали с ним дипломатические отношения. Против него были введены блокада и экономические санкции, которые должны были заставить Катар пойти на выполнение всех предъявленных требований. Однако, несмотря на возникшие экономические трудности, Доха не пожелала идти на какие-либо уступки. В заявлении эмира Катара Тамима бен Хамада Аль Тани говорилось: «Мы отказываемся подчиняться диктату, который навязывается нам с помощью давления и блокады»²⁵.

Катар решительно отверг обвинения в поддержке террористических организаций. Среди списка, состоявшего из 13 пунктов, которые он должен был выполнить для урегулирования кризиса, были такие, которые он отказался даже рассматривать, поскольку их выполнение означало бы ущемление его суверенитета, Конституции или взятых на себя международных обязательств. Это касалось его отношений с Ираном, с которым его связывали экономические интересы, прежде всего в области совместной разработки газовых месторождений. Кроме того, Катар в целом был сторонником нормализации отношений всех арабских государств — членов ССАГЗ с Ираном, считая его одним из ведущих государств Ближнего Востока. Катарское руководство решительно отвергло требование о закрытии телеканала «Аль-Джазира», что означало бы нарушение Конституции страны, гарантирующей свободу слова. К тому же такой влиятельный телеканал, пользующийся международной известностью, был необходим Катару как средство укрепления своего международного престижа. Доха не могла выполнить и требование о закрытии турецкой военной базы, которая была создана в соответствии с двусторонним соглашением, подписанным в 2016 г.

В итоге кризис удалось урегулировать благодаря посредническим усилиям эмира Кувейта Сабаха Аль-Ахмеда Ас-Сабаха, об-

²⁵ Qatari emir condemns 'unjust blockade' in UNGA speech // Al Jazeera. 19.09.2017. Available at: <http://www.aljazeera.com/news/2017/09/qatari-emir-condemns-unjust-blockade-unga-speech170919185253541.html> (accessed: 24.09.2021).

ладавшего значительным опытом дипломатической деятельности и возглавлявшего страну с 2006 по 2020 г. На саммите ССАГЗ в аль-Уле в январе 2021 г. было подтверждено окончание конфликта в отношениях между государствами — членами организации. В заключительном заявлении саммита подчеркивалось, что усилия всех стран ССАГЗ «направлены на сплочение и возвращение к совместной деятельности для поддержания безопасности и стабильности в регионе»²⁶. Свидетельством налаживания отношений с Катаром стали упоминания в совместном заявлении о его достижениях в последние годы. Среди них: подготовка к проведению чемпионата мира по футболу в 2022 г. и международной выставки Экспо-Садоводство со 2 октября 2023 г. по 28 марта 2024 г. В документе также содержалось поздравление Катара в связи с назначением Ахмеда бен Абдаллы Аль-Махмуда, спикера Консультативного совета Катара, председателем Всемирной организации парламентариев против коррупции на период 2019–2021 гг.

В январе 2021 г. были возобновлены полеты между Саудовской Аравией и Катаром и открыты пропускные пункты на границе между двумя странами. Авиасообщение Катара с Бахрейном, ОАЭ и Египтом было также восстановлено. Саудовская Аравия стала первой из государств ССАГЗ, кто принял решение о возобновлении дипломатических отношений с Катаром.

Можно заключить, что в ситуации, когда вопросы обеспечения безопасности объективно требовали укрепления единства рядов Совета сотрудничества, разногласия между его членами, пусть и не разрешенные до конца, с неизбежностью отходили на задний план. Тем более когда к угрозам военного характера добавилась новая, эпидемиологическая угроза, а также обострились экологические проблемы.

Невоенные аспекты безопасности

Пандемия новой коронавирусной инфекции, начавшаяся в 2019 г., охватила и арабские государства, входящие в ССАГЗ, что поставило перед ними задачу усиления совместных действий для борьбы с распространением SARS-CoV-2 и его социально-экономическими последствиями. Речь шла в первую очередь о расширении сотрудничества между медицинскими центрами и учреждениями этих

²⁶ Ibid. P. 6.

государств для противостояния будущим вызовам в сфере здравоохранения. Целью этих мер было сохранение здоровья граждан и всех жителей стран ССАГЗ.

Саммит Совета сотрудничества, проходивший в Саудовской Аравии в городе аль-Уле в январе 2021 г., принял конкретные рекомендации по снижению эпидемиологических угроз безопасности. В частности, он обязал Генеральный секретариат ССАГЗ создать единую базу данных, касающуюся распространения коронавируса в странах — членах объединения, а также подготовить подробный отчет о деятельности, направленной на борьбу с пандемией. Саммит также утвердил создание Центра государств Залива по вакцинации от опасных болезней под эгидой Совета по здравоохранению ССАГЗ²⁷.

Среди невоенных аспектов безопасности Совет сотрудничества также отмечает экологические угрозы, прежде всего проблемы загрязнения окружающей среды, включая возрастающую опасность загрязнения вод Залива.

Актуальной для государств ССАГЗ является и водная безопасность. Нехватка источников пресной воды создает проблемы для экономического развития этих стран. Для координации действий в этой области на саммите в аль-Уле было решено принять единые законодательные меры по развитию и использованию ресурсов пресной воды²⁸.

* * *

Как показало проведенное исследование, военно-политические аспекты безопасности по-прежнему занимают центральное место в деятельности Совета сотрудничества. В его концепции обеспечения безопасности основное внимание уделяется защите государств-членов от возможного нападения, от действий террористических и радикальных группировок, а также недопущению эскалации региональной напряженности. Государства-члены прилагают усилия по развитию и расширению военного сотрудничества в рамках организации, а также по сохранению отношений в сфере обеспечения безопасности со своими стратегическими союзниками, среди которых главенствуют США.

²⁷ Ibidem.

²⁸ Ibidem.

Для ССАГЗ главной угрозой национальной безопасности его членов, а также региональной безопасности на Ближнем Востоке видится агрессивная политика Ирана. По мере того как Тегеран всё активнее участвует в делах региона, отношение к нему со стороны Совета сотрудничества становится всё более бескомпромиссным. Обвинения в поддержке террористических и радикальных группировок, действующих на Ближнем Востоке, в разжигании межконфессиональной розни, во вмешательстве во внутренние дела арабских государства постоянно фигурируют в официальных документах ССАГЗ.

Особое беспокойство членов этой организации вызывают ядерная программа Ирана и связанная с ней ракетная программа. Государства ССАГЗ выступают за ужесточение требований по иранскому ядерному досяе со стороны мирового сообщества. Они также считают необходимым стать участниками переговоров между Ираном и государствами, выступающими в качестве международных посредников.

Совет сотрудничества рассматривает в качестве одного из главных результатов «арабской весны» усиление влияния исламистских организаций различного толка. Эта общая оценка, тем не менее, не исключает различий в политике отдельных государств-членов. Катар посчитал необходимым поддерживать контакты с такими организациями, как движение «Братья-мусульмане», «Хизбалла» или ХАМАС, тогда как Саудовская Аравия, Бахрейн и ОАЭ квалифицировали их в качестве террористических, угрожающих их национальной безопасности. Это стало причиной Катарского кризиса. Первая его фаза, пришедшаяся на 2014 г., не была длительной и завершилась благодаря сдержанной позиции Катара. Вторая фаза, начавшаяся в 2017 г., была более жесткой, так как противостоящие Дохе в Совете сотрудничестве государства, к которым примкнул Египет, приняли против него меры и дипломатического, и экономического характера. Кризис был разрешен только в начале 2021 г. Ключевую роль при этом, как представляется, сыграла именно общая заинтересованность всех членов ССАГЗ в коллективных действиях, направленных на обеспечение региональной безопасности.

В то же время можно предположить, что начало пандемии коронавируса, охватившей весь мир в 2020 г., которая уже поставила перед ССАГЗ задачу укрепления сотрудничества в сфере здравоохранения, будет способствовать усилению внимания со стороны государств-членов к различным невоенным угрозам безопасности, в том числе эпидемиологическим и экологическим.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. аль-Малик А.А. Мамляка аль-Арабийя ас-Саудийя фи миат амм [Внешняя политика Королевства Саудовская Аравия за сто лет]. Эр-Рияд: Министерство иностранных дел, 2006. (На араб.)

2. Барановский В.Г., Наумкин В.В. Ближний Восток в меняющемся глобальном контексте: ключевые тренды столетнего развития // *Мировая экономика и международные отношения*. 2018. Т. 62. № 3. С. 5–19. DOI: 10.20542/0131-2227-2018-62-3-5-19.

3. Ближний Восток, Арабское пробуждение и Россия: что дальше? Сборник статей / Под ред. В.В. Наумкина, В.В. Попова, В.А. Кузнецова. М.: ИВ РАН, 2012.

4. Евсеев В.В., Сажин В.И. Иран, уран и ракеты. М.: Институт Ближнего Востока, 2009.

5. Кожанов Н.А. Иран в поисках своего места в международных отношениях // *Ближний Восток. Политика и идентичность* / Под ред. И.Д. Звягельской. М.: Аспект Пресс, 2020. С. 235–243.

6. Конфликты и войны XXI века (Ближний Восток и Северная Африка). М.: ИВ РАН, 2015.

7. Косач Г.Г. Саудовская Аравия: трансформация власти и политики // *Мировая экономика и международные отношения*. 2019. Т. 63. № 4. С. 59–67. DOI: 10.20542/0131-2227-2019-63-4-59-67.

8. Косач Г.Г., Мелкумян Е.С. Совет сотрудничества арабских государств Залива как региональная военно-политическая организация // *Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика*. 2012. № 4. С. 39–69.

9. Мелкумян Е.С. История арабских стран. Государства Залива в XX — начале XXI в. М.: Юрайт, 2018.

10. Мелкумян Е.С. История государств Арабского залива в XX — начале XXI в. М.: ИВ РАН, 2016.

11. Мелкумян Е.С. Регион Залива: конфликты, компромиссы, сотрудничество. М.: ИВ РАН, Институт Ближнего Востока, 2008.

12. Мелкумян Е.С. Совет сотрудничества арабских государств Залива: история, ключевые достижения и перспективы развития // *Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика*. 2019. Т. 11. № 1. С. 108–137.

13. Мелкумян Е.С. Совет сотрудничества арабских государств Залива: концептуальные основы обеспечения безопасности // *Безопасность на Западе, на Востоке и в России: представления, концепции, ситуации: Материалы международной конференции*. Москва, 15 октября 2012 г. / Науч. ред. С.А. Панарин, Д.И. Польшванний. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2013. С. 166–173.

14. Abozaid A.M. Bitter years: Qatari crisis and the future of GCC countries // *Contemporary Arab Affairs*. 2020. Vol. 13. No. 4. P. 108–137. DOI: 10.1525/caa.2020.13.4.108.

15. Adler E., Barnett M. *Security communities*. Cambridge Studies in International Relations. Cambridge: Cambridge University Press, 1998.

16. Butterfield H. *History and human relations*. London: Collins, 1951.

17. Glaser C.L. The security dilemma revisited // *World Politics*. 1997. Vol. 50. No. 1. P. 171–201.

18. Herz J. *Political realism and political idealism: A study in theories and realities*. Cambridge: Cambridge University Press, 1951.

19. *The international politics of the Persian Gulf* / Ed. by M. Kamrava. New York: Syracuse University Press, 2011.

20. Jervis R. *Perception and misperception in international politics*. Princeton: Princeton University Press, 1976.

21. Kamrava M. The changing international relations of the Persian Gulf // *The international politics of the Persian Gulf* / Ed. by M. Kamrava. New York: Syracuse University Press, 2011. C. 1–20.

22. Katz M. The Gulf and the great powers: Evolving dynamics // *Middle East Policy*. 2017. Vol. 24. No. 2. P. 102–109. DOI: 10.1111/mepo.12271.

23. *Kingdom of Saudi Arabia. One hundred years in the service of Arabs and Arab affairs*. Beirut: Dar al-Liwaa for Press and Publishing. 2002.

24. Lawson F.H. *Security dilemma in the contemporary Persian Gulf* // *The international politics of the Persian Gulf* / Ed. by M. Kamrava. New York: Syracuse University Press, 2011. P. 50–71.

25. Tang S. The security dilemma: A conceptual analysis // *Security Studies*. 2009. Vol. 18. No. 3. P. 587–623. DOI: 10.1080/09636410903133050.

REFERENCES

1. al-Malik A.A. 2007. *Al-Mamlaka al-Arabiya al-Saudiya fi mia amm. al-Siyasa al-kharidjiya* [Kingdom of Saudi Arabia in a hundred years. Foreign policy]. Riyadh, Ministry of Foreign Policy. (In Arabic.)

2. Baranovskii V.G., Naumkin V.V. 2018. *Blizhnii Vostok v menyayushchemsya global'nom kontekste: klyuchevye trendy stoletnego razvitiya* [The Middle East in a changing global context: The key trends of centennial development]. *World Economy and International Relations*, vol. 62, no. 3, pp. 5–19. DOI: 10.20542/0131-2227-2018-62-3-5-19. (In Russ.)

3. Naumkin V.V., Popov V.V., Kuznetsov V.A. (eds.). 2012. *Blizhnii Vostok, Arabskoe probuzhdenie i Rossiya: chto dal'she?* [The Middle East, Arab awakening and Russia: What comes next?]. Moscow, IV RAN Publ. (In Russ.)

4. Evseev V.V., Sazhin V.I. 2009. *Iran, uran i rakety* [Iran, uranium and missiles]. Moscow, Institute of Middle Eastern Studies Publ. (In Russ.)

5. Kozhanov N.A. 2020. Iran v poiskakh svoego mesta v mezhdunarodnykh otnosheniyakh [Iran in search for its place in international relations]. In: Zvyagelskaya I.D. (ed.). *Blizhnii Vostok. Politika i identichnost'* [The Middle East: Politics and identity]. Moscow, Aspekt Press Publ., pp. 235–243. (In Russ.)

6. Naumkin V.V., Malysheva D.B. (eds.). 2015. *Konflikty i voiny XXI veka. Blizhnii Vostok i Severnaya Afrika* [Conflicts and wars of the XXI century. The Middle East and Northern Africa]. Moscow, Institute of Middle Eastern Studies Publ. (In Russ.)

7. Kosach G.G. 2019. Saudovskaya Araviya: transformatsiya vlasti i politiki [Saudi Arabia: Transformation of power and policy]. *World Economy and International Relations*, vol. 63, no. 4, pp. 59–67. DOI: 10.20542/0131-2227-2019-63-4-59-67. (In Russ.)

8. Kosach G.G., Melkumyan E.S. 2012. Sovet sotrudnichestva arabskikh gosudarstv Zaliva kak regional'naya voenno-politicheskaya organizatsiya [The Gulf Cooperation Council as a regional military-political organization]. *Moscow University Bulletin of World Politics*, no. 4, pp. 39–69. (In Russ.)

9. Melkumyan E.S. 2018. *Istoriya arabskikh stran. Gosudarstva Zaliva v XX — nachale XXI v.* [History of the Arab countries. The Gulf states in the 20th and the beginning of the 21st century]. Moscow, Yurait Publ. (In Russ.)

10. Melkumyan E.S. 2016. *Istoriya gosudarstv Arabskogo zaliva v XX — nachale XXI v.* [History of Arab Gulf states in the 20th and the beginning of the 21st century]. Moscow, Institute of Oriental Studies Publ. (In Russ.)

11. Melkumyan E.S. 2008. *Region Zaliva: konflikty, kompromissy, sotrudnichestvo* [The Gulf region: Conflicts, compromises, cooperation]. Moscow, Institute of Oriental Studies, Institute of Middle Eastern Studies Publ. (In Russ.)

12. Melkumyan E.S. 2019. Sovet sotrudnichestva arabskikh gosudarstv Zaliva: istoriya, klyuchevye dostizheniya i perspektivy razvitiya [The Cooperation Council for the Arab States of the Gulf: History, key achievements and development prospects]. *Moscow University Bulletin of World Politics*, vol. 11, no. 1, pp. 108–137. (In Russ.)

13. Melkumyan E.S. 2013. Sovet sotrudnichestva arabskikh gosudarstv Zaliva: kontseptual'nye osnovy obespecheniya bezopasnosti [The Gulf Cooperation Council of the Arab States: Conceptual bases for ensuring security]. In: Panarin S.A., Polyvyannyyi D.I. (eds.). *Bezopasnost' na Zapade, na Vostoke i v Rossii: predstavleniya, kontseptsii, situatsii: materialy mezhdunarodnoi konferentsii* [Security in the West, East and Russia: Views, concepts, and situations: Conference proceedings]. Ivanovo, Ivanovo University Publ., pp. 166–173. (In Russ.)

14. Abozaid A.M. 2020. Bitter years: Qatari crisis and the future of GCC countries. *Contemporary Arab Affairs*, vol. 13, no. 4, pp. 108–137. DOI: 10.1525/caa.2020.13.4.108.

15. Adler E., Barnett M. 1998. *Security communities*. Cambridge, Cambridge University Press. DOI: 10.1017/CBO9780511598661.

16. Butterfield H. 1951. *History and human relations*. London, Collins.
17. Glaser C.L. 1997. The security dilemma revisited. *World Politics*, vol. 50, no. 1, pp. 171–201.
18. Herz J. 1951. *Political realism and political idealism: A study in theories and realities*. Cambridge, Cambridge University Press.
19. Kamrava M. (ed.). 2011. *The international politics of the Persian Gulf*. New York, Syracuse University Press.
20. Jervis R. 1976. *Perception and misperception in international politics*. Princeton, Princeton University Press.
21. Kamrava M. 2011. The changing international relations of the Persian Gulf. In: Kamrava M. (ed.). *The international politics of the Persian Gulf*. New York, Syracuse University Press, pp. 1–20.
22. Katz M. 2017. The Gulf and the great powers: Evolving dynamics. *Middle East Policy*, vol. 24, no. 2, pp. 102–109. DOI: 10.1111/mepo.12271.
23. *Kingdom of Saudi Arabia. One hundred years in the service of Arabs and Arab affairs*. 2002. Beirut, Dar al-Liwaa for Press and Publishing.
24. Lawson F.H. 2011. Security dilemma in the contemporary Persian Gulf. In: Kamrava M. (ed.). *The international politics of the Persian Gulf*. New York, Syracuse University Press, pp. 50–72.
25. Tang S. 2009. The security dilemma: A conceptual analysis. *Security Studies*, vol. 18, no. 3, pp. 587–623. DOI: 10.1080/09636410903133050.

Статья поступила в редакцию 18.06.2021; одобрена после рецензирования 29.07.2021; принята к публикации 28.10.2021.

The paper was submitted 18.06.2021; approved after reviewing 29.07.2021; accepted for publication 28.10.2021.

DOI: 10.48015/2076-7404-2021-13-4-131-161

Научная статья / Research paper

Г.Г. Косач*

**ВО ИМЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ ИНТЕРЕСОВ:
ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА САУДОВСКОЙ АРАВИИ
ПОСЛЕ «АРАБСКОЙ ВЕСНЫ»**

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
119991, Москва, Ленинские горы, 1*

В статье рассматривается эволюция внешней политики Саудовской Аравии после событий «арабской весны» 2011 г. в контексте общих изменений в регионе Ближнего Востока и арабского мира. В это десятилетие, как подчеркивает автор, внешняя политика королевства подверглась фундаментальной трансформации. Изменения коснулись в первую очередь самой сущности саудовского внешнеполитического курса в силу переосмысления политическим истеблишментом подходов к определению роли страны в регионе и мире. До 2011 г. эта роль связывалась с защитой интересов международного мусульманского сообщества, когда Саудовская Аравия — «страна Двух Святынь» — позиционировала себя как его центральное звено и в достижении своих внешнеполитических целей опиралась главным образом на свой религиозный авторитет и финансовые возможности. Однако события «арабской весны», которые, по мнению руководства Саудовской Аравии, спровоцировали региональный хаос и способствовали выходу на авансцену политической жизни экстремистских групп и течений, потребовали существенной корректировки традиционных подходов и установок. Саудовская Аравия с большей четкостью, чем когда бы то ни было, заявила о своем статусе национального государства, которое имеет собственные, не связанные только с абстрактной «мусульманской уммой» интересы и, более того, претендует на роль регионального лидера. Впрочем, как показывает автор, эти новые установки не означали полного разрыва с предшествующей практикой. Ядром внешней политики Саудовской Аравии осталось противостояние с Ираном, которое приобрело еще

* *Косач Григорий Григорьевич* — доктор политических наук, профессор кафедры региональных проблем мировой политики факультета мировой политики МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: g.kosach@mail.ru).

более жесткий характер. В статье показано, что именно противодействие Ирану, в обосновании которого теперь присутствует еще и дискурс защиты национальных интересов королевства, предопределило характер и конкретное наполнение деятельности Саудовской Аравии по всем ключевым направлениям ее внешней политики, включая взаимодействие с Советом сотрудничества арабских государств Залива (ССАГЗ), подходы к решению палестино-израильского конфликта, борьбу с терроризмом и, наконец, отношения с Соединенными Штатами. Трансформация саудовской внешней политики, с одной стороны, открыла новые возможности для укрепления взаимодействия королевства с Израилем, а с другой — предопределила нарастающие кризисных тенденций и противоречий в рамках стратегического партнерства с США. В этой связи автор заключает, что в настоящий момент перед Саудовской Аравией особенно остро стоит задача диверсификации внешней политики для повышения международного веса и субъектности королевства.

Ключевые слова: Саудовская Аравия, Сальман бен Абдель Азиз, Мухаммед бен Сальман, саудовская внешняя политика, «арабская весна», ССАГЗ, Иран, Израиль, международный терроризм, США.

Для цитирования: Косач Г.Г. Во имя национальных интересов: внешняя политика Саудовской Аравии после «арабской весны» // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2021. Т. 13. № 4. С. 131–161. DOI: 10.48015/2076-7404-2021-13-4-131-161.

Grigorii G. Kosach

**IN THE NAME OF THE NATIONAL INTERESTS:
FOREIGN POLICY OF SAUDI ARABIA
AFTER THE ARAB SPRING**

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, Russia, 119991*

The paper examines the evolution of Saudi Arabia's foreign policy in the context of wider changes in the Middle East and in the Arab world triggered by the Arab Spring. The author argues that during this decade the Kingdom's foreign policy has witnessed a fundamental transformation: the very essence of the Saudi foreign policy course has changed significantly as the political establishment has substantially revised its approaches to the country's role in the

region and in the world. Before 2011, Saudi Arabia — the land of the ‘Two Holy Mosques’ — positioned itself as a representative of the international Muslim community and in pursuing its foreign policy relied primarily on the religious authority and financial capabilities. However, according to Saudi Arabia’s leaders, the Arab Spring has plunged the region into chaos and has bolstered the influence of various extremist groups and movements, which required a significant adjustment of traditional political approaches. Saudi Arabia, more explicit than ever before, has declared itself as a nation state, as a regional leader possessing its own interests beyond the abstract ‘Muslim Ummah’. However, the author stresses that these new political ambitions do not imply a complete break with the previous practice. For example, the containment of Iran not only remains the cornerstone of Saudi Arabia’s foreign policy, but has become even more severe. The paper shows that it is this opposition to Iran, which is now justified on the basis of protecting the national interests, that predetermines the nature and the specific content of contemporary Saudi Arabia’s foreign policy including interaction with the Gulf Cooperation Council (GCC), approaches towards the solution of the Israeli-Palestinian conflict, combating terrorism, and relations with the United States. In that regard, the transformation of Saudi Arabia’s foreign policy has, on the one hand, opened up new opportunities for strengthening the Kingdom’s interaction with Israel, but, at the same time, has increased tensions within the framework of strategic partnership with the United States. The author concludes that currently Saudi Arabia is facing a challenge of diversifying its foreign policy in order to increase its international profile and political subjectivity.

Keywords: Saudi Arabia, Salman bin Abdulaziz Al Saud, Mohammad bin Salman Al Saud, Saudi foreign policy, the Arab Spring, Gulf Cooperation Council, Iran, Israel, international terrorism, the United States.

About the author: *Grigorii G. Kosach* — Doctor of Sciences (Political Science), Professor at the Chair of Regional Issues of the World Politics, School of World Politics, Lomonosov Moscow State University (e-mail: g.kosach@mail.ru).

For citation: Kosach G.G. 2021. In the name of the national interests: Foreign policy of Saudi Arabia after the Arab Spring. *Moscow University Bulletin of World Politics*, vol. 13, no. 4, pp. 131–161. DOI: 10.48015/2076-7404-2021-13-4-131-161. (In Russ.)

Данная статья посвящена исследованию процесса трансформации (еще далеко не закончившейся) внешней политики Саудовской Аравии после событий «арабской весны» 2011 г. Выбор этой темы обусловлен не только неугасающим интересом (как в России, так и

за ее пределами) к феномену «арабского пробуждения», но в первую очередь — необходимостью осмыслить многообразное влияние этих событий на все страны Ближнего Востока и арабского мира, включая и те из них, которые не оказались в эпицентре политических потрясений (Саудовская Аравия тому пример). Отечественная историография уже дала общий ответ на вопрос о том, почему эта страна, а также иные монархии Залива за исключением Бахрейна не были или практически не были затронуты «арабской весной». Говоря об этом, академик В.В. Наумкин подчеркивал, что речь должна идти о более высоком «факторе легитимности» этих монархических режимов по сравнению с режимами республиканскими и авторитарными [Наумкин, 2011]. Разумеется, это имеет прямое отношение и к саудовскому королевству.

Однако если основы саудовской политической системы и не были потрясены, то это ни в коей мере не означало, что события в окружающем страну геополитическом пространстве не оказали на нее воздействия. При всех оговорках, связанных с пониманием региона арабского мира, он действительно существует как реальное пространство, элементы которого объединены совокупностью спланированных его политических и социально-экономических проблем, что, собственно, более чем ярко проявилось во время (как и неоднократно проявлялось ранее) «арабской весны». Воздействие, оказанное ею на Саудовскую Аравию, было многогранно и многоаспектно, оно окончательно превратило местный «образованный класс» (хотя у него всё еще отсутствуют собственные инструменты политического действия) в один из центров (наряду с правящей семьей) принятия политических решений и значительно сузило возможности ранее единственного партнера режима — религиозного истеблишмента и его практически неограниченное прежде социальное господство. Это воздействие привело к расширению каналов социальной мобильности, началу движения по пути ускоренной женской эмансипации, более радикальной модернизации общественной жизни и, наконец, к выдвиганию программы социально-экономической перестройки — «Видение Королевства Саудовская Аравия: 2030».

«Арабская весна» не могла не отразиться и на внешней политике страны. Саудовская Аравия продемонстрировала (после 2015 г. прежде всего) тенденцию ко всё более последовательному отходу от того типа самоидентификации, согласно которому ранее определяла себя как центральное звено всемирного мусульманского сообще-

ства и/или защитника интересов всемирной *уммы*. Она начала позиционировать себя как национальное государство с собственными национальными (а не абстрактно «всемирно-мусульманскими») интересами, активно участвующее в региональных и международных процессах, претендующее на роль ведущего регионального центра силы. Происходил отход, если воспользоваться выражением российского исследователя Н.Ю. Суркова, от «мантры об исключительности» [Сурков, 2020: 228] к утверждению лидерства и активному противостоянию противникам движения в этом направлении (Ирану и его партнерам — государствам и негосударственным акторам). По словам же А. Эхтешами, речь шла о «возрождении роли Саудовской Аравии как региональной державы» [Ehteshami, 2018: 76].

Саудовские исследования — одно из значительных направлений работ в сфере отечественной арабистики. Достаточно сослаться в этой связи на классическую для этой сферы, неоднократно переиздававшуюся и уже давно введенную в поле зрения зарубежных авторов «Историю Саудовской Аравии» А.М. Васильева [Васильев, 1999]. Немалое внимание этой проблематике уделили академик В.В. Наумкин [Наумкин, 2011, 2018] и автор настоящей статьи [Косач, 2016, 2019, 2021]. Указанные работы важны с точки зрения выявления констант саудовской внешней политики, демонстрирующих постоянство на протяжении всего существования государства. Однако в силу временных рамок в этих исследованиях редко подробно освещалась внешнеполитическая стратегия Саудовской Аравии после 2011 г. либо основное внимание уделялось эволюции внутривнутриполитической ситуации в королевстве (см., например: [Косач, 2007, 2008]). Не менее важно и то, что отечественные авторы, как правило, предпочитали рассматривать саудовскую внешнюю политику через призму советских/российских или американских/западных интересов.

Зарубежная историография, посвященная Саудовской Аравии, столь же значительна. Тому немало причин, важнейшей из которых выступает органическое включение страны в систему мирохозяйственных связей и мировой политики. Внутренние события в Саудовской Аравии, как и колебания в сфере ее внешней политики, оказывают глубокое воздействие не только на региональную ситуацию, но и на всю совокупность международных отношений. В силу этого обстоятельства саудовские исследования всегда находились в центре внимания западных политологов, экономистов, специалистов по вопросам религии и международным отношениям. Работы М.

Абира [Abir, 1974, 1994, 2015], М. ар-Рашид [al-Rasheed, 1997, 2010, 2018], М. Катца¹, Х.Х. аль-Алкима [al-Alkim, 2012], в которых рассматриваются исторический путь и современное состояние Саудовской Аравии, дают представление и о ее сегодняшней внешнеполитической линии. Вместе с тем отмеченные авторы (труды М. ар-Рашид являются в этом отношении исключением) предпочитают, как и их российские коллеги, анализировать саудовский внешнеполитический курс в контексте современных отношений с Россией (воскрешая прежние советологические подходы), с Соединенными Штатами либо через призму саудовско-иранского регионального соперничества (в определенной мере и саудовско-катарского противостояния), но при этом концентрируя свое внимание на выгодах этого соперничества или вытекающих из него потерях для американской или российской стороны. Итог такого взгляда — снижение уровня субъектности Саудовской Аравии в качестве актора региональной и мировой политики.

Существует, тем не менее, и важный пласт саудовских (и арабских) работ, в которых анализируется внешнеполитический курс страны на разных этапах ее эволюции. Среди таких исследований — специальные издания Министерства иностранных дел КСА и крупнейшего историко-архивного центра Дара аль-малик Абдель Азиз (Архив и исследовательский институт имени короля Абдель Азиза) — сборники «Внешняя политика Королевства Саудовская Аравия за сто лет» и «Королевство Саудовская Аравия за сто лет. Внешняя политика». Саудовская историография представлена также защищенной в России докторской диссертацией М. ат-Турки, вышедшей в дальнейшем на русском языке как монография «Саудовско-российские отношения в глобальных и региональных процессах (1924–2004 гг.)» [ат-Турки, 2005]. В этот пласт работ входят также исследования последних лет, касающиеся проблем безопасности в регионе Залива и саудовско-американских отношений, написанные Х. ар-Рашидом и А. аль-Курди.

Задача, которую ставит перед собой автор данной статьи, состоит, таким образом, в том, чтобы представить картину эволюции приоритетных направлений внешней политики Саудовской Аравии после

¹ Katz M. Balancing act: Russia between Iran and Saudi Arabia // LSE Middle East Center. 26.06.2018. Available at: <https://blogs.lse.ac.uk/mec/2018/06/26/balancing-act-russia-between-iran-and-saudi-arabia> (accessed: 20.09.2021).

2011 г., обращая особое внимание на период после 2015 г., когда на трон взошел король Сальман бен Абдель Азиз, а наследным принцем стал Мухаммед бен Сальман. Это время, когда внешнеполитический курс обрел черты «жесткости», что проявилось и в активном участии в региональных процессах, и в сфере отношений со стратегическим партнером — Соединенными Штатами. Новизна работы заключается в том, что в ней показан реальный уровень субъектности страны в ее контактах и отношениях с иными акторами мировой политики.

Иран в контексте саудовской политики

Оценивая воздействие «арабской весны» на ближневосточное региональное пространство в целом и Саудовскую Аравию в частности, сотрудники эр-риядского Центра аналитики и исламских исследований имени короля Фейсала особое внимание уделяли проблеме «иранской экспансии», направленной на то, чтобы «сокрушить национальное государство» (т.е. Саудовскую Аравию) при опоре на «идеологию религиозного экстремизма». Едва ли не впервые исследовательский центр королевства выступил с утверждением, что Саудовская Аравия — «национальное государство» с собственными «национальными интересами», а не абстрактное «место Божественного откровения»². Защита этого государства провозглашалась первоочередной задачей.

Поддерживая этот вывод, один из наиболее осведомленных саудовских журналистов, в недалеком прошлом главный редактор мировой арабоязычной газеты «аш-Шарк аль-Аусат» и генеральный директор спутниковой телевизионной компании «аль-Арабийя» Абдель Рахман ар-Рашид делал вывод о необходимости отхода саудовской дипломатии от «мягкости» — опоры только на религиозный авторитет «страны Двух Святынь» и ее «финансовые возможности». Речь более не могла идти об отказе от участия в региональных событиях; напротив, эксперт говорил о необходимости «прямого» вмешательства в их развитие. Переход к «жесткости» определялся и неудачами курса на союз с «дружественной державой» (эвфемизм, за которым скрывалась ориентация на Соединенные Штаты как гаранта

² ас-Сияса аль-хариджийя ли аль-Мамляка аль-Арабийя ас-Саудийя: истимрар ам тагиир? [Внешняя политика Королевства Саудовская Аравия: последовательность или изменение?] // King Faisal Center for Research and Islamic Studies. 12.11.2013. Доступ: <http://www.kfcris.com/pdf/7f0ed1a91ff4a53cc6fe05b05a5982ce57cdca3ced0a1.pdf> (дата обращения: 18.09.2021).

же режима Муаммара Каддафи, который обвинялся в заговоре против предшественника нынешнего монарха Абдаллы бен Абдель Азиза, Саудовская Аравия заняла гораздо более решительную позицию, доказывая его нелегитимность в ССАГЗ и Лиге арабских государств (ЛАГ) и настаивая на необходимости переноса «ливийского досье» на рассмотрение Совета Безопасности ООН. Прямое вмешательство Катара и ОАЭ во внутриливийский конфликт в Эр-Рияде полностью оправдывали.

Что касается сложившейся в 2011 г. ситуации в Бахрейне, то в цитированном выше издании Центра аналитики и исламских исследований имени короля Фейсала подчеркивалось, что ее определяла необходимость проведения политических реформ, инициатива которых была перехвачена «экстремистскими шиитскими революционно-религиозными движениями». Их требования «цинично использовало иранское руководство». Отталкиваясь от того, что «стабильность и безопасность Бахрейна — неотъемлемый элемент безопасности, стабильности и жизненных интересов всех стран ССАГЗ», писали авторы издания, королевство взяло инициативу в свои руки, отправив контингент саудовских вооруженных сил в эту страну. В итоге Бахрейн был «избавлен от судьбы несостоявшегося государства» и «жертвы иранской экспансии»⁵.

Свержение режима Хосни Мубарака в Египте рассматривалось в Эр-Рияде как прямая угроза саудовской безопасности. Саудовское руководство считало «ставленника движения “Братья-мусульмане”» президента Мухаммеда Мурси «опасным для Египта и всего региона», поскольку «сущность этого движения определяется одним словом — фашизм». Эр-Рияд был обеспокоен и начавшимся потеплением в египетско-иранских отношениях, считая, что существует «органическая связь между идейными воззрениями “Братьев-мусульман” и тегеранской муллократией»⁶. Совершенный в начале июля 2013 г. в Каире военный переворот был с удовлетворением встречен в Саудовской Аравии. Поздравляя новое египетское руководство, Абдалла бен Абдель Азиз говорил о «мужестве египетских воору-

⁵ ас-Сияса аль-хариджийя ли аль-Мамляка аль-Арабийя ас-Саудийя: истимрар ам тагиир? С. 11.

⁶ ар-Рашид А.Р. ат-Тафаъуль маа «аль-Ихван» баад ар-риаса [Взаимодействие с «Братями» после президентства] // аш-Шарк аль-Аусат. 26.06.2012. Доступ: <http://classic.aawsat.com/leader.asp?section=3&article=683656&issueno=12264> (дата обращения: 29.08.2021).

женных сил, под руководством генерала Абдель Фаттаха ас-Сиси выведших Египет из тьмы подземелья»⁷.

Внутрисирийский кризис оценивали в королевстве как едва ли не наиболее яркий пример «преступной иранской экспансии», опирающейся на «клан Башшара Асада» и «сеющие рознь конфессионалистские группировки» (прежде всего имелась в виду «Хизбалла»). Выступив в качестве покровителя «умеренной» оппозиции (в которой Эр-Рияд видел инструмент «срыва иранского проекта»⁸) и признав ее в декабре 2012 г. «законным представителем сирийского народа», саудовский истеблишмент жестко определил свою (остающуюся в своих основных параметрах неизменной и сегодня) позицию: «Башшар Асад, а также его приближенные, руки которых запятнаны кровью сирийского народа, не могут играть какой-либо роли в будущей Сирии»⁹.

Инструмент иранского экспансионизма саудовский истеблишмент видел и в хуситском движении «Ансар Алла» в Йемене. Его действия рассматривались как государственный переворот, прервавший национальный диалог на основе принятой в апреле 2011 г. «Инициативы стран Залива». Опасность складывавшейся в Йемене ситуации заключалась в том, что она несла угрозу дестабилизации в юго-западных регионах Саудовской Аравии — Асире и Неджране, где компактно сконцентрированы шиитские меньшинства (исмаилиты и, в меньшей степени, зейдиты). В конце 2009 — начале 2010 г. саудовская армия противостояла хуситским инфильтрантам. В марте 2015 г., сформировав «арабскую коалицию» в составе большинства стран ССАГЗ и ряда мусульманских государств (в дальнейшем число ее участников последовательно сокращалось), Саудовская Аравия начала антихуситскую военную операцию, которая продолжается

⁷ Аль-Малик Абдалла юханны раис Маср [Король Абдалла поздравляет главу Египта] // аш-Шарк аль-Аусат. 04.07.2013. Доступ: <http://classic.aawsat.com/details.asp?section=4&article=734918&issueno=12637> (дата обращения: 16.09.2021).

⁸ ар-Рашид А.Р. Муатамар ар-Рияд ва аль-бахс ан бадиль ли аль-Асад [Конференция в Эр-Рияде и поиск альтернативы Асаду] // аш-Шарк аль-Аусат. 08.12.2015. Доступ: <https://aawsat.com/home/article/514441/الراشد-الرحمن-عبد-والبحت-الرياض-مؤتمر> (дата обращения: 15.09.2021).

⁹ аль-Амир Сауд аль-Фейсал: аль-Асад ва низамуху ля яльаб ай даур фи Сурия аль-муस्ताкбаль [Принц Сауд аль-Фейсал: Асад и его режим не будут играть никакой роли в будущей Сирии] // аш-Шарк аль-Аусат. 26.05.2013. Доступ: <http://classic.aawsat.com/details.asp?section=4&article=729987&issueno=12598> (дата обращения: 18.09.2021).

и сегодня, но всё так же с неясной перспективой. Ответные действия хуситов приняли форму ракетных ударов (как и ударов с помощью дронов) по объектам саудовской экономической и военной инфраструктуры. Обвинения Ирана в поставках вооружения движению «Ансар Алла» — общее место саудовской информационной политики.

Казнь шиитского активиста (вместе с группой членов суннитского антисистемного подполья) Нимра ан-Нимра, обвиненного в организации в 2011 г. антиправительственных волнений в городе аль-Авамийе (Восточная провинция Саудовской Аравии), спровоцировала в январе 2016 г. разрыв дипломатических отношений с Тегераном. Следствием стало еще большее усиление антииранской риторики. В ноябре 2017 г. Мухаммед бен Сальман, подводя итоги «арабской весны» и называя ее «смутой в арабском мире», заявлял, что эта «смута» позволила «тегеранским муллам» установить господство «над Дамаском, Саной, Багдадом и Бейрутом». Наследный принц ставил задачу создать «фронт противостояния иранскому экспансионизму». Проводя параллель с нацистской Германией, он заявлял: «Курс на умиротворение, как и в Европе 1930-х годов, не может быть успешным»¹⁰. Годом ранее, в январе 2016 г., занимавший тогда пост главы саудовского внешнеполитического ведомства Адиль аль-Джубейр писал: «Иран продолжает курс экспорта революции, поддерживая экстремистов — Хизбаллу в Ливане, хуситов в Йемене, шиитские военизированные формирования в Ираке». Оказывая помощь Б. Асаду и нанося удары по сирийской оппозиции, — продолжал он, — Иран «помогает процветанию ИГИЛ»¹¹. Взаимодействие с Ираном, подчеркивал А. аль-Джубейр, возможно лишь при одном условии — он должен отказаться от того, чтобы считать себя «революционным государством»¹².

Проблема Ирана приобрела для Саудовской Аравии дополнительную остроту после достижения летом 2015 г. «группой 5+1» и Тегераном Совместного всеобъемлющего плана действий (СВПД).

¹⁰ Мухаммед бен Сальман: лян насмах би Гитлер ираний джадид [Мухаммед бен Сальман: не позволим появиться новому Гитлеру] // аш-Шарк аль-Аусат. 26.11.2017. Доступ: <https://aawsat.com/home/article/1094146/إيراني-بيتلر-نسمح-لن-سلمان-بن-محمد-الأوسط-الشرق-منطقة-في-جديد> (дата обращения: 20.10.2021).

¹¹ Террористическая организация, запрещенная в РФ.

¹² аль-Джубейр А. Халь юмкин ли Иран ан ятагайар? [Может ли измениться Иран?] // аш-Шарк аль-Аусат. 20.11.2016. Доступ: <https://aawsat.com/home/article/548036/تغيير-؟-أن-لايران-يمكن-هل-الجبير-أحمد-بن-عادل> (дата обращения: 18.09.2021).

Официально Эр-Рияд подчеркивал, что соглашение должно исключить возможность обретения Ираном ядерного оружия, а также создать «особый, строгий и постоянный механизм инспекции всех объектов, в том числе военных», допуская при необходимости «быстрое и эффективное повторное введение санкций». КСА настаивало на том, что «Иран не должен использовать свои ресурсы в интересах дестабилизации»¹³.

Саудовская пресса прибегала к более жестким выражениям. Уже упоминавшийся А.Р. ар-Рашид писал: СВПД «не оставляет сомнений в том, что опасность, исходящая от дьявольского государства, возрастает»¹⁴. В дальнейшем критика соглашения только усиливалась. Как замечал тот же автор, оно «не ликвидирует военную составляющую ядерной программы, а лишь отдаляет ее». Снятие санкций с Ирана, добавлял он, «не обусловлено прекращением ведущихся им враждебных военных действий». Поскольку Ирану уже удалось установить контроль над Сирией и Ираком, постольку «с помощью этой военной составляющей мощь Тегерана еще более возрастет»¹⁵. Саудовская Аравия будет вынуждена противостоять этой растущей мощи, как замечал в марте 2018 г. Мухаммед бен Сальман, создав собственное ядерное оружие, «если к этому ее вынудит Иран»¹⁶. Слова наследного принца, став информационным поводом, дебатировались в прессе. Колумнист газеты «Оказ» и комментатор канала «аль-Арабийя» М. Аль аш-Шейх писал: «Реальность региона заставляет нас идти по пути создания ядерного оружия, отвечая на иранскую ядерную угрозу»¹⁷.

¹³ Official source on nuclear deal between Iran and 5+1 Group // Saudi Press Agency. 14.07.2015. Available at: <https://www.spa.gov.sa/viewstory.php?newsid=1380735> (accessed: 18.09.2021).

¹⁴ ар-Рашид А.Р. Иран дыдд ас-Саудийя [Иран против Саудовской Аравии] // аш-Шарк аль-Аусат. 06.04.2015. Доступ: <https://aawsat.com/home/article/329646/عبد-السعودية-ضد-إيران/الراشد-الرحمن-عبد> (дата обращения: 21.09.2021).

¹⁵ ар-Рашид А.Р. Муваджаха Корея ва Иран [Противостояние Корея и Ирану] // аш-Шарк аль-Аусат. 26.09.2017. Доступ: <https://aawsat.com/home/article/1034181/إيران-و-كوريا-مواجهة/الراشد-الرحمن-عبد> (дата обращения: 18.09.2021).

¹⁶ Saudi crown prince: If Iran develops nuclear bomb, so will we // CBS. 15.03.2018. Available at: <https://www.cbsnews.com/news/saudi-crown-prince-mohammed-bin-salman-iran-nuclear-bomb-saudi-arabia/> (accessed: 18.09.2021).

¹⁷ Аль аш-Шейх М. Ля халль илля имтиляк ас-силах ан-нававий [Единственный выход — обладание ядерным оружием] // аль-Арабийя. 23.12.2020. Доступ: <https://www.alarabiya.net/ar/politics/2020/12/23/لا-حل-الا-امتلاك-السلح-النووي> (дата обращения: 18.09.2021).

В Эр-Рияде утверждали, что нападения на объекты компании Saudi ARAMCO в сентябре 2019 г. и ноябре 2020 г. (в день, когда проходила виртуальная встреча глав государств — членов «G20» под председательством Саудовской Аравии) были осуществлены в первом случае с территории Ирана, а во втором — йеменскими хуситами, использующими иранское вооружение. Речь шла уже не просто о саудовско-иранском противостоянии, но о покушении Тегерана на безопасность мировой энергетической системы — Иран квалифицировался как «кошмар для всего мира», а его обуздание становилось задачей «всего международного сообщества»¹⁸. Саудовская же Аравия, если отталкиваться от слов автора «аш-Шарк аль-Аусат» и «аль-Арабийя» Мшари аз-Заиди, представляла как неотъемлемая часть «цивилизованного» мира. Она — член «клуба двадцати крупнейших и влиятельнейших экономик», ее усилиями определяются приемлемые для «производителей и потребителей цены на энергетическое сырье» и, наконец, она стоит «на страже мира и стабильности»¹⁹.

Саудовская пресса фактически приветствовала физическое устранение ведущих фигур иранской ядерной программы и Корпуса стражей исламской революции. В ее публикациях говорилось об ответственности генерала Касема Сулеймани как «за подготовку и осуществление массовых расправ в Сирии, когда целые семьи были похоронены под развалинами домов в Алеппо», так и за создание «военизированных шиитских формирований в Ираке, наводивших ужас на города этой страны». Его не стоило жалеть, ведь он воплощал «мечту о воскрешении иранской империи»²⁰. Но и физик Мохсен Фахри-заде не заслуживал сожаления — он был «винтиком режима, избравшего политические убийства в качестве одного из методов

¹⁸ ар-Рашид А.Р. Иран миадала акбар мин ас-Саудийя [Иран — более значимая проблема, чем Саудовская Аравия] // аш-Шарк аль-Аусат. 19.09.2019. Доступ: <https://aawsat.com/home/article/1909201/السعودية-من-أكبر-معضلة-إيران-الراشد-الرحمن-عبد> (дата обращения: 18.09.2021).

¹⁹ аз-Заиди М. Ман нахну? Хадис Мухаммед бен Сальман [Кто мы? Слова Мухаммеда бен Сальмана] // аш-Шарк аль-Аусат. 30.04.2021. Доступ: <https://aawsat.com/home/article/2946971/سلمان-بن-محمد-حديث-نحن-من-الذائدي-مشاري> (дата обращения: 18.09.2021).

²⁰ ар-Рашид А.Р. Макталь Сулеймани: тараджуа ам интикам? [Убийство Сулеймани: отступление или месть?] // аш-Шарк аль-Аусат. 05.01.2020. Доступ: <https://aawsat.com/home/article/2066571/انتقام-أم-ترجع-سليمان-مقتل-الراشد-الرحمن-عبد> (дата обращения: 18.09.2021).

борьбы с противниками». Если же «этот метод был однажды выбран, то почему к нему не могут прибегнуть и противники иранского гегемонизма?» — замечал колумнист газеты «аш-Шарк аль-Аусат»²¹.

Совет сотрудничества: контекст «жесткой» саудовской политики

Процесс «ужесточения» внешней политики Саудовской Аравии коснулся и ее позиции в отношениях с ССАГЗ, который в Эр-Рияде определяли как «стратегический тыл Королевства» [ар-Раджхи, 2007: 234]. Это было второе важнейшее направление в списке саудовских внешнеполитических приоритетов, значение которого также тесно связывалось с «деструктивными» действиями Тегерана. Речь шла о требованиях подвергнуть Совет сотрудничества структурной перестройке, триггером для которых послужила ситуация в Бахрейне.

В декабре 2011 г., обращаясь в Эр-Рияде к главам государств Залива, участвовавшим в очередной сессии Высшего совета ССАГЗ, Абдалла бен Абдель Азиз поставил вопрос об «эпохе требующих бдительности вызовов». Это означало, по его мнению, что страны Совета сотрудничества обязаны «перейти от этапа *сотрудничества* — *таавун* к этапу *союза* — *иттихад*», предполагающему отказ от части национального суверенитета, если они не хотят «столкнуться с забвением и слабостью»²². И хотя идею превращения Совета сотрудничества в «союз» монархии Залива встретили достаточно прохладно, она имела практические последствия.

В ноябре 2012 г. на рассмотрение глав государств ССАГЗ было представлено Соглашение о взаимодействии в сфере безопасности, которое было затем утверждено ими на декабрьском саммите того же года в бахрейнской столице. А в начале марта 2014 г., сославшись на то, что Катар не выполняет положения этого документа, Саудовская Аравия отозвала своего посла из Дохи. Королевство постаралось использовать этот кризис для обуздания внешнеполитической ак-

²¹ аль-Утейби А. ас-Сихр ва ас-сахир: Мохсен Фахри-заде [Магия и маг: Мохсен Фахри-заде] // аш-Шарк аль-Аусат. 29.11.2020. Доступ: <https://aawsat.com/home/article/2653026/عبدالله-بن-عبدالله-السحر-والساحر-محسن-والساحر-ي-زاده-فخري-محسن> (дата обращения: 18.09.2021).

²² аль-Малик Абдалла ядъу дуваль Маджлис ат-таавун ли аль-интикаль иля мархаля аль-иттихад [Король Абдалла призывает государства Совета сотрудничества перейти к этапу союза] // ар-Рияд. 20.12.2011. Доступ: <https://www.alriyadh.com/693340> (дата обращения: 19.09.2021).

тивности Катара, начинавшего играть роль второго центра силы в Совете сотрудничества. Эр-Рияд пошел на этот беспрецедентный шаг, для того чтобы укрепить свои позиции в ССАГЗ, одновременно противодействуя контактам Катара с теми политическими структурами (в частности, «Братьями-мусульманами»), которые рассматривались саудовской стороной как террористические.

В середине ноября 2014 г. первый саудовско-катарский конфликт был разрешен. Коммюнике состоявшейся 16 ноября в саудовской столице встречи глав государств ССАГЗ (за исключением Омана) сообщало о достижении согласия между ее участниками, заявлявшими о своем стремлении сформировать «сильное и сплоченное образование — киян» в зоне Залива. Появление такого «образования» (квалифицировавшегося в Эр-Рияде в качестве преддверия «союза») объяснялось «обстоятельствами, требующими укрепить сплоченность, добиться безопасности и сохранить стабильность»²³.

Однако в июне 2017 г. последовало новое обострение саудовско-катарских отношений, не в последнюю очередь спровоцированное амбициями Мухаммеда бен Сальмана. В адрес Катара снова зазвучали обвинения в «поддержке терроризма и экстремизма», пропаганда которых осуществлялась, как утверждали в Эр-Рияде, спутниковым телевизионным каналом «аль-Джазира» — одним из символов «арабской весны», а также в поддержании союза с Тегераном. Это была очередная попытка заставить Доху отказаться от развития связей с региональными негосударственными акторами, провозглашавшимися Саудовской Аравией «инструментами иранского экспансионизма» (к которым были отнесены «Братья-мусульмане», ХАМАС и «Хизбалла») ²⁴.

Новый кризис не привел к капитуляции Катара. Напротив, был поставлен вопрос о возможности распада ССАГЗ — в начале декабря 2018 г. А.Р. ар-Рашид замечал: «Если нынешнее положение сохранится и далее, то Совет может уйти в небытие»²⁵. Однако такого

²³ Насс байян кимма ар-Рияд [Текст заявления Эр-Риядского саммита] // аш-Шарк аль-Аусат. 17.11.2014. Доступ: <http://classic.aawsat.com/details.asp?section=4&article=794843&issueno=13138> (дата обращения: 18.09.2021).

²⁴ Аль-Джубейр: ля муфавадат маа Катар [аль-Джубейр: никаких переговоров с Катаром] // аль-Арабийя. 28.06.2017. Доступ: <https://www.alarabiya.net/ar/saudi-today/2017/06/27.html> (дата обращения: 20.10.2021).

²⁵ ар-Рашид А.Р. Халь хан инха Маджлис ат-таавун? [Настало время роспуска Совета сотрудничества?] // аш-Шарк аль-Аусат. 09.12.2018. Доступ: <https://aawsat.com/home/article/1496456/عبد-الراشد-الرحمن-هل-الراشد-الرحمن-مجلس-إنهاء-حان-التعاون؟> (дата обращения: 18.09.2021).

развития событий Саудовская Аравия допустить не могла — условия «постреволюционной эпохи» настоятельно требовали устранения разногласий. По замечанию аналитика Центра дипломатических исследований имени Сауда аль-Фейсала Министерства иностранных дел С.М. аль-Хасляна, Ближний Восток находится в состоянии «перманентного кризиса, колеблющегося между политическими спорами и вооруженной борьбой» и заставляющего «национальное государство постоянно искать выход из существующей региональной ловушки»²⁶. Это диктовало необходимость восстановления саудовско-катарских связей.

В итоге примирение было достигнуто накануне саммита ССАГЗ, прошедшего в начале января 2021 г. в саудовском городе аль-Уле. Как писал А.Р. ар-Рашид, «не все наши желания были удовлетворены, но примирение стало положительным шагом для всех». Он же добавлял: «Проблема росла, и ее нельзя было бы решить, повышая и далее потолок требований в мире, живущем по собственным законам»²⁷. В ходе личной встречи Мухаммеда бен Сальмана и эмира Тамима Аль Тани в аль-Уле была достигнута договоренность о расширении саудовско-катарского диалога. В заключительном коммюнике саммита подтверждалась важность «перехода ССАГЗ от этапа сотрудничества к этапу союза»²⁸.

Палестино-израильский конфликт: новые нюансы подхода

Сложившаяся после 2011 г. региональная ситуация меняла саудовский подход и к палестино-израильскому противостоянию. Всё большее значение приобретала установка на взаимодействие с израильской стороной, в которой видели ситуативного союзника в борьбе за «обуздание иранского экспансионизма».

Выступая в ноябре 2020 г. в Консультативном совете, Сальман бен Абдель Азиз подчеркивал: «Королевство стоит на стороне палестин-

²⁶ аль-Хаслян С.М. ас-Сияса аль-хариджийя ас-саудийя ва аль-фахх аль-иклимий [Саудовская внешняя политика и региональная ловушка] // Okaz. 04.03.2019. Доступ: <https://www.okaz.com.sa/articles/na/1709941> (дата обращения: 18.09.2021).

²⁷ ар-Рашид А.Р. ат-Тасалух маа Катар [Примирение с Катаром] // аш-Шарк аль-Аусат. 06.01.2021. Доступ: <https://aawsat.com/home/article/2723761/الرحمن-عبد-قطر-مع-التصالح-الراشد> (дата обращения: 18.09.2021).

²⁸ Насс аль-Байян аль-хитами ли аль-кимма аль-халиджийя фи аль-Уля [Текст Заключительного коммюнике саммита ССАГЗ в аль-Уле] // аш-Шарк аль-Аусат. 05.01.2021. Доступ: <https://aawsat.com/home/article/2723681/البيان-بنو-د-نص-الختامي-البيان-بنو-د-نص> (дата обращения: 18.09.2021).

ского народа в деле создания независимого государства со столицей в Восточном Иерусалиме, что отвечает решениям международной законности и арабской мирной инициативе. Мы поддерживаем усилия, направленные на установление мира на Ближнем Востоке на основе переговорного процесса между палестинской и израильской сторонами ради достижения справедливого и постоянного соглашения»²⁹. Время, прошедшее после принятия Бейрутским саммитом ЛАГ в 2002 г. предложенной Абдаллой бен Абдель Азизом «арабской мирной инициативы», не изменило саудовскую позицию — Эр-Рияд продолжал настаивать на решении палестино-израильского конфликта на основе сосуществования двух государств.

Слова монарха дополнял наследный принц: «Палестинцы и израильтяне имеют право на свою землю», но только при условии достижения «мирного соглашения, гарантирующего всем стабильность и нормальные связи». Выполнение этого условия могло вывести ситуацию к многообещающим перспективам: «Израиль — это более значимая, чем его территория, растущая экономика, и в условиях мира мы будем иметь немало совместных интересов»³⁰.

И всё же события «арабской революции» внесли коррективы в позицию Эр-Рияда в отношении еврейского государства: «В условиях, когда реализуется агрессивный иранский проект, становится ясно, что Израиль — единственное государство, использующее силу для обуздания Ирана в Сирии», — подчеркивал А.Р. ар-Рашид в одной из своих статей, имея в виду израильские воздушные удары по позициям Корпуса стражей исламской революции и «Хизбаллы». В свою очередь Саудовская Аравия брала на себя задачу противостояния Ирану в Йемене. Далее он добавлял, что обвинения в «союзе с сионистами» устарели, это «заезженная пластинка». Журналист задавался вопросом: «как можно противостоять Ирану в регионе Залива, в Йемене, Ираке, Ливане, Сирии и в Палестине», не учитывая израильский фактор?»³¹ На практике речь

²⁹ Хадим аль-Харамейн юхаззир мин хутура аль-машруа аль-иклимий ли ан-низам аль-ираний. ...

³⁰ Goldberg J. Saudi crown prince: Iran's supreme leader 'makes Hitler look good' // The Atlantic. 02.04.2018. Available at: <https://www.theatlantic.com/international/archive/2018/04/mohammed-bin-salman-iran-israel/557036> (accessed: 18.09.2021).

³¹ ар-Рашид А.Р. Иран ва ибтизат би Исраиль [Иран и шантаж Израилем] // аш-Шарк аль-Аусат. 19.02.2019. Доступ: <https://aawsat.com/home/article/1597336/عبد-بإسرائيل-وابتزازنا-إيران/الرشيد-الرحمن> (дата обращения: 18.09.2021).

шла об установлении контактов между Эр-Риядом и Иерусалимом и регулярном обмене информацией по линии специальных служб и армейской разведки. В ноябре 2020 г. на саудовской территории (в городе Неоме) состоялась встреча Мухаммеда бен Сальмана и (в то время) премьер-министра Биньямина Нетаньяху (хотя сообщения о ней и были опровергнуты саудовской стороной), посвященная обсуждению двусторонних отношений и взаимодействию в противостоянии Ирану.

СМИ королевства также подчеркивали важность контактов с Израилем. Так, авторы публикаций в саудовской прессе квалифицировали состоявшийся в октябре 2018 г. визит Б. Нетаньяху в Оман как «четкую и открытую позицию султаната», содействующую развитию «политической дифференциации» Ближнего Востока³². В Эр-Рияде были далеки от того, чтобы высказывать какие-либо критические замечания в адрес государств ССАГЗ (прежде всего ОАЭ), где проходили спортивные, культурные и общественные мероприятия с участием израильских представителей. В марте 2018 г. королевство предоставило авиакомпании Air India, самолеты которой совершают полеты в Тель-Авив, возможность использовать саудовское воздушное пространство.

Начавшийся в августе 2020 г. процесс нормализации отношений между ОАЭ (затем и Бахрейном) и Израилем официальный Эр-Рияд не комментировал, однако это не означало отсутствия реакции саудовской прессы. И реакция, что примечательно, чаще всего была жесткой в отношении палестинской стороны. Квалифицируя эмиратско-израильское «Соглашение Авраама», М. аз-Заиди писал об «огромном политическом, психологическом и связанном с безопасностью прорыве». По его мнению, соглашение не только «не проигнорировало справедливое палестинское право на обладание государством», но и «создало возможность, далекую от болтовни “Братьев-мусульман” и Ирана, для реализации решения на основе принципа двух государств». Вспоминая эпоху заключения египетско-израильских Кэмп-Дэвидских соглашений, автор проводил знак равенства между решением ОАЭ и «историческим актом великого

³² ар-Рашид А.Р. Маза баад зияра Нетаньяху иля Маскат? [Что последует за визитом Нетаньяху в Маскат?] // аш-Шарк аль-Аусат. 28.10.2018. Доступ: <https://aawsat.com/home/article/1440206/مسقط-الى-نتانياهو-زيارة-بعد-ماذا/الرائد-الرحمن-عبد> (дата обращения: 18.09.2021).

президента Анвара Садата», «положившим начало ближневосточному мирному процессу»³³.

Саудовская Аравия, тем не менее, далека от того, чтобы в обозримом будущем пойти на нормализацию отношений с Израилем. На этом пути немало препятствий: наследие прошлого, представленное официальной идеологической доктриной и стоящим за ней корпусом улемов, различия во взглядах (которые варьируют от крайне консервативных до либеральных) разных поколений в саудовском властном истеблишменте, а также вызовы подпольной антисистемной (апеллирующей к религиозным постулатам) внутренней оппозиции, смыкающейся с экстремистами в других странах региона. В списке этих препятствий и внешнеполитические обстоятельства — иранский курс создает основу (используя палестинский фактор) для сплочения саудовских региональных противников. Как заявлял А. аль-Джубейр, хотя его страна и имеет «дорожную карту установления дипломатических отношений с Израилем», но практическая реализация этой карты зависит от достижения «соглашения [израильтян. — Г.К.] с палестинцами»³⁴.

Саудовская Аравия: противостояние терроризму³⁵

Вынесенная на повестку дня внешней политики Эр-Рияда после 2011 г. проблема противостояния «идеологии религиозного экстремизма» требовала принятия конкретных мер. Речь шла в первую очередь об определении тех структур, которые следовало рассматривать в качестве «экстремистских» и «террористических». В феврале 2014 г. в Саудовской Аравии был обнародован королевский указ о запрете «экстремистских и террористических религиозных группировок и течений». Менее чем через месяц, в начале марта 2014 г., был опубликован и список таких организа-

³³ аз-Заиди М. аль-Иттифак аль-имаратий аль-исраилий ихтирак ли хаджиз аль-вахм [Эмиратско-израильское соглашение — прорыв иллюзорного препятствия] // аш-Шарк аль-Аусат. 14.08.2020. Доступ: <https://aawsat.com/home/article/2446691/الوهم-لحاجز-اختراق-الإسرائيليين-الإماراتيين-الاتفاق-الذي-ي-مشاري> (дата обращения: 18.09.2021).

³⁴ U.S. Mideast peace plan not finalised, but efforts ‘serious’, says Saudi’s Jubeir // Reuters. 14.12.2017. Available at: <https://in.reuters.com/article/usa-trump-saudi/u-s-mideast-peace-plan-not-finalised-but-efforts-serious-says-saudis-jubeir-idINKBN1E81PX> (accessed: 18.09.2021).

³⁵ В этом разделе автор использовал некоторые положения своей работы «Саудовская Аравия: государство и политика», см. подробнее: [Косач, 2015].

ций³⁶, включивший Движение «Братья-мусульмане»³⁷, «ИГИЛ», йеменских хуситов, «Аль-Каиду»³⁸ и ее страновые филиалы, сирийскую «Джабхат ан-Нусра»³⁹ и ливанскую «Хизбаллу». Чуть позже из-за ориентации на Иран (а после 2017 г. и на Катар) в этом списке оказался и ХАМАС⁴⁰.

Экспансия «ИГИЛ», заявившего о создании подчиненных ему «вилайетов Неджд⁴¹ и Двух Благородных Святынь (Хиджаз⁴²)» и обвинившего власти королевства в неверии, стала прямым вызовом саудовской государственности. Реагируя на вторжение «ИГИЛ» в Ирак, Абдалла бен Абдель Азиз призвал исполнить «долг, встав на пути тех, кто пытается представить ислам как религию экстремизма, ненависти и терроризма»⁴³.

Слова монарха воплощались в жизнь. Оформленное 11 сентября 2014 г. на инициированном Эр-Риядом совещании министров иностранных дел стран — членов ССАГЗ, Египта, Ирака, Иордании, Ливана, Турции и Соединенных Штатов в Джидде соглашение о создании международной коалиции противостояния «ИГИЛ» подготовило базу для совместных действий. Тогда же саудовская авиация приняла участие в нанесении ударов по позициям «ИГИЛ» в Сирии. Позже, начав операцию в Йемене, Эр-Рияд провозгласил ее одним из «фронтов международной антитеррористической кампании».

³⁶ Ас-Саудийя таншур каима аль-муназзамат аль-ирхабийя [Саудовская Аравия публикует список террористических организаций] // аш-Шарк аль-Аусат. 04.02.2014. Доступ: <http://www.aawsat.com/details.asp?section=1&issue=12884&article=763917> (дата обращения: 18.09.2021).

³⁷ Террористическая организация, запрещенная в РФ.

³⁸ Террористическая организация, запрещенная в РФ.

³⁹ Террористическая организация, запрещенная в РФ.

⁴⁰ ХАМАС тадью ас-Саудийя ли инха аль-байянат аль-мухина [ХАМАС призывает Саудовскую Аравию прекратить оскорбительные заявления] // аль-Арабий аль-Джаид. 07.06.2017. Доступ: <https://www.alaraby.co.uk/politics/2017/6/7> (дата обращения: 18.09.2021).

⁴¹ Историческая провинция (включая город Эр-Рияд) в центре Аравийского полуострова, колыбель саудовской государственности.

⁴² Историческая провинция (включая города Мекку и Медину) на красноморском побережье Аравийского полуострова.

⁴³ Хадим аль-Харамейн: аль-мутахазилон сюсбихун дахийя ли аль-ирхаб [Хранитель Двух Святынь: малодушные станут жертвами терроризма] // аш-Шарк аль-Аусат. 02.08.2014. Доступ: <http://aawsat.com/home/article/150811?archive=1&date=08/02/2014> (дата обращения: 18.09.2021).

Саудовское противостояние терроризму было во многом также окрашено в тона конфронтации с Ираном. Созданная в декабре 2015 г. Мухаммедом бен Сальманом «Исламская военная коалиция», задачей которой провозглашался разгром «ИГИЛ», обрела черты антииранского альянса. При этом присутствие «ИГИЛ» на сирийской территории ни в коей мере не подталкивало Эр-Рияд к тому, чтобы включить официальный Дамаск в состав участников противостояния террористам. Более того, по словам саудовского сановника, «если международное сообщество действительно стремится уничтожить гадину терроризма в Сирии, оно должно устранить первопричину сложившегося положения — режим Асада», а также добиться от Ирана отказа от его поддержки⁴⁴. Эта позиция не только распространяла на Иран обвинения в сотрудничестве с «ИГИЛ», но и после начала в сентябре 2015 г. российской военной операции исключала достижение какого-либо антитеррористического взаимодействия с Москвой.

Иран неоднократно обвинялся саудовской стороной во взаимодействии с «Аль-Каидой» (речь шла о создании лагерей этой организации на иранской территории, «укрывательстве» и предоставлении убежища ее лидерам и родственникам Усамы бен Ладена). Развивая эти обвинения, М. аз-Заиди подчеркивал: «Усама [бен Ладен. — Г.К.], провозглашавший Саудовскую Аравию основной целью своей преступной деятельности, всего лишь реализовывал замыслы Хомейни и хомейнистов. Так действовали и ученики Усамы — Хасан Насрулла, Абдель Малек аль-Хуси, бандиты хомейнистского “народного ополчения” в Ираке, ИГИЛ, “Братья-мусульмане” и подобные им»⁴⁵. «Иранский след» в дальнейшем был обнаружен и в Тунисе, когда после июльских событий 2021 г. в этой стране саудовская пресса безоговорочно квалифицировала партию «ан-Нахда» в качестве местного филиала Движения «Братья-мусульмане», подчеркивая, что шаги президента Каиса Саида по борьбе с ней «сокрушили по-

⁴⁴ Мутаб бен Абдель Азиз фи тасрихи ли аш-Шарк аль-Аусат: истиасааль аль-ирхаб фи Сурия яани изаля ан-низам аль-лязи валлядаху [Мутаб бен Абдель Азиз заявляет аш-Шарк аль-Аусат: выкорчевать терроризм в Сирии — значит устранить породивший его режим] // аш-Шарк аль-Аусат. 26.11.2011. Доступ: http://classic.aawsat.com/details.asp?section=4&issueno=13147&article=795_963 (дата обращения: 18.09.2021).

⁴⁵ Аз-Заиди М. Ман нахну? Хадис Мухаммед бен Сальман...

следнюю цитадель “Братьев” в арабском мире, их власть в Тунисе окончилась»⁴⁶.

Сделанное в январе 2021 г. заявление (в то время) главы американского Государственного департамента Майка Помпео о связях Тегерана и «Аль-Каиды» было воспринято в Эр-Рияде как ожидаемая новость. Комментируя сказанное главой американского внешнеполитического ведомства, всё тот же колумнист «аш-Шарк аль-Аусат» писал, что «поскольку Иран — центр поддержки “Аль-Каиды”», постольку «Запад и мир в целом, если он уважает правду и уважает себя, должны относиться к тегеранскому режиму как к террористическому и антизаконному». Необходим не «диалог» с ним, заключал М. аз-Заиди, а международное противостояние «его преступным замыслам и действиям»⁴⁷.

Саудовская Аравия и Соединенные Штаты: противоречивое партнерство

Постреволюционная ситуация предполагала появление новых нюансов и в саудовско-американских отношениях. Не меняя основополагающих основ двустороннего взаимодействия, эти нюансы становились дополнительным подтверждением движения Эр-Рияда к проведению самостоятельного регионального курса, а также свидетельствовали о его стремлении к диверсификации внешнеполитических связей.

Позиция администрации Б. Обамы в отношении «арабской весны» (ее наиболее яркими проявлениями, по словам Абдаллы бен Абдель Азиза, стали «безразличие» в отношении свержения президента Х. Мубарака, а также поддержка Вашингтоном «во имя демократии» действий «Братьев-мусульман») поставила перед Эр-Риядом вопрос о том, могут ли Соединенные Штаты оставаться надежным гарантом региональной безопасности. Успехи в отношениях с администрацией Б. Обамы, достигнутые после прихода к власти Сальмана бен Абдель Азиза (в ходе его первого зарубежного визита в начале сентября

⁴⁶ Ар-Рашид А.Р. Тунис: сукут кальъа аль-Ихван аль-ахира [Тунис: падение последнего оплота «Братьев»] // аш-Шарк аль-Аусат. 27.07.2021. Доступ: <https://aawsat.com/home/article/3100376/عبد-الرائد-الرحمن-عبد-قلعة-سقوط-تونس/الإخوان-الأخيرة-«الإخوان»> (дата обращения: 18.09.2021).

⁴⁷ аз-Заиди М. Помпео ва аль-иша аль-ираний аль-ахир [Помпео и последний ужин с иранцами] // аш-Шарк аль-Аусат. 13.01.2021. Доступ: <https://aawsat.com/home/article/2738141/الأخيرة-الإيراني-والعشاء-جو-مبنيو-الذائدي-مشاري> (дата обращения: 18.09.2021).

2015 г. в американскую столицу было заключено соглашение о разработке программы двустороннего «Стратегического партнерства XXI века»), выглядели зыбкими и недостаточными. Саудовский истеблишмент испытывал всё большее разочарование политикой своего партнера.

Перечень претензий постоянно нарастал. Как отмечал А.Р. ар-Рашид, Б. Обаму упрекали в том, что он «согласился с сохранением режима Асада» и «промолчал по поводу российской экспансии». Его вина заключалась в «безразличии, проявленном его администрацией» в отношении того, что «террористы стали действовать во всем мире». На Ближнем Востоке курс Б. Обамы «поощрял тех, кто создавал кризисы». Наиболее печальными следствиями этого курса (американский лидер, по мнению цитируемого автора, был «худшим президентом за всю историю саудовско-американских отношений») стали превращение Ирака «в жертву иранцев и ИГИЛ», а также «продажа Сирии за сделку по иранской ядерной программе». Если будущий американский президент, замечал А.Р. ар-Рашид, «остановит курс Обамы на поощрение Ирана и расширение ареала активности террористов», то «это станет огромным достижением»⁴⁸.

Надежды на то, что сменивший Б. Обаму Дональд Трамп пойдет по этому пути, казались оправданными. В середине марта 2017 г. американский президент встретился в Вашингтоне с Мухаммедом бен Сальманом. По итогам встречи стороны подчеркнули необходимость «отпора дестабилизирующим действиям Ирана и переоценки соглашения по иранской ядерной программе»⁴⁹. В мае 2017 г. Д. Трамп совершил свой первый зарубежный визит — в Эр-Рияд (а затем — в Иерусалим). Комментируя этот визит, А. аль-Джубейр (в то время глава внешнеполитического ведомства) заявлял: «Президент Трамп стремится восстановить роль США в мире, и это приветствуют союзники Америки. Он выразил желание разгромить ИГИЛ и другие террористические организации, того же желают и союзники Аме-

⁴⁸ ар-Рашид А.Р. Маза ляу Трамп асва мин Обама? [А если Трамп хуже Обамы?] // аш-Шарк аль-Аусат. 23.01.2017. Доступ: <https://aawsat.com/home/article/837086/> عبد الرحمن-الراشد/ماذا لو تترتب أسوأ من-أوباما (дата обращения: 18.09.2021).

⁴⁹ Трамп ва Мухаммед бен Сальман юаккидан дарура муваджаха Иран [Трамп и Мухаммед бен Сальман подтверждают необходимость противостояния Ирану] // CNN Arabic. 15.03.2017. Доступ: <https://arabic.cnn.com/middleeast/2017/03/15/trump-mohamed-bin-salaman-meeting> (дата обращения: 18.09.2021).

рики. Он стремится обуздать незаконные действия Ирана в регионе, к этому стремятся региональные союзники Америки»⁵⁰.

Эр-Рияд приветствовал провозглашенную Д. Трампом в октябре 2017 г. «Новую стратегию по Ирану», предусматривавшую «нейтрализацию дестабилизирующего влияния иранского правительства» и «активизацию традиционных региональных союзов и партнерств»⁵¹. Объявленное же им в мае 2018 г. решение о выходе из СВПД квалифицировалось Эр-Риядом как «полный провал сделки по иранской ядерной программе»⁵². В контексте этого решения шаги, не удовлетворявшие Саудовскую Аравию (сделанное в начале декабря 2017 г. заявление о признании Иерусалима столицей Израиля и переносе американского посольства в этот город, признание в марте 2019 г. израильского суверенитета над Голанскими высотами, принятый в январе 2020 г. документ «Мир во имя процветания»), не стали поводом для охлаждения двусторонних отношений, а лишь подверглись вербальному осуждению. Расхождения по этим вопросам не могли рассматриваться «в качестве принципиальных», как заявляла посол королевства в Вашингтоне Рима бинт Бандар, поскольку основой двустороннего сотрудничества оставались «совместные действия в сфере обеспечения безопасности, стабильности и недопущения регионального хаоса»⁵³.

Победа Джозефа Байдена на президентских выборах 2020 г. создала для саудовского истеблишмента ситуацию неопределенности. Речь шла не только о возможном возвращении Соединенных Штатов в СВПД, но и о выдвижении новой демократической администрацией

⁵⁰ Аль-Джубейр: зияра Трамп тарихийя [аль-Джубейр: визит Трампа — исторический] // аль-Хурра. 05.05.2017. Доступ: <https://www.alhurra.com/latest/2017/05/05/الجبير-زيارة-ترامب-تاريخية-والسعودية-شريك-أمير-كما-الأول> (дата обращения: 18.09.2021).

⁵¹ President Donald J. Trump's new strategy on Iran // White House. 13.10.2017. Доступ: <https://www.whitehouse.gov/briefings-statements/president-donald-j-trumps-new-strategy-iran> (дата обращения: 18.09.2021).

⁵² Ас-Саудия: аль-иттифак ан-нававий аль-ираний асбат фашлаху [Саудовская Аравия: иранское ядерное соглашение провалилось] // аль-Хурра. 23.11.2020. Доступ: <https://www.alhurra.com/saudi-arabia/2020/11/23/الاتفاق-السعودية> (дата обращения: 18.09.2021).

⁵³ Рима бинт Бандар: ас-Саудия аш-шарик аль-аусак ли Америка фи аль-минтака [Рима бинт Бандар: Саудовская Аравия самый надежный партнер Америки в регионе] // аш-Шарк Аль-Аусат. 17.02.2020. Доступ: <https://aawsat.com/home/article/2135416/المنطقة-كافي-المنطقة-لأمير-كما-في-المنطقة-السعودية-الشريك-الأوثق-لأمير-كما-في-المنطقة> (дата обращения: 18.09.2021).

обвинений в адрес Мухаммеда бен Сальмана в связи с делом Джамаля Хашогги и положением с правами человека в Саудовской Аравии (что не входило в круг приоритетов Д. Трампа). Хотя нынешний министр иностранных дел Саудовской Аравии Фейсал бен Фархан и выражал надежду на то, что «курс Байдена будет содействовать укреплению региональной стабильности»⁵⁴, мнения саудовских аналитиков были иными.

По словам А.Р. ар-Рашида, даже если Дж. Байден и понимает, что «стабильность региона органически связана с укреплением партнерства с ведущими региональными союзниками Америки — Саудовской Аравией и Израилем», возможен и иной сценарий. Он предполагает, что саудовско-американские отношения «вступят в новый, далекий от ясности и, возможно, опасный этап», когда произойдет «примирение с Ираном, будет осуждена роль Саудовской Аравии в Йемене, выдвинуты правовые вопросы и во имя демократии поддержаны позиции “Братьев-мусульман”»⁵⁵. Саудовско-американское партнерство доказывало свой противоречивый характер.

* * *

События 2011 г., спровоцировавшие углубление кризисных тенденций в регионе арабского мира, с неизбежностью влияли на Саудовскую Аравию и ее внешнеполитический курс. Провозгласив себя «национальным государством», преследующим собственные «национальные интересы», и повысив тем самым уровень собственной субъектности в системе региональных и глобальных международных отношений (что относилось в первую очередь к сфере контактов с Соединенными Штатами), королевство взяло курс на пересмотр всей линии своего внешнеполитического поведения. Новый курс был призван защитить страну от того, что квалифицировалось в Эр-Рияде в качестве «анархии» и исключить возможность использования этой «анархии» противниками саудовского регионального господства.

⁵⁴ Фейсал бен Фархан: Байден саянтахидж сияса тусаид истикрар аль-минтака [Фейсал бен Фархан: Байден будет проводить курс, содействующий стабильности региона] // аль-Арабийя. 22.11.2020. Доступ: <https://www.alarabiya.net/ar/saudi-today/2020/11/22/المنطقة-استقرار-سياسة-تساعد-سايده-باجيدن-سببها-استقرار-المنطقة> (дата обращения: 18.09.2021).

⁵⁵ ар-Рашид А.Р. Нахну ва ар-раис Байден [Мы и президент Байден] // аш-Шарк Аль-Аусат. 09.11.2020. Доступ: <https://aawsat.com/home/article/2613581/عبد-الرحمن-ابن-الرحمن-باجيدن-سببها-استقرار-المنطقة> (дата обращения: 18.09.2021).

Противодействие Ирану (никогда официально не окрашивавшееся с саудовской стороны в религиозные тона) и его региональным союзникам — негосударственным акторам Ближнего Востока — обрело характер приоритетного направления саудовской внешней политики.

Практическая реализация этого курса предполагала устремленность к консолидации ССАГЗ, в том числе на основе решительных (но часто определяемых личными пристрастиями) мер в отношении «внутренних диссидентов», главным из которых выступал Катар. Речь также шла о (пусть и осторожном) сближении с Израилем. Конфронтация с еврейским государством (и ее важнейший элемент — поддержка «палестинских чаяний»), ранее понимавшаяся как путь к сплочению «арабо-мусульманской нации», уходила (хотя и медленно) в прошлое. На первый план выдвигался нарратив защиты «национальных интересов» королевства.

Провозглашенная Эр-Риядом борьба с терроризмом (сторонниками которого объявлялись как шиитские, так и неугодные суннитские организации и движения) дополнительно акцентировала существование саудовских «национальных интересов», выглядевших всё менее связанными с прежней ролью ведущего защитника мирового мусульманского сообщества. Новые очертания приобретало и прежнее саудовско-американское стратегическое партнерство: колебания региональной политики Соединенных Штатов (в немалой степени определявшиеся событиями «арабской весны») создавали тенденцию к диверсификации внешних связей Эр-Рияда, стремящегося теперь стать ведущим полюсом Ближнего Востока и арабского мира.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. аль-Али Х.И. Мабадиа ва ахдаф ас-сияса аль-хариджийя ас-саудийя (аль-мустава аль-халиджий, аль-ислямий, ад-дуввалий [Принципы и цели саудовской внешней политики (Залив, исламский мир, мировое сообщество)] // ас-Сияса аль-хариджийя ли аль-Мамляка аль-Арабийя ас-Саудийя фи миат амм [Внешняя политика Королевства Саудовская Аравия за сто лет]. Эр-Рияд: Министерство иностранных дел, 2006. С. 52–80. (На араб.)

2. аль-Курди А.А. аль-Илякат ас-саудийя аль-американийя ва амн аль-Халидж [Саудовско-американские отношения и безопасность Залива]. Бейрут, Дар аль-Хикма, 1993. (На араб.)

3. аль-Мансур М.А. ас-Сияса аль-хариджийя ас-саудийя фи аль-итар аль-арабий [Саудовская внешняя политика в арабском мире] // ас-Сияса аль-хариджийя ли аль-Мамляка аль-Арабийя ас-Саудийя фи миат амм

[Внешняя политика Королевства Саудовская Аравия за сто лет]. Эр-Рияд: Министерство иностранных дел, 2006. С. 171–257. (На араб.)

4. ар-Раджхи С.А. Илякат аль-Мамляка аль-Арабийя ас-Саудийя би дувваль аль-Халидж: аль-джаниб ас-сиясий [Отношения Королевства Саудовская Аравия с государствами Залива: политический аспект] // аль-Мамляка аль-Арабийя ас-Саудийя фи миат амм. Ас-Сияса аль-хариджийя [Королевство Саудовская Аравия за сто лет. Внешняя политика]. Эр-Рияд: Дара аль-малик Абдель Азиз, 2007. С. 123–170. (На араб.)

5. ар-Рашид Х.М. ас-Сияса аль-хариджийя ас-саудийява аль-амн фи минтака аль-Халидж [Саудовская внешняя политика и безопасность в регионе Залива]. Эр-Рияд: Министерство высшего образования, 2012. (На араб.)

6. ат-Турки М. Саудовско-российские отношения в глобальных региональных процессах (1924–2004 гг.). М.: Прогресс, 2005.

7. аш-Шамлан А.С. аль-Илякат ас-саудийя аль-американийя [Саудовско-американские отношения] // ас-Сияса аль-хариджийя ли аль-Мамляка аль-Арабийя ас-Саудийя фи миат амм [Внешняя политика Королевства Саудовская Аравия за сто лет]. Эр-Рияд: Министерство иностранных дел, 2006. С. 324–382. (На араб.)

8. Барановский В.Г., Наумкин В.В. Ближний Восток в меняющемся глобальном контексте: ключевые тренды столетнего развития // *Мировая экономика и международные отношения*. 2018. Т. 62. № 3. С. 5–19. DOI: 10.20542/0131-2227-2018-62-3-5-19.

9. Васильев А.М. История Саудовской Аравии. М.: Классика плюс, 1999.

10. Звягельская И.Д. Ближний Восток и Центральная Азия: глобальные тренды в региональном исполнении. М.: Аспект Пресс, 2018.

11. Звягельская И.Д. Конфликты на Ближнем Востоке: тенденции и игроки // *Восток (Oriens)*. Афро-азиатские общества: история и современность. 2017. № 3. С. 16–24.

12. Звягельская И.Д. Символы и ценности в международных отношениях на Ближнем Востоке // *Ближний Восток в поисках политического будущего / Под ред. В.Г. Барановского, В.В. Наумкина*. М.: Институт востоковедения РАН, 2019. С. 17–43.

13. Косач Г.Г. Российско-саудовские отношения: политический аспект. 1990–2005. М.: Институт Ближнего Востока, 2016.

14. Косач Г.Г. Саудовская Аравия: внутривосточные процессы «этапа реформ» (конец 1990-х –2006 г.). М.: Институт Ближнего Востока, 2007.

15. Косач Г.Г. Саудовская Аравия: государство и политика // *Год планеты*. 2015. С. 386–398.

16. Косач Г.Г. Саудовская Аравия и Израиль: палестинский контекст // *Мировая экономика и международные отношения*. 2021. Т. 65. № 1. С. 61–69. DOI: 10.20542/0131-2227-2021-65-1-61-69.

17. Косач Г.Г. Саудовская Аравия: трансформация власти и политики // *Мировая экономика и международные отношения*. 2019. Т. 63. № 4. С. 59–67. DOI: 10.20542/0131-2227-2019-63-4-59-67.

18. Косач Г.Г. Саудовский дипломатический корпус: этапы эволюции и источники формирования. М.: Институт Ближнего Востока, 2008.

19. Косач Г.Г., Мелкумян Е.С. Внешняя политика Саудовской Аравии. Приоритеты, направления, процесс принятия решения. М.: Институт изучения Израиля и Ближнего Востока, 2003.

20. Наумкин В.В. Несостоявшееся партнерство. Советская дипломатия в Саудовской Аравии между мировыми войнами. М.: Институт востоковедения РАН, 2018.

21. Наумкин В.В. Снизу вверх и обратно. «Арабская весна» и глобальная международная система // *Россия в глобальной политике*. 2011. № 4. Доступ: <https://globalaffairs.ru/articles/snizu-vverh-i-obratno> (дата обращения: 18.09.2021).

22. Сурков Н.Ю. Саудовская Аравия: мантра об исключительности // *Ближний Восток: политика и идентичность* / Под ред. И.Д. Звягельской; ИМЭМО РАН. М.: Аспект-Пресс, 2020. С. 228–234.

23. Abir M. Oil, power and politics. Conflict in Arabia, the Red Sea and the Gulf. London: Frank Cass, 1974.

24. Abir M. Saudi Arabia. Government, society and the Gulf crisis. London: Routledge, 1994.

25. Abir M. Saudi Arabia in the oil era. London: Routledge, 2015.

26. al-Alkim H.H. Dynamics of Arab foreign policy-making in the twenty-first century. Domestic constraints and external challenges. London: Saqi Books, 2012.

27. al-Rasheed M. A history of Saudi Arabia. Cambridge: Cambridge University Press, 2010.

28. al-Rasheed M. Politics in an Arabian oasis: Rashidis of Saudi Arabia. London: I.B. Tauris, 1997.

29. al-Rasheed M. Salman's legacy: The dilemmas of a new era in Saudi Arabia. Oxford: Oxford University Press, 2018.

30. Determann J.M. Historiography in Saudi Arabia. Globalization and the state in the Middle East. London: I.B. Tauris, 2014. DOI: 10.4000/cy.3172.

31. Ehteshami A. Saudi Arabia as a resurgent regional power // *The International Spectator*. 2018. Vol. 53. No. 4. P. 75–94. DOI: 10.1080/03932729.2018.1507722.

32. Katz M. The Gulf and the great powers: Evolving dynamics // *Middle East Policy*. 2017. Vol. 24. No. 2. P. 102–109. DOI: 10.1111/mepo.12271.

33. Katz M. Russia's regional ties grow at Saudi expense. 19.08.2016. Available at: <https://agsiw.org/russias-regional-ties-grow-at-saudi-expense> (accessed: 18.09.2021).

34. Kosach G. Russia and the Organization of Islamic Cooperation: Conflicting interactions // *Russia's Islamic diplomacy* / Ed. by M. Laruelle. The George Washington University. CAP Paper No. 220. 2019. P. 5–20.

REFERENCIES

1. al-Ali H.I. 2006. Mabadi wa ahdaf al-siyasa al-kharidjiya al-saudiya (al-mustawa al-khalidji, al-islami, al-duwali) [Principles and objectives of Saudi foreign policy (Gulf, Islamic world, world community)]. In: *al-Siyasa al-kharidjiya li al-Mamlaka al-Arabiya al-Saudiya fi mia amm* [Foreign policy of the Kingdom of Saudi Arabia in a hundred years]. Riyadh, Ministry of Foreign Affairs, pp. 52–80. (In Arabic.)
2. al-Kurdi A.A. 1993. *al-Ilaqat al-saudiya al-amrikiya wa amn al-Khalidj* [Saudi-American relations and Gulf security]. Beirut, Dar al-Hikmah. (In Arabic.)
3. al-Mansur M.A. 2006. al-Siyasa al-kharidjiya al-saudiya fi al-itar al-arabi [Saudi foreign policy in the Arab world]. In: *al-Siyasa al-kharidjiya li al-Mamlaka al-Arabiya al-Saudiya fi mia amm* [Foreign policy of the Kingdom of Saudi Arabia in a hundred years]. Riyadh, Ministry of Foreign Affairs, pp. 171–257. (In Arabic.)
4. al-Radjhi S.A. 2007. Ilaqat al-Mamlaka al-Arabiya al-Saudiya bi duwwal al-Khalidj: al-djanib al-siyasiy [Relations of the Kingdom of Saudi Arabia with the Gulf states: Political aspect]. In: *al-Mamlaka al-Arabiya al-Saudiya fi mia amm. al-Siyasa al-kharidjiya* [Kingdom of Saudi Arabia in a hundred years. Foreign policy]. Riyadh, Darah al-malik Abdel Azizi, pp. 123–170. (In Arabic.)
5. al-Rasheed H.M. 2012. *al-Siyasa al-kharidjiya al-saudiya wa al-amn fi mintaqah al-Khalidj* [Saudi foreign policy and security in the Gulf region]. Riyadh, Ministry of Higher Education. (In Arabic.)
6. al-Shamlan A.S. 2006. al-Ilaqat al-saudiya al-amrikiya [Saudi-American relations]. In: *al-Siyasa al-kharidjiya li al-Mamlaka al-Arabiya al-Saudiya fi mia amm* [Foreign policy of the Kingdom of Saudi Arabia in a hundred years]. Riyadh, Ministry of Foreign Affairs, pp. 324–382. (In Arabic.)
7. at-Turki M. 2005. *Saudovsko-rossiiskie otnosheniya v global'nykh regional'nykh protsessakh (1924–2004 gg.)* [Saudi-Russian relations in global and regional processes (1924–2004)]. Moscow, Progress Publ. (In Russ.)
8. Baranovskii V.G., Naumkin V.V. 2018. Blizhnii Vostok v menyayushchemsya global'nom kontekste: klyuchevye trendy stoletnego razvitiya [The Middle East in a changing global context: The key trends of centennial development]. *World Economy and International Relations*, vol. 62, no. 3, pp. 5–19. DOI: 10.20542/0131-2227-2018-62-3-5-19. (In Russ.)
9. Vasil'ev A.M. 1999. *Istoriya Saudovskoi Aravii* [History of Saudi Arabia]. Moscow, Klassika plus Publ. (In Russ.)
10. Zvyagel'skaya I.D. 2018. *Blizhnii Vostok i Tsentral'naya Aziya: global'nye trendy v regional'nom ispolnenii* [Middle East and Central Asia: Global trends in regional performance]. Moscow, Aspekt Press Publ. (In Russ.)
11. Zvyagel'skaya I.D. 2017. Konflikty na Blizhnem Vostoke: tendentsii i igroki [Conflicts in the Middle East: Trends and actors]. *Vostok (Oriens). Afroaziatskie obshchestva: Istoriya i sovremennost'*, no. 3, pp. 16–24. (In Russ.)

12. Zvyagel'skaya I.D. 2019. Simvoly i tsennosti v mezhdunarodnykh otno-sheniakh na Blizhnem Vostoke [Symbols and values in international relations in the Middle East]. In: Baranovskii V.G., Naumkin V.V. (eds.). *Blizhnii Vostok v poiskakh politicheskogo budushchego* [The Middle East in search of a political future]. Moscow, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences Publ., pp. 17–43. (In Russ.)

13. Kosach G.G. 2016. *Rossiisko-saudovskie otnosheniya: politicheskii aspekt. 1990–2005* [Russian-Saudi relations: Political aspect. 1990–2005]. Moscow, Institute of Middle Eastern Studies Publ. (In Russ.)

14. Kosach G.G. 2007. *Saudovskaya Araviya: vnutripoliticheskie protsessy 'etapa reform' (konets 1990-kh –2006 g.)* [Saudi Arabia: Internal political processes during the 'stage of reforms' (late 1990s — 2006)]. Moscow, Institute of Middle Eastern Studies Publ. (In Russ.)

15. Kosach G.G. 2015. *Saudovskaya Araviya: gosudarstvo i politika* [Saudi Arabia: State and politics]. *God planet*, pp. 386–398. (In Russ.)

16. Kosach G.G. 2021. *Saudovskaya Araviya i Izrail': palestinskii kontekst* [Saudi Arabia and Israel: The Palestinian context]. *World Economy and International Relations*, vol. 65, no. 1, pp. 61–69. DOI: 10.20542/0131-2227-2021-65-1-61-69. (In Russ.)

17. Kosach G.G. 2019. *Saudovskaya Araviya: transformatsiya vlasti i politi-tiki* [Saudi Arabia: Transformation of power and policy]. *World Economy and International Relations*, vol. 63, no. 4, pp. 59–67. DOI: 10.20542/0131-2227-2019-63-4-59-67. (In Russ.)

18. Kosach G.G. 2008. *Saudovskii diplomaticheskii korpus: etapy evolyutsii i istochniki formirovaniya* [Saudi diplomatic corps: Stages of evolution and sources of formation]. Moscow, Institute of Middle Eastern Studies Publ. (In Russ.)

19. Kosach G.G., Melkumyan E.S. 2003. *Vneshnyaya politika Saudovskoi Aravii. Prioritety, napravleniya, protsess prinyatiya resheniya* [Foreign policy of Saudi Arabia. Priorities, directions, and decision-making process]. Moscow, Institute of Israeli and Middle Eastern Studies Publ. (In Russ.)

20. Naumkin V.V. 2018. *Nesostoyavsheesya partnerstvo. Sovetskaya diplo-matiya v Saudovskoi Aravii mezhdru mirovymi voynami* [Failed partnership. Soviet diplomacy in Saudi Arabia between the world wars]. Moscow, Institute of Middle Eastern Studies Publ. (In Russ.)

21. Naumkin V.V. 2011. Snizu vverkh i obratno. 'Arabskaya vesna' i global'naya mezhdunarodnaya sistema [Moving from the bottom up and back down again. The Arab Spring and the global international system]. *Russia in Global Affairs*, no. 4. Available at: <https://globalaffairs.ru/articles/snizu-vverh-i-obratno> (accessed: 18.09.2021). (In Russ.)

22. Surkov N.Yu. 2020. *Saudovskaya Araviya: mantra ob isklyuchitel'nosti* [Saudi Arabia: The mantra of exclusivity]. In: Zvyagel'skaya I.D. (ed.). *Blizhnii Vostok: politika i identichnost'* [The Middle East: Politics and identity]. IMEMO RAN. Moscow, Aspekt-Press Publ., pp. 228–234. (In Russ.)

23. Abir M. 1974. *Oil, power and politics. Conflict in Arabia, the Red Sea and the Gulf*. London, Frank Cass Publ.

24. Abir M. 1994. *Saudi Arabia. Government, society and the Gulf crisis*. London, Routledge.

25. Abir M. 2015. *Saudi Arabia in the oil era*. London, Routledge.

26. al-Alkim H.H. 2012. *Dynamics of Arab foreign policy-making in the twenty-first century. Domestic constraints and external challenges*. London, Saqi Books Publ.

27. al-Rasheed M. 2010. *A history of Saudi Arabia*. Cambridge, Cambridge University Press.

28. al-Rasheed M. 1997. *Politics in an Arabian oasis: Rashidis of Saudi Arabia*. London, I.B. Tauris Publ.

29. al-Rasheed M. 2018. *Salman's legacy: The dilemmas of a new era in Saudi Arabia*. Oxford, Oxford University Press.

30. Determann J.M. 2014. *Historiography in Saudi Arabia. Globalization and the state in the Middle East*. London, I.B. Tauris Publ. DOI: 10.4000/cy.3172.

31. Ehteshami A. 2018. Saudi Arabia as a resurgent regional power. *The International Spectator*, vol. 53, no. 4, pp. 75–94. DOI: 10.1080/03932729.2018.1507722.

32. Katz M. 2017. The Gulf and the Great powers: Evolving dynamics. *Middle East Policy*, vol. 24, no. 2, pp. 102–109. DOI: 10.1111/mepo.12271.

33. Katz M. 2016. *Russia's regional ties grow at Saudi expense*. Available at: <https://agsiw.org/russias-regional-ties-grow-at-saudi-expense> (accessed: 18.09.2021).

34. Kosach G. 2019. Russia and the Organization of Islamic Cooperation: Conflicting interactions. In: Laruelle M. (ed.). *Russia's Islamic diplomacy*. The George Washington University. CAP Paper No. 220, pp. 5–20.

Статья поступила в редакцию 18.06.2021; одобрена после рецензирования 29.07.2021; принята к публикации 28.10.2021.

The paper was submitted 18.06.2021; approved after reviewing 29.07.2021; accepted for publication 28.10.2021.

«МЯГКАЯ СИЛА» В МИРОВОЙ ПОЛИТИКЕ ‘SOFT POWER’ IN WORLD POLITICS

DOI: 10.48015/2076-7404-2021-13-4-162-181

Научная статья / Research paper

А.Н. Марчуков*

ЦИФРОВАЯ ДИПЛОМАТИЯ ШВЕЦИИ: В ПОИСКАХ ДИАЛОГА

*Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования*

*«Южный федеральный университет» (ЮФУ)
344006, Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 105/42*

Цифровая дипломатия открывает перед государствами новые возможности по формированию благоприятного имиджа на международной арене, донесению своей точки зрения на актуальные проблемы, по реализации долгосрочных внешнеполитических стратегий. В то же время она ставит и совершенно новые проблемы. Главная из них — установление доверительного и конструктивного диалога с аудиторией в виртуальном пространстве. Развитие такого диалога в рамках цифровой дипломатии является одним из приоритетов современной внешней политики Швеции. На основании анализа деятельности ключевых шведских государственных организаций и ведомств, участвующих в реализации цифровой дипломатии страны, — Министерства иностранных дел Швеции, Шведского института, Шведской туристической ассоциации (Svenska Turistföreningen), Организации национального туризма Швеции Visit Sweden) — автор выявляет ключевые отличительные особенности данного направления внешней политики Стокгольма. В частности, отмечается готовность правительства использовать инновационные и креативные методы и форматы для продвижения своих медиапроектов. Яркими примерами могут служить такие инициативы, как «Второй Дом Швеции», «Кураторы Швеции», «Шведский номер», нацеленные на интенсификацию и повышение качества коммуникации с зарубежной аудиторией. При этом профильные организации и институты особый акцент делали на развитии диалоговой формы коммуникации, что, в частности, нашло отражение в проведении онлайн-сессий

* *Марчуков Александр Николаевич* — кандидат политических наук, доцент кафедры истории и международных отношений Южного федерального университета (e-mail: amarchukov@sfedu.ru).

в формате «вопрос–ответ» с дипломатическими сотрудниками, а также в активном взаимодействии официальных лиц и представителей гражданского общества с иностранными пользователями в социальных медиа. Кроме того, ведущие акторы шведской цифровой дипломатии стремились усилить вовлеченность иностранной аудитории в обсуждение важных для внешнеполитической повестки Швеции вопросов и побудить ее принять участие в их решении. Наиболее ярко это проявилось в медиакампаниях, направленных на ликвидацию дискриминации в отношении женщин и гендерного насилия.

Автор приходит к выводу, что шведское государство смогло добиться определенного успеха в области построения диалога с зарубежной аудиторией. Однако пока этот диалог всё же носит недостаточно системный характер и зависит в первую очередь от активности и инициативности отдельных политиков и дипломатов.

Ключевые слова: цифровая дипломатия, публичная дипломатия, культурная дипломатия, национальный брендинг, внешняя политика Швеции, инновационность, креативность, социальные сети, коммуникация, диалог.

Для цитирования: Марчуков А.Н. Цифровая дипломатия Швеции: в поисках диалога // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2021. Т. 13. № 4. С. 162–181. DOI: 10.48015/2076-7404-2021-13-4-162-181.

Alexandr N. Marchukov

**IN SEARCH OF A DIALOGUE:
DIGITAL DIPLOMACY OF SWEDEN**

*Southern Federal University
105/42 Bol'shaya Sadovaya st., Rostov-on-Don, 344006*

Digital diplomacy opens up new opportunities for both developed and developing states to promote their international image, clarify their position on current issues, and realize long-term foreign policy aspirations, but it also brings completely new challenges. The chief one among them is establishing a continuous constructive dialogue with the target audience in the virtual space. Facilitation for this dialogue is one of the key priorities of the digital diplomacy of Sweden. The author examines the activities of the key actors of Sweden's digital diplomacy (the Ministry of Foreign Affairs of Sweden, the Swedish Institute, the Swedish Tourist Association (Svenska Turistföreningen), 'Visit Sweden') and identifies their key features. Particularly, the author emphasizes the government's readiness to implement innovative and creative methods to promote its media projects.

The latter include such projects as ‘The Second House of Sweden’, ‘Curators of Sweden’, and ‘Swedish Number’, which were aimed at improving the quality of communication with the foreign audience. In doing so, the responsible ministries and agencies placed a heavy emphasis on promoting a dialogue via social networks between the Swedish officials and representatives of the civil society on the one hand and foreign users on the other. The leading actors of Sweden’s digital diplomacy actively engaged the foreign audience in discussions on the most important issues on the foreign policy agenda of Sweden. This was most clearly demonstrated in media campaigns designed to eliminate discrimination against women and gender-based violence. The author concludes that Sweden has achieved a certain degree of success in establishing a dialogue with the foreign audience, yet this dialogue is not comprehensive enough and still depends on the initiative of individual politicians and diplomats.

Keywords: digital diplomacy, public diplomacy, cultural diplomacy, country branding, foreign policy of Sweden, innovations, creativity, social networks, communication, dialogue.

About the author: *Aleksandr N. Marchukov* — PhD (Political Science), Associate Professor at the Chair of Foreign History and International Relations, Southern Federal University (e-mail: amarchukov@sfded.ru).

For citation: Marchukov A.N. 2021. In search of a dialogue: Digital diplomacy of Sweden. *Moscow University Bulletin of World Politics*, vol. 13, no. 4, pp. 162–181. DOI: 10.48015/2076-7404-2021-13-4-162-181. (In Russ.)

Современная Швеция рассматривается экспертным сообществом как государство, достигшее значительных успехов в сфере публичной дипломатии и национального брендинга [Зольнова, 2014; Pelling, 2015; Sevin, 2017; Melo, 2021]. Подобная положительная оценка усилий шведского государства не кажется случайной, поскольку подкрепляется различного рода рейтингами, в которых Швеция стабильно располагается в первой десятке стран-лидеров¹. В определенной степени рост «мягкой силы» скандинавского государства за рубежом является результатом раннего развития в стране цифровой дипломатии [Маркушина, Парфенёнок, 2020] — деятельности, подразумевающей использование информационно-коммуникационных технологий (социальных сетей, мобильных приложений, интернет-

¹ The official site of the Anholt Ipsos Nation Brands Index. Available at: The <https://www.ipsos.com/en/nation-brands-index-2021> (accessed: 12.11.2021); The official site of the Soft power 30. Available at: <https://softpower30.com/> (accessed: 12.11.2021).

сайтов и пр.) для достижения внешнеполитических целей [Glassman, 2008; Hanson, 2012; Cull, 2013; Lewis, 2014; Holmes, 2015; Adesina, Summers, 2017].

Цифровая дипломатия Швеции представляет собой особый случай, поскольку шведское государство на протяжении многих лет последовательно стремилось совершенствовать практику публичной дипломатии в виртуальном пространстве, учитывая советы и рекомендации экспертного сообщества. Шведское правительство достаточно быстро согласилось с популярным в академических кругах убеждением, что активная коммуникация с аудиторией является необходимым условием для реализации эффективной цифровой дипломатии [Bortree, Seltzer, 2009; Fischer, Reuber, 2011; Оcieпка, 2012; Brown, 2013; Causey, Howard, 2013; Kampf et al., 2015], и начало прилагать активные усилия для построения тесных связей с зарубежной общественностью [Madestam, Falkman, 2017]. Данная деятельность Швеции в социальных медиа сильно контрастировала с усилиями многих современных государств в сфере цифровой дипломатии, для которых виртуальное пространство было прежде всего площадкой для артикуляции собственной внешнеполитической позиции, а не для развития диалога [Strauß et al., 2015; Manor, 2019].

К сожалению, подходы большинства акторов цифровой дипломатии в сфере развития контактов с аудиторией не сильно изменились в последние годы. Однако значимость коммуникации с подписчиками социальных сетей заметно возросла, особенно в условиях, когда цифровая дипломатия всё чаще рассматривается в контексте информационного противоборства между государствами [Цветкова, 2020]. Очевидно, что установление доверительных отношений с аудиторией делает субъекты цифровой дипломатии более устойчивыми к негативному внешнему воздействию (например, троллингу и деятельности ботов) при реализации собственных медиакомпаний. В этой связи научный анализ усилий Швеции в области виртуальной внешнеполитической коммуникации может быть крайне полезным для институтов публичной дипломатии, заинтересованных в совершенствовании своей деятельности в социальных медиа.

В настоящее время, несмотря на определенный интерес отечественных и зарубежных исследователей к шведской практике цифровой дипломатии [Pamment, 2014; Парфенёнок, 2015; Маркушина, Парфенёнок, 2020; Aggestam et al., 2021], многие ее аспекты до конца не изучены (например, вопросы координации усилий

различных акторов цифровой дипломатии страны, влияние общественного мнения на организацию и проведение медиакомпаний, специфика работы шведских дипломатов с критикой в виртуальном пространстве, особенности коммуникации с аудиторией и др.). Вероятно, подобное обстоятельство обусловлено несколькими причинами. Во-первых, академическое сообщество до сих пор уделяет чрезмерное внимание практике цифровой дипломатии ведущих акторов мировой политики (США, Китая, России, ЕС). Во-вторых, изменчивость виртуальной среды создает сложности в получении объективных данных о характере взаимодействия между субъектом и объектом цифровой дипломатии (например, популярный у исследователей контент-анализ дает только общее представление об особенностях коммуникации в социальных медиа). В-третьих, большую роль в изучении цифровой дипломатии играют экспертные интервью с сотрудниками посольств, которые редко готовы делиться информацией о специфике своей работы в социальных сетях.

Главная цель настоящего исследования — выявление основных приемов, используемых ключевыми институтами цифровой дипломатии Швеции (Министерством иностранных дел, Шведским институтом, Шведской туристической ассоциацией (Svenska Turistföreningen), Организацией национального туризма Швеции (Visit Sweden)) для повышения качества коммуникации с зарубежной аудиторией. Для анализа выбран период становления и развития цифровой дипломатии в Швеции (с 2007 по 2021 г.). В качестве основного методологического инструмента применялся системный подход, в рамках которого цифровая дипломатия Швеции рассматривалась как совокупность взаимодействующих между собой ключевых внешнеполитических институтов страны, испытывающих на себе влияние внешней среды.

Для оценки взаимодействия шведского государства с зарубежной общественностью важно было понять, насколько креативной является деятельность акторов цифровой дипломатии Швеции (с учетом того, что дипломаты традиционно крайне настороженно относятся к любому виду изменениям [Manor, 2016]). Дело в том, что приверженность институтов цифровой дипломатии традиционным подходам к коммуникации (например, практике публикаций официальных пресс-релизов) ограничивает их возможности в сфере политического влияния (пользователи социальных сетей, избалованные обилием

креативных медиапродуктов в виртуальном пространстве, могут просто проигнорировать контент, который покажется им недостаточно ярким).

Кроме того, для данной работы было важно проанализировать степень вовлеченности ключевых институтов Швеции в диалог с подписчиками их аккаунтов в социальных медиа. Существовала необходимость в выделении наиболее важных инструментов, используемых для такого общения.

Последним критерием оценки характера общения между шведскими правительственными институтами и зарубежной общественностью стала степень участия аудитории в цифровой дипломатии Швеции. При реализации внешнеполитических задач в социальных сетях для акторов цифровой дипломатии крайне важным является создание условий, при которых аудитория не просто поддерживает предложенный ей нарратив, но и стремится его распространять (другими словами, превращение аудитории из объекта цифровой дипломатии в субъект). В целом сама природа социальных медиа содействует вовлечению пользователей в политическую практику [Manor, 2016], размещая информацию с официальных страниц зарубежных посольств и различных правительственных организаций, аудитория в определенной степени способствует продвижению политических интересов иностранных государств (при условии, что она не использует подобную информацию как инструмент критики).

Иновации и креативные решения в цифровой дипломатии Швеции

Анализируя деятельность ведущих акторов цифровой дипломатии Швеции, нельзя не обратить внимание на обилие созданных ими медиакомпаний в интернет-пространстве. Вероятно, одним из первых ярких проектов в цифровой сфере стало открытие Шведским институтом посольства страны в социальной сети Second Life в 2007 г. [Bengtsson, 2011; Pamment, 2011]. В виртуальном мире была создана копия реально существующего посольства Швеции в Вашингтоне, известная как Дом Швеции (поэтому интернет-аналог получил название Второго Дома Швеции). Пользователи Second Life могли посещать различные мероприятия, организованные виртуальным посольством (выставки, лекции, демонстрации ки-

нофильмов и др.), направленные на распространение информации о шведской культуре среди международной общественности. Данный проект подразумевал развитие диалога между аудиторией Second Life и шведскими дипломатами, поскольку организуемые там мероприятия открывали участникам широкие возможности для коммуникации.

Еще одним инновационным и креативным решением Швеции, заметно обогатившим коммуникативную практику цифровой дипломатии, стало создание в 2011 г. в Твиттере медиапроекта «Кураторы Швеции» [Christensen, 2013]. В его рамках обычные граждане Швеции (кураторы) могли вести блог от лица всей страны в течение недели. Хотя кандидаты на должность кураторов и отбирались иницировавшим проект Шведским институтом, они были свободны в выборе формата общения с аудиторией.

В большинстве случаев кураторы демонстрировали открытость и готовность к общению на любые темы, касающиеся социальной и культурной жизни шведского общества (политические дискуссии встречались крайне редко). Многие из них избегали размещать материал, способный спровоцировать конфликт с подписчиками. Тем не менее всё же были случаи, когда в аккаунте проекта @sweden появлялись крайне противоречивые твиты (например, в 2012 г. многие пользователи Сети увидели в публикациях шведки Сони Абрамсон проявление антисемитизма). Возможно, эпизодические случаи нетолерантного поведения кураторов и сказывались негативно на репутации проекта, но в то же время они работали в интересах национального брендинга страны, изображая Швецию в глазах международного сообщества как развитое демократическое общество, где мнение каждого гражданина принимается во внимание [Hoffman, 2015; Alaimo, 2016].

За период своего существования (2011–2018) проект «Кураторы Швеции» смог привлечь аудиторию почти в 200 тыс. человек, в том числе благодаря способности его участников выстроить с ней тесные связи. К сожалению, в последние годы своей деятельности проект оказался в центре скандала, связанного с блокировкой Шведским институтом значительного числа аккаунтов (свыше 14 000), взаимодействовавших с @sweden в Твиттере. После этого проект был закрыт, поскольку включение подписчиков в бан-лист противоречило самой идее свободы слова, на которой он был построен. Тем не менее данная инициатива навсегда вошла в историю цифровой

дипломатии, вдохновив ряд стран (Мексику, Ирландию, Финляндию, Канаду и др.) развивать такого рода кураторство в Твиттере².

Следующим примером воплощения необычной творческой идеи на практике стала медиакампания «Шведский номер», реализованная Шведской туристической ассоциацией в 2016 г. [Bolin, Miazhevich, 2018; Pamment, Cassinger, 2018]. В ее рамках любой иностранец получал возможность позвонить по специальному номеру телефона (впервые зарегистрированному на государство) и обсудить с местным жителем любые вопросы, связанные с социально-культурной и политической жизнью Швеции. Собеседником мог оказаться как обычный гражданин, так и селебрити (например, премьер-министр С. Лёвен), выбранный случайным образом электронной системой.

Для того чтобы попасть в число бренд-амбассадоров Швеции, всем заинтересованным в проекте шведским гражданам необходимо было подать предварительную заявку. За период существования проекта на «Шведский номер» позвонили свыше 197 тыс. человек из 190 стран (наибольшее количество звонков пришлось на США, Великобританию и Нидерланды). Данная медиакампания способствовала продвижению международного туризма в Швеции, а также вносила вклад в укрепление имиджа страны как технологического и демократического общества.

Инновационность присуща и деятельности дипломатических институтов Швеции. Так, 24 февраля 2021 г. посольство Швеции в России разместило видео в сети Facebook, в котором шведские и финские дипломаты в непринужденной манере рассуждали об аналогах русских пословиц и поговорок в своих родных языках³. Данный кейс необычен, поскольку разрушает стереотип о дипломате как человеке, стремящемся максимально сдерживать эмоции, и этим приближает его к аудитории (на видео дипломатические работники шутят и смеются). Кроме того, подобный контент уникален, поскольку создан в результате коллаборации между посольствами различных стран, что происходит довольно редко в цифровой дипломатии (хотя и является эффективным способом объединить творческий потенциал участников и снизить финансовые издержки на медиакампанию).

² Парамонова Н. Как простые шведы ведут Твиттер от лица всей страны // Colta. 2017. Доступ: <https://www.colta.ru/articles/society/16179-kak-prostye-shvedy-vedut-tvitter-ot-litsa-vsey-strany> (дата обращения: 12.11.2021).

³ Официальный сайт посольства Швеции в Москве. Доступ: <https://www.facebook.com/swedeninru/videos/339997720613154/> (дата обращения: 12.11.2021).

С нашей точки зрения, подобные видео чрезвычайно полезны для взаимодействия с аудиторией, поскольку политически нейтральны и сделаны в развлекательной манере, что способствует их принятию широкой публикой (неслучайно данный пост собрал свыше 30 тыс. просмотров).

Помимо Твиттера и сети Facebook видеохостинг YouTube также представляет собой площадку, на которой можно обнаружить созданные институтами цифровой дипломатии Швеции медиапродукты, сочетающие инновационность и креативность. Например, Организация национального туризма Швеции Visit Sweden в 2020–2021 гг. разместила на YouTube два необычных веб-сериала⁴. Один был посвящен длительному плаванию путешественника Эрика Сандера по рекам Швеции на доске для серфинга; другой описывал шведский опыт выращивания и потребления различных органических продуктов. Как представляется, созданные веб-сериалы являются не просто набором кадров с географическими местами, а искусно сконструированным повествованием, в которое вплетены внешнеполитические интересы Швеции в области поддержания устойчивого развития в мире и стимулирования международного туризма.

В целом анализ цифровой дипломатии Швеции показывает, что на протяжении многих лет шведское государство стремилось использовать инновационные медиапродукты («Второй Дом Швеции», «Кураторы Швеции», «Шведский номер») как инструмент повышения качества коммуникации с зарубежной аудиторией. Значительная их часть отличалась высоким уровнем креативности, что было обусловлено привлечением к их разработке ведущих рекламных агентств страны.

Диалоговая форма коммуникации в цифровой дипломатии Швеции

Шведские акторы цифровой дипломатии достаточно рано осознали важность диалога в развитии отношений с аудиторией. В определенной степени этому способствовали их сотрудничество с академическим сообществом страны (прежде всего консультации с учеными Университета Лунда, Стокгольмского и Уппсальского

⁴ The official account of Visit Sweden on YouTube. Available at: <https://www.youtube.com/c/VisitSwedenOfficial/videos> (accessed: 12.11.2021).

университетов), а также совместные проекты с рекламными агентствами Volontair, Ingo Stockholm, Seventy.

Немаловажную роль в развитии диалоговой формы коммуникации в цифровой дипломатии Швеции сыграл бывший министр иностранных дел страны Карл Бильдт. Помимо организации ряда мероприятий, имевших определяющее значение для развития данного направления публичной дипломатии в Швеции и за рубежом [Зольнова, 2014], он преуспел и в общении с пользователями Твиттера [Madestam, Falkman, 2017], став в 2013 г. одним из мировых лидеров в области взаимодействия с аудиторией (он отвечал пользователям в каждом своем втором твите⁵). Неудивительно, что многие шведские дипломаты подхватили его инициативу. Однако, несмотря на то что ряд дипломатических представительств Швеции за рубежом, а также Организация национального туризма Швеции Visit Sweden стремятся реагировать на комментарии пользователей социальных сетей, подобного рода общение всё еще носит локальный характер и зависит от усилий отдельных акторов национальной цифровой дипломатии (например, дипломаты шведского посольства в России предпринимают больше усилий в этом направлении, чем их коллеги в США или Дании⁶).

Одним из наиболее распространенных способов взаимодействия между правительственными организациями Швеции и зарубежной аудиторией являются онлайн-сессии в формате «вопрос–ответ» [Aggestam et al., 2021]. Главными действующими лицами на таких мероприятиях зачастую выступают дипломатические работники и представители различных правительственных и неправительственных организаций, которые в течение определенного периода времени отвечают на вопросы зарубежной аудитории. Подобные виртуальные встречи чрезвычайно важны, поскольку способны сделать общение между субъектами и объектами цифровой дипломатии более «живым» (нередко на таких сессиях могут быть получены ответы на

⁵ Twiplomacy Study 2013. Available at: <https://twiplomacy.com/blog/twiplomacy-study-2013/> (accessed: 12.11.2021).

⁶ Официальный сайт посольства Швеции в Москве в сети Facebook. Доступ: <https://www.facebook.com/swedeninru/> (дата обращения: 12.11.2021); The official site of Embassy of Sweden in Copenhagen on Facebook. Available at: <https://www.facebook.com/EmbassyOfSwedenInCopenhagen/> (accessed: 12.11.2021); The official site of Embassy of Sweden in USA on Facebook. Available at: <https://www.facebook.com/swedeninusa/> (accessed: 12.11.2021).

«неудобные» вопросы, содержащие критику внешней и внутренней политики Швеции).

Большое значение для коммуникации в цифровом пространстве имеет и анализ общественного мнения [Metzgar, 2012; Kampf et al., 2015]. Как отмечает американский исследователь Н. Калл, его изучение позволяет лучше понять аудиторию и улучшить текущую практику публичной дипломатии [Cull, 2009, 2019]. С 2016 г. Шведский институт собирает данные на английском, испанском, русском и арабском языках из различных социальных сетей, блогов, форумов, новостных сайтов и др., касающихся любых тем, связанных со Швецией [Grundel, Stenberg, 2019]. Далее эта информация используется как для разработки новых медиакампаний, так и для внесения изменений в текущую практику коммуникации с зарубежной аудиторией.

Тематическое содержание публикаций также способно оказывать влияние на развитие диалога с пользователями Сети. Как правило, материалы, связанные с культурной сферой общественной жизни, помогают сближать субъекта и объекта цифровой дипломатии [Richter, 2008], в то время как политическая тематика может разрушать гармонию в двусторонних отношениях (особенно если речь идет о политической критике). Вероятно, по этой причине многие акторы цифровой дипломатии Швеции (особенно дипломатические представительства) стремятся размещать в социальных сетях значительное число контента, посвященного национальной культуре (например, доля такого материала в публикациях посольства Швеции в Бухаресте в сети Facebook в 2019 г. составляла свыше 50% [Anca, Lăcătuș, 2021]).

Если оценивать шведскую цифровую дипломатию с точки зрения выстраивания диалога с пользователями социальных сетей, то можно заметить, что страна добилась определенных успехов в этой сфере. Однако ее коммуникация с зарубежной аудиторией всё еще зависит от инициативы отдельных акторов, нежели является массовой практикой, используемой в публичной дипломатии Швеции на постоянной основе.

Аудитория как субъект цифровой дипломатии Швеции

Анализ шведской цифровой дипломатии показывает, что страна прилагает определенные усилия, чтобы получить общественную поддержку в социальных сетях. Особенно ярко это проявляется в медиакампаниях, связанных с вопросами гендера [Standish, 2016;

Jezierska, Towns, 2018; Jezierska, 2021)⁷ (борьба с гендерным неравенством на глобальном уровне — одна из важнейших внешнеполитических задач страны⁸).

Так, в 2015 г. Министерство иностранных дел Швеции при поддержке Шведского агентства международного сотрудничества в области развития (Swedish International Development Cooperation Agency, SIDA) выступило инициатором медиакампании «Акушерки для всех», призванной привлечь внимание к глобальному дефициту кадров в акушерстве и связанной с этим высокой смертности среди женщин [Pelling, 2016; Wihlborg, Norstedt, 2017]. Для реализации этой инициативы в социальных сетях Facebook, Twitter, Thunderclap, Instagram размещалась информация с хэштегом #midwives4all, которая должна была стимулировать дискуссию о том, как можно решить проблему недостатка акушерской помощи, особенно в развивающихся странах. К обсуждению данного вопроса достаточно быстро подключились пользователи сетей, в том числе лидеры мнений в ряде стран (например, в Уганде). Таким образом, Швеция не только приняла участие в поиске решения одной из важнейших проблем глобального развития, но и попыталась превратить виртуальную аудиторию в проводника собственной феминистской внешней политики.

Хэштеги как инструмент мобилизации общественности достаточно активно используются шведским правительством в последние годы (в рамках кампаний «Больше женщин — больше мира» [#morewomenmorepeace], «Феминистская пятница» [#feministfriday], «Она решает» [#shedecides] и др.) [Aggestam et al., 2021]. Хотя многие из них сосредоточены на глобальных проблемах женщин, есть и те, которые напрямую затрагивают проблемы мужской аудитории. Например, в 2020 г. Шведский институт запустил кампанию с хэштегом #globalguytalk, посвященную вызовам, с которыми ежедневно сталкиваются мужчины в современном обществе⁹.

⁷ Sanchez P. Colouring diplomacy through feminist and pro-gender bodies and foreign policies // The Hague Journal of Diplomacy. 08.10.2020. Available at: <https://www.universiteitleiden.nl/hjd/news/2020/blog-post---colouring-diplomacy-through-feminist-and-pro-gender-bodies-and-foreign-policies> (accessed: 12.11.2021).

⁸ The official account of the Government of Sweden. Available at: <https://www.government.se/government-policy/feminist-foreign-policy/> (accessed: 12.11.2021).

⁹ The official account of #globalguytalk initiative. Available at: <https://globalguytalk.com/> (accessed: 12.11.2021).

С нашей точки зрения, достаточно сложно оценить эффективность усилий Швеции в области вовлечения аудитории во внешнеполитическую практику страны. Очевидно, однако, что шведское государство постоянно стремится совершенствовать свою работу с зарубежной общественностью в социальных сетях, предлагая достаточно разнообразные решения для этого. Как следствие, такая деятельность находит поддержку у определенной части аудитории, но понять масштабы одобрения виртуальных инициатив шведских правительственных организаций крайне сложно.

* * *

Анализ цифровой дипломатии Швеции позволяет выделить несколько характерных особенностей коммуникации ее ключевых акторов с аудиторией социальных медиа.

Во-первых, эта коммуникация построена на широком использовании различных инновационных медиапроектов. За историю своего существования шведское государство выступило инициатором значительного числа абсолютно уникальных медиапродуктов, которые превратили дипломатию Швеции из традиционной практики в креативную деятельность.

Во-вторых, шведские акторы цифровой дипломатии активно стремятся развивать диалог с зарубежной аудиторией посредством организации онлайн-сессий в формате «вопрос–ответ», мониторинга и анализа общественного мнения, ответов на сообщения пользователей социальных сетей. Подобное стремление нашло отражение как в ходе реализации таких медиапроектов, как «Кураторы Швеции» и «Шведский номер», так и в повседневной деятельности дипломатических представительств и ряда правительственных организаций.

Конечно, цифровая дипломатия Швеции не лишена недостатков. Однако следует понимать, что в современной мировой политике нет ни одного государства, дипломатическая деятельность которого в социальных медиа не вызывала бы критических замечаний, прежде всего с точки зрения выстраивания двусторонней коммуникации. Напротив, использующие цифровую дипломатию государства условно можно разделить на две группы: тех, кто на регулярной основе стремится развивать взаимодействие с аудиторией (как правило, периодически); и тех, кто игнорирует такую возможность (открытие цифровой дипломатии не стало для них переходом от односторонней

коммуникации к двусторонней). В этом отношении Швеция является, безусловно, одним из наиболее активных и последовательных представителей первой группы.

Ключевые акторы цифровой дипломатии Швеции демонстрируют стремление вовлекать пользователей социальных сетей в практику публичной дипломатии, способствуя продвижению внешнеполитических интересов государства за рубежом. Особенно это заметно в реализации ряда инициатив, совпадающих с внешней феминистской политикой страны.

С нашей точки зрения, современная цифровая дипломатия Швеции не только вобрала в себя наиболее передовые идеи и подходы в сфере коммуникации, но и внесла значительный вклад в развитие публичной дипломатии. Опыт данной страны является ярким доказательством того, что успехи в развитии цифровой дипломатии не зависят от размеров государства. Наоборот, энтузиазм шведских дипломатов наряду с креативностью сотрудников правительственных организаций (прежде всего Шведского института) превратил Швецию в одно из ведущих государств в сфере цифровой дипломатии, которым она, вероятно, сумеет остаться и в будущем.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Зольнова М. Общественная дипломатия Швеции // Тренды и управление. 2014. № 2. С. 137–146.
2. Маркушина Н., Парфенёнок Н. Ключевые моменты становления публичной шведской дипломатии и шведского бренда на современном этапе // Оригинальные исследования. 2020. № 10 (3). С. 82–86.
3. Парфенёнок Н. Цифровая дипломатия как часть публичной дипломатии: пример Швеции // Научное обозрение. Серия 2: Гуманитарные науки. 2015. № 5. С. 31–35.
4. Цветкова Н. Феномен цифровой дипломатии в международных отношениях и методология его изучения // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2020. № 2. С. 37–47. DOI: 10.28995/2073-6339-2020-2-37-47.
5. Adesina O., Summers J. Foreign policy in an era of digital diplomacy // Cogent Social Sciences 3. 2017. No. 1. P. 1–13.
6. Aggestam K., Bergman R., Hedling E. Feminist digital diplomacy and foreign policy change in Sweden // Place Branding and Public Diplomacy. 2021. DOI: 10.1057/s41254-021-00225-3. Available at: <https://link.springer.com/content/pdf/10.1057/s41254-021-00225-3.pdf> (accessed: 12.11.2021).

7. Alaimo K. *Pitch, tweet, or engage on the street: How to practice global public relations and strategic communication*. London: Routledge, 2016.

8. Anca A., Lăcătuș M. *Digital diplomacy: The case of the embassy of Sweden in Bucharest diplomacy // Diplomacy, organizations and citizens: A European communication perspective / Ed. by S. Sebastião, S. de Carvalho Spinola*. Springer, 2021. P. 199–218.

9. Bengtsson S. *Virtual nation branding: The Swedish embassy in Second life // Journal of Virtual Worlds Research*. 2011. Available at: <https://journals.tdl.org/jvwr/index.php/jvwr/article/view/2111/5547> (accessed: 12.11.2021).

10. Bolin G., Miazhevich G. *The soft power of commercialized nationalist symbols: Using media analysis to understand nation branding campaigns // European Journal of Cultural Studies*. 2018. No. 21 (5). P. 527–542. DOI: 10.1177/1367549417751153.

11. Bortree D., Seltzer T. *Dialogic strategies and outcomes: An analysis of environmental advocacy groups' Facebook profiles // Public Relations Review*. 2009. No. 35 (3). P. 317–319.

12. Brown R. *The politics of relational public diplomacy // Relational, networked and collaborative approaches to public diplomacy: The connective mindshift / Ed. by R.S. Zaharna, A. Arsenault, A. Fisher*. Routledge, 2013. P. 44–55.

13. Causey C., Howard P. *Delivering digital public diplomacy // Relational, networked and collaborative approaches to public diplomacy: The connective mindshift / Ed. by R.S. Zaharna, A. Arsenault, A. Fisher*. Routledge, 2013. P. 144–156.

14. Christensen C. *@Sweden: Curating a nation on Twitter // Popular Communication*. 2013. No. 11 (1). P. 30–46.

15. Cull N. *The long road to public diplomacy 2.0: The Internet in US public diplomacy // International Studies Review*. 2013. No. 15. P. 123–139.

16. Cull N. *Public diplomacy: Foundations for global engagement in the digital age*. Medford: Polity Press, 2019.

17. Cull N. *Public diplomacy: Lessons from the past*. Los Angeles: Figueroa Press, 2009.

18. Fischer E., Reuber A. *Social interaction via new social media: (How) can interactions on Twitter affect effectual thinking and behavior? // Journal of Business Venturing*. 2011. No. 26 (1). P. 1–18.

19. Glassman J.K. *Public diplomacy 2.0: A new approach to global engagement // U.S Department of State Archive*. 2008. Available at: <http://2001-2009.state.gov/r/us/2008/112605.htm> (accessed: 12.11.2021).

20. Grundel I., Stenberg J. *Social listening: A tool for public diplomacy organizations, 2019*. Available at: <https://usepublicdiplomacy.org/blog/social-listening-tool-public-diplomacy-organizations> (accessed: 12.11.2021).

21. Hanson F. *Baked in and wired: eDiplomacy@State*. Washington: Foreign Policy at Brookings, 2012. Available at: <https://www.brookings.edu/wp-content/uploads/2016/06/baked-in-hansonf-5.pdf> (accessed: 12.11.2021).

22. Hoffman H. Digital public diplomacy on Twitter? The case of @sweden // *International Journal of Diplomacy and Economy*. 2015. No. 4. P. 278–298.
23. Holmes M. Digital diplomacy and international change management // *Digital diplomacy: Theory and practice* / Ed. by C. Bjola, M. Holmes. New York: Palgrave, 2015. P. 13–32.
24. Jezierska K. Incredibly loud and extremely silent: Feminist foreign policy on Twitter // *Cooperation and Conflict*. 2021. Available at: <https://journals.sagepub.com/doi/pdf/10.1177/00108367211000793> (accessed: 12.11.2021).
25. Jezierska K., Towns A. Taming feminism? The place of gender equality in the 'Progressive Sweden' brand // *Place Branding and Public Diplomacy*. 2018. No. 14 (1). P. 55–63.
26. Kampf R., Manor I., Segev E. Digital diplomacy 2.0? A cross-national comparison of public engagement in Facebook and Twitter // *The Hague Journal of Diplomacy*. 2015. Vol. 10. Iss. 4. P. 331–362.
27. Lewis D. Digital diplomacy. Gateway House, 2014. Available at: <https://www.gatewayhouse.in/digital-diplomacy-2/> (accessed: 12.11.2021).
28. Madestam J., Falkman L. Rhetorical construction of political leadership in social media // *Journal of Organizational Change Management*. 2017. No. 30 (3). P. 299–311.
29. Manor I. Are we there yet: Have MFAs realized the potential of digital diplomacy? Results from a cross-national comparison. Leiden: Brill, 2016.
30. Manor I. The digitalization of public diplomacy. New York: Springer, 2019.
31. Melo A. What's in a place? The contribution of strategic communication to placemaking and territorial communication. 2021. Available at: https://repositorium.sdum.uminho.pt/bitstream/1822/73792/1/2021_Melo_What-s-in-a-place.pdf (accessed: 12.11.2021).
32. Metzgar E. Is it the medium or the message? Social media, American public relations & Iran // *Global Media Journal*. 2012. No. 11 (21). P. 1–16.
33. Ocieпка B. Impact of new technologies on international communication: The case of public diplomacy // *Information Science*. 2012. No. 59. P. 24–36.
34. Pamment J. Innovations in public diplomacy and nation brands: Inside the House of Sweden // *Place Branding and Public Diplomacy*. 2011. No. 7. P. 127–135.
35. Pamment J. New public diplomacy in the 21st century. London: Routledge, 2014.
36. Pamment J., Cassinger C. Nation branding and the social imaginary of participation: An exploratory study of the Swedish Number campaign // *European Journal of Cultural Studies*. 2018. No. 21 (5). P. 561–574.
37. Pelling J. Public diplomacy in the age of networks: Midwives4all // *Place Branding and Public Diplomacy*. 2016. No. 12 (2–3). P. 201–209.
38. Pelling J. When doing becomes the message: The case of Swedish digital diplomacy // *Digital diplomacy: Theory and practice* / Ed. by C. Bjola, M. Holmes. New York: Palgrave, 2015. P. 164–180.

39. Richter C. International broadcasting and intercultural dialogue: Deutsche Welle in the Arab World // *Arab Media & Society*. 2008. Iss. 6. Available at: https://www.researchgate.net/publication/242462994_International_Broadcasting_and_Intercultural_Dialogue_Deutsche_Welle_in_the_Arab_World (accessed: 12.11.2021).

40. Rosamond A. Swedish feminist foreign policy and 'gender cosmopolitanism' // *Foreign Policy Analysis*. 2020. No. 2. P. 217–235.

41. Sevin E. Public diplomacy and the implementation of foreign policy in the US, Sweden and Turkey. Cham: Palgrave Macmillan, 2017.

42. Standish R. How Sweden is pursuing its 'feminist foreign policy' in the age of Erdogan, Putin, and Trump // *Foreign Policy*. 2016. Available at: <https://foreignpolicy.com/2016/07/29/how-sweden-is-pursuing-its-feminist-foreign-policy-in-the-age-of-erdogan-putin-and-trump-wallstrom-hultqvist/> (accessed: 12.11.2021).

43. Strauß N., Kruikemeier S., Meulen van der H., Noort van G. Digital diplomacy in GCC countries: Strategic communication of Western embassies on Twitter // *Government Information Quarterly*. 2015. No. 32 (4). P. 369–379.

44. Wihlborg E., Norstedt A. New ways and actors when diplomacy goes digital. The e-diplomacy campaign @Midwives4All // The 50th Hawaii International Conference on System Sciences. 2017. Available at: <https://www.diva-portal.org/smash/get/diva2:1134243/FULLTEXT01.pdf> (accessed: 12.11.2021).

REFERENCES

1. Zol'nova M. 2014. Obshchestvennaya diplomatiya Shvetsii [Public diplomacy of Sweden]. *Trendy i upravlenie*, no. 2, pp. 137–146. (In Russ.)

2. Markushina N., Parfenyonok N. 2020. Klyuchevye momenty stanovleniya publichnoi shvedskoi diplomatii i shvedskogo brenda na sovremennom etape [Key insights in the development of public Swedish diplomacy and the Swedish brand at the present stage]. *Original'nye issledovaniya*, no. 10 (3), pp. 82–86. (In Russ.)

3. Parfenyonok N. 2015. Tsifrovaya diplomatiya kak chast' publichnoi diplomatii: primer Shvetsii [Digital diplomacy as a component of public diplomacy: Swedish case]. *Nauchnoe obozrenie. Seriya 2: Gumanitarnye nauki*, no. 5, pp. 31–35. (In Russ.)

4. Tsvetkova N. 2020. Fenomen tsifrovoi diplomatii v mezhdunarodnykh otnosheniyakh i metodologiya ego izucheniya [The digital diplomacy as a phenomenon of international relations: Research methodology]. *Vestnik RGGU. Seriya 'Politologiya. Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya'*, no. 2, pp. 37–47. DOI: 10.28995/2073-6339-2020-2-37-47. (In Russ.)

5. Adesina O., Summers J. 2017. Foreign policy in an era of digital diplomacy. *Cogent Social Sciences*, no. 1, pp. 1–13.

6. Aggestam K., Bergman R., Hedling E. 2021. Feminist digital diplomacy and foreign policy change in Sweden. *Place Branding and Public Diplomacy*.

DOI: 10.1057/s41254-021-00225-3. Available at: <https://link.springer.com/content/pdf/10.1057/s41254-021-00225-3.pdf> (accessed: 12.11.2021).

7. Alaimo K. 2016. *Pitch, tweet, or engage on the street: How to practice global public relations and strategic communication*. London, Routledge.

8. Anca A., Lăcătuș M. 2021. Digital diplomacy: The case of the embassy of Sweden in Bucharest diplomacy. In: Sebastião S., de Carvalho Spínola S. (eds.). *Diplomacy, organizations and citizens: A European communication perspective*. Springer, pp. 199–218.

9. Bengtsson S. 2011. Virtual nation branding: The Swedish embassy in Second life. *Journal of Virtual Worlds Research*. Available at: <https://journals.tdl.org/jvwr/index.php/jvwr/article/view/2111/5547> (accessed: 12.11.2021).

10. Bolin G., Miazhevich G. 2018. The soft power of commercialized nationalist symbols: Using media analysis to understand nation branding campaigns. *European Journal of Cultural Studies*, no. 21 (5), pp. 527–542. DOI: 10.1177/1367549417751153.

11. Bortree D., Seltzer T. 2009. Dialogic strategies and outcomes: An analysis of environmental advocacy groups' Facebook profiles. *Public Relations Review*, no. 35 (3), pp. 317–319.

12. Brown R. 2013. The politics of relational public diplomacy. In: Zaharna R.S., Arsenault A., Fisher A. (eds.). *Relational, networked and collaborative approaches to public diplomacy: The connective mindshift*. Routledge, pp. 44–55.

13. Causey C., Howard P. 2013. Delivering digital public diplomacy. In: Zaharna R.S., Arsenault A., Fisher A. (eds.). *Relational, networked and collaborative approaches to public diplomacy: The connective mindshift*. Routledge, pp. 144–156.

14. Christensen C. 2013. @Sweden: Curating a nation on Twitter. *Popular Communication*, no. 11 (1), pp. 30–46.

15. Cull N. 2013. The long road to public diplomacy 2.0: The Internet in US public diplomacy. *International Studies Review*, no. 15, pp. 123–139.

16. Cull N. 2019. *Public diplomacy: Foundations for global engagement in the digital age*. Medford, Polity Press.

17. Cull N. 2009. *Public diplomacy: Lessons from the past*. Los Angeles, Figueroa Press.

18. Fischer E., Reuber A. 2011. Social interaction via new social media: (How) can interactions on Twitter affect effectual thinking and behavior? *Journal of Business Venturing*, no. 26 (1), pp. 1–18.

19. Glassman J.K. 2008. Public diplomacy 2.0: A new approach to global engagement. *U.S Department of State Archive*. Available at: <http://2001-2009.state.gov/r/us/2008/112605.htm> (accessed: 12.11.2021).

20. Grundel I., Stenberg J. 2019. *Social listening: A tool for public diplomacy organizations*. Available at: <https://uscpublicdiplomacy.org/blog/social-listening-tool-public-diplomacy-organizations> (accessed: 12.11.2021).

21. Hanson F. 2012. *Baked in and wired: eDiplomacy@State*. Washington, Foreign Policy at Brookings. Available at: <https://www.brookings.edu/wp-content/uploads/2016/06/baked-in-hansonf-5.pdf> (accessed: 12.11.2021).
22. Hoffman H. 2015. Digital public diplomacy on Twitter? The case of @sweden. *International Journal of Diplomacy and Economy*, no. 4, pp. 278–298.
23. Holmes M. 2015. Digital diplomacy and international change management. In: Bjola C., Holmes M. (eds.). *Digital diplomacy: Theory and practice*. New York, Palgrave, pp. 13–32.
24. Jezierska K. 2021. Incredibly loud and extremely silent: Feminist foreign policy on Twitter. *Cooperation and Conflict*. DOI: 10.1177/00108367211000793. Available at: <https://journals.sagepub.com/doi/pdf/10.1177/00108367211000793> (accessed: 12.11.2021).
25. Jezierska K., Towns A. 2018. Taming feminism? The place of gender equality in the ‘Progressive Sweden’ brand. *Place Branding and Public Diplomacy*, no. 14 (1), pp. 55–63.
26. Kampf R., Manor I., Segev E. 2015. Digital diplomacy 2.0? A cross-national comparison of public engagement in Facebook and Twitter. *The Hague Journal of Diplomacy*, vol. 10, iss. 4, pp. 331–362. DOI: 10.1163/1871191X-12341318.
27. Lewis D. 2014. Digital diplomacy. *Gateway House*. Available at: <https://www.gatewayhouse.in/digital-diplomacy-2/> (accessed: 12.11.2021).
28. Madestam J., Falkman L. 2017. Rhetorical construction of political leadership in social media. *Journal of Organizational Change Management*, no. 30 (3), pp. 299–311.
29. Manor I. 2016. *Are we there yet: Have MFAs realized the potential of digital diplomacy? Results from a cross-national comparison*. Leiden, Brill.
30. Manor I. 2019. *The digitalization of public diplomacy*. New York, Springer.
31. Melo A. *What’s in a place? The contribution of strategic communication to placemaking and territorial communication*. Available at: https://repositorium.sdum.uminho.pt/bitstream/1822/73792/1/2021_Melo_What-s-in-a-place.pdf (accessed: 12.11.2021).
32. Metzgar E. 2012. Is it the medium or the message? Social media, American public relations & Iran. *Global Media Journal*, no. 11 (21), pp. 1–16.
33. Ocieпка B. 2012. Impact of new technologies on international communication: The case of public diplomacy. *Information Science*, no. 59, pp. 24–36.
34. Pamment J. 2011. Innovations in public diplomacy and nation brands: Inside the House of Sweden. *Place Branding and Public Diplomacy*, no. 7, pp. 127–135.
35. Pamment J. 2014. *New public diplomacy in the 21st century*. London, Routledge.
36. Pamment J., Cassinger C. 2018. Nation branding and the social imaginary of participation: An exploratory study of the Swedish Number campaign. *European Journal of Cultural Studies*, no. 21 (5), pp. 561–574. DOI: 10.1177/1367549417751152.

37. Pelling J. 2016. Public diplomacy in the age of networks: Midwives4all. *Place Branding and Public Diplomacy*, no. 12 (2–3), pp. 201–209.

38. Pelling J. 2015. When doing becomes the message: The case of Swedish digital diplomacy. In: Bjola C., Holmes M. (eds.). *Digital diplomacy: Theory and practice*. New York, Palgrave, pp. 164–180.

39. Richter C. 2008. International broadcasting and intercultural dialogue: Deutsche Welle in the Arab World. *Arab Media & Society*, iss. 6. Available at: https://www.researchgate.net/publication/242462994_International_Broadcasting_and_Intercultural_Dialogue_Deutsche_Welle_in_the_Arab_World (accessed: 12.11.2021).

40. Rosamond A. 2020. Swedish feminist foreign policy and ‘gender cosmopolitanism’. *Foreign Policy Analysis*, no. 2, pp. 217–235. DOI: 10.1093/fpa/orz025.

41. Sevin E. 2017. *Public diplomacy and the implementation of foreign policy in the US, Sweden and Turkey*. Cham, Palgrave Macmillan.

42. Standish R. 2016. How Sweden is pursuing its ‘feminist foreign policy’ in the age of Erdogan, Putin, and Trump. *Foreign Policy*. Available at: <https://foreignpolicy.com/2016/07/29/how-sweden-is-pursuing-its-feminist-foreign-policy-in-the-age-of-erdogan-putin-and-trump-wallstrom-hultqvist/> (accessed: 12.11.2021).

43. Strauß N., Kruikemeier S., Meulen van der H., Noort van G. 2015. Digital diplomacy in GCC countries: Strategic communication of Western embassies on Twitter. *Government Information Quarterly*, no. 32 (4), pp. 369–379.

44. Wihlborg E., Norstedt A. 2017. New ways and actors when diplomacy goes digital. The e-diplomacy campaign @Midwives4All. *The 50th Hawaii International Conference on System Sciences*. Available at: <https://www.diva-portal.org/smash/get/diva2:1134243/FULLTEXT01.pdf> (accessed: 12.11.2021).

Статья поступила в редакцию 14.11.2021; одобрена после рецензирования 07.12.2021; принята к публикации 08.12.2021.

The paper was submitted 14.11.2021; approved after reviewing 07.12.2021; accepted for publication 08.12.2021.

МЕЖДУНАРОДНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ INTERNATIONAL SECURITY

DOI: 10.48015/2076-7404-2021-13-4-182-204

Научная статья / Research paper

А.Ю. Липова*

МАШИНА ПРОТИВ ЧЕЛОВЕКА: ДИСКУССИИ В ЭКСПЕРТНОМ СООБЩЕСТВЕ ВОКРУГ СМЕРТОНОСНЫХ АВТОНОМНЫХ СИСТЕМ

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
119991, Москва, Ленинские горы, 1*

В последнее время проблематика регулирования автономных систем вооружений приобрела качественно новое значение. Несмотря на то что разработка данного типа оружия началась еще в XX в., технологический прогресс открывает возможности полностью роботизировать боевые системы, исключив участие человека при их эксплуатации. В данном контексте возникает целый ряд этико-правовых и нормативных коллизий, которые мировому сообществу еще предстоит разрешить. В рамках настоящей статьи предпринята попытка проанализировать дискуссии в западном и отечественном экспертных сообществах вокруг проблем и перспектив использования смертоносных автономных систем (САС). Автор отмечает, что в ключевых вопросах взгляды российских и зарубежных исследователей совпадают, разница заключается скорее в степени интенсивности соответствующего дискурса — на Западе он значительно более активен. В настоящий момент наиболее интенсивная полемика среди как отечественных, так и западных экспертов ведется по двум направлениям: вокруг проблемы реальной и возможной автономности смертоносных систем и связанной с ней проблемы подотчетности, а также вокруг перспектив правового регламентирования использования САС на международном уровне. При этом и российские, и зарубежные эксперты сходятся во мнении, что современное международное гуманитарное право (МГП) не

* Липова Анастасия Юрьевна — соискатель кафедры международной безопасности факультета мировой политики МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: stasiawaris@gmail.com).

способно адекватно решить вопросы, которые возникают в связи со всё более активной разработкой и внедрением САС. Всё это указывает на необходимость скорейшей адаптации МГП к реалиям современной эпохи, что в свою очередь требует принятия согласованных мер со стороны ведущих государств и международных организаций.

Ключевые слова: смертоносные автономные системы, международное гуманитарное право, проблема подотчетности, ситуационная осведомленность, искусственный интеллект, международная безопасность, стратегическая стабильность.

Для цитирования: Липова А.Ю. Машина против человека: дискуссии в экспертном сообществе вокруг смертоносных автономных систем // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2021. Т. 13. № 4. С. 182–204. DOI: 10.48015/2076-7404-2021-13-4-182-204.

Anastasiya Yu. Lipova

**MAN AGAINST MACHINE:
DEBATES IN THE EXPERT COMMUNITY
ON THE LETHAL AUTONOMOUS SYSTEMS**

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, Russia, 119991*

In the recent years debates surrounding the autonomous weapons systems development and regulation have gained a new momentum. Despite the fact that the development of such type of weapons continues since the twentieth century, recent technological advances open up new possibilities for development of completely autonomous combat systems that will operate without human intervention. In this context, international community faces a number of ethical, legal, and regulatory issues. This paper examines the ongoing debates in both the Western and the Russian expert community on the challenges and prospects for using lethal autonomous systems. The author notes that Russian and Western discourses on most of the issues have very much in common and differences are found mainly in the intensity of debates — in the West they are much more active. In both cases the most active debates focus around two issues: the potential implications of fully autonomous weapons systems including the unclear line of accountability, and the prospects for international legal regulation of the use of lethal autonomous weapons. Both the Russian and the Western experts agree that the contemporary international humanitarian law is unable to handle the

challenges posed by aggressive development of the lethal autonomous weapons. All this points to the need to adapt the international humanitarian law to the new realities, which, in turn, requires concerted actions from leading states and international organizations.

Keywords: lethal autonomous weapons, international humanitarian law, accountability, situational awareness, artificial intelligence, international security, strategic stability.

About the author: *Anastasiya Yu. Lipova* — PhD Candidate at the Chair of International Security, School of World Politics, Lomonosov Moscow State University (e-mail: stasiawaris@gmail.com).

For citation: Lipova A.Yu. 2021. Man against machine: Debates in the expert community on the lethal autonomous systems. *Moscow University Bulletin of World Politics*, vol. 13, no. 4, pp. 182–204. DOI: 10.48015/2076-7404-2021-13-4-182-204. (In Russ.)

Постановка проблемы

Военная сфера неразрывно связана с технологическим развитием и оказывает существенное влияние на темпы роста инноваций, поскольку традиционно обеспечивает технологический прогресс и становится проводником внедрения новых технологий в повседневную жизнь. Один из новейших трендов развития военных технологий в настоящее время — разработка автономных систем вооружений (*autonomous weapons systems*)¹.

Механизация военных действий началась еще в Античности, а высокоавтоматизированные системы вооружений появились в ходе Второй мировой войны, однако существовавшие ранее машины требовали постоянного человеческого вовлечения во все процессы. Новизна автономных систем, активная разработка которых началась в конце XX в. и происходит в настоящее время, заключается в их полной роботизации и предполагаемой эксплуатации без участия человека. Таким образом, сегодня общество приближается к совершенно новому этапу технологического развития, в котором человек рискует перестать быть единственным источником принятия решений. Снижение роли человека в военных действиях порождает ряд этико-моральных

¹ Horowitz M.C. Ban killer robots? How about defining them first? // *Bulletin of the Atomic Scientists*. 24.06.2016. Available at: <https://thebulletin.org/2016/06/ban-killer-robots-how-about-defining-them-first/> (accessed: 12.09.2021).

проблем, вокруг которых в последние годы развернулись активные дискуссии в экспертном сообществе. В рамках настоящей статьи предпринята попытка проанализировать процесс осмысления настоящей проблематики в западном и отечественном экспертных сообществах с целью в первую очередь осветить этические и правовые аспекты применения смертоносных автономных систем (САС).

В целом роботизированное оружие по степени вмешательства человека в его работу можно разделить на три категории:

- оружие, требующее участия человека в схеме принятия решений (автоматизированное оружие, *human in the loop*);
- оружие, за работой которого следит человек (полуавтономное оружие, *human on the loop*);
- оружие, не требующее вмешательства человека (полностью автономное, как в случае САС, *human out of the loop*)².

На сегодняшний день разработка автономных систем вооружений стала одной из приоритетных задач, стоящих перед военно-промышленными комплексами многих стран. В рамках марафона «Новое знание» министр обороны РФ С.К. Шойгу заявил о существовании «не просто экспериментальных образцов, а роботов»³, которые способны воевать самостоятельно. Министр рассказал также о подготовке к созданию первого подразделения в Российской армии, состоящего из 20 роботов. Сейчас на вооружении находится боевой дрон «Уран-9», созданный для осуществления огневой поддержки и разведывательной деятельности. Автономные системы используются и для действий на воде и под водой (например, российский робот «Посейдон» имеет ядерный двигатель и способен нести как ядерное, так и обычное вооружение). На стадии разработки находится и полуавтономное оружие, которое уже используется некоторыми странами. Например, робот Samsung SGR-A1 (Security Guard Robot), разработанный компанией Samsung Techwin совместно с Корейским университетом, помогает южнокорейским войскам патрулировать демилитаризованную зону между КНДР и Республикой Корея. Этот робот может распознать нарушителя, нацелиться на него и совер-

² Autonomous weapon systems technical, military, legal and humanitarian aspects // ICRC. 01.11.2014. Available at: <https://www.icrc.org/en/document/report-icrc-meeting-autonomous-weapon-systems-26-28-march-2014> (accessed: 10.09.2021).

³ Шойгу заявил о производстве в России серийных боевых роботов // РИА Новости. 22.05.2021. Доступ: <https://ria.ru/20210521/robot-1733352974.html> (дата обращения: 10.09.2021).

шить выстрел, тем не менее оператор-человек по-прежнему вовлечен в процесс нанесения удара и подтверждает необходимость выстрела⁴. Примерами полуавтономных систем также являются: Super aEgis II⁵, стоящий на вооружении Катара и ОАЭ, британский беспилотник Tanaris⁶, который может осуществлять наблюдение, определять цели, собирать данные и наносить удары; российская мобильная система «Соратник»⁷, технически способная атаковать цели самостоятельно; израильская система «Гарпия»⁸, предназначенная для обнаружения и поражения целей; американский робот Recon Scout и многие другие. Необходимо отметить: все проекты по разработке и эксплуатации вооруженных систем разной степени автономности реализуются в строжайшей секретности, что затрудняет процесс определения степени их готовности.

При этом на данный момент активно используется автоматизированное оружие, требующее участия человека в цепочке принятия решений: например, такие системы противовоздушной обороны, как Patriot Missile System или United State Navy System, которая автоматически защищает корабли от приближающихся ракет, или «Железный купол» Израиля. Внедряются автономные вертолеты (K-MAX) и самолеты (X-47B), запрограммированные летать по определенным маршрутам и совершать некоторый порядок действий, например взлетать и приземляться на авианосец. Кроме того, разрабатываемые дроны с дистанционным управлением (Terminator американской компании Lockheed Martin или SkyStriker израильской компании Elbit Systems) используются для контроля пограничных зон. Такое оружие находит большую поддержку в экспертном сообществе [Leveringhaus, 2016], тем не менее существует позиция, согласно которой отсутствие непосредственного визуального контакта с про-

⁴ Васильков А. Искусственный интеллект в боевых роботах // Компьютерра. 26.09.2018. Доступ: <https://www.computerra.ru/231205/Iskusstvennyj-Intellekt-V-Voeyuh-Robotah/> (дата обращения: 10.09.2021).

⁵ Super Aegis II robot // Army Guide. 16.07.2015. Available at: <http://www.army-guide.com/index.php> (accessed: 10.09.2021).

⁶ Taranis — беспилотник Великобритании // Вымпел-В. 18.08.2014. Доступ: <http://vimpel-v.com/guns/avia/bpla/1067-taranis-bespilotnik-velikobritanii.html> (дата обращения: 10.09.2021).

⁷ Там же. С. 4.

⁸ Барражирующие боеприпасы семейства IAI Harpy (Израиль) // Военное обозрение. 25.02.2018. Доступ: <https://topwar.ru/154495-barrazhirujuschie-boepripasy-semejstva-iai-harpy-izrail.html> (дата обращения: 10.09.2021).

тивником ведет к увеличению количества жертв, так как технологии создают среду, где легче совершать насилие [Benjamin, 2013].

Что касается полуавтономного оружия, находящегося под управлением оператора (например, Samsung SGR A-1), то, по мнению Ноэля Шарки, профессора Шеффилдского университета по вопросам искусственного интеллекта и робототехники, содиректора Фонда ответственной робототехники и председателя Международного комитета по контролю над роботизированным оружием (ICRAC), операторы, контролирующие работу системы, в большинстве случаев принимают рекомендации компьютера при выборе стратегии или конкретных шагов на поле боя. Нехватка времени приводит к тому, что операторы не анализируют имеющиеся у них данные, игнорируют двусмысленность сообщений системы и подавляют свои сомнения. Таким образом, наличие у оператора возможности остановить автономное оружие не гарантирует качественного выполнения работы, так как «предвзятость» автоматизации влияет на человека⁹.

Полностью автономное оружие находится в стадии разработки, но создание и вероятное развертывание САС повлечет за собой ряд серьезных проблем. Неизвестно, смогут ли эти системы принимать сложные этические решения на динамичном поле боя, проводить черту между солдатами и гражданскими лицами и оценивать пропорциональность применения силы. Другие проблемы, связанные с развертыванием полностью автономного оружия, включают непредсказуемое поведение, потерю контроля, аварии и неправильное использование [Krishnan, 2009].

Ключевые направления дебатов в западном экспертном сообществе

С 2014 г. этические и правовые аспекты применения САС рассматривались на ежегодных неофициальных совещаниях экспертов в рамках конференций по соблюдению Конвенции по «негуманному» оружию (КНО)¹⁰. В 2016 г. на 5-й обзорной конференции КНО было

⁹ Шарки Н., Канунникова Т. Автономное оружие представляет угрозу для международной безопасности // РСМД. 19.03.2020. Доступ: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/military-and-security/avtonomnoe-oruzhie-predstavlyaet-ugrozu-dlya-mezhdunarodnoy-bezopasnosti/> (дата обращения: 15.09.2021).

¹⁰ Convention on prohibitions or restrictions on the use of certain conventional weapons which may be deemed to be excessively injurious or to have indiscriminate effects // ICRC. 28.11.2003. Available at: https://www.icrc.org/en/doc/assets/files/other/icrc_002_0811.pdf (accessed: 15.09.2021).

решено формализовать этот процесс и учредить группу правительственных экспертов по вопросу автономных систем оружия летального действия. Эта группа открыта для всех заинтересованных сторон, включая государства, международные организации, гражданское общество, научно-экспертное сообщество и представителей бизнес-среды.

На первой встрече экспертов в Женеве участники закрепили, что любые роботизированные разработки должны соответствовать нормам международного гуманитарного права (МГП) и ключевым правам человека, в частности праву на жизнь, на человеческое достоинство. Так, оговорка Мартенса, которая фигурирует в преамбуле Гаагской конвенции 1899 г. (II), говорит, что даже если то или иное положение прямо не предусмотрено статьями действующего права, то в ситуациях вооруженных конфликтов сторонам необходимо в первую очередь руководствоваться принципами гуманности, человечности и здравого смысла¹¹. Более того, все системы оружия, новые технологии должны быть использованы в соответствии с МГП, прежде всего — с правилами ведения военных действий. Ответственность за обеспечение этого принципа лежит в первую очередь на том государстве, которое разрабатывает новые технологии ведения войны. Кроме того, важно отметить «принципы гуманности», вытекающие из Всеобщей декларации прав человека 1948 г.¹² и Международного пакта о гражданских и политических правах 1966 г.¹³, а также ст. 36 Дополнительного протокола I 1977 г. к Женевским конвенциям 1949 г.¹⁴ о новых видах оружия.

Если говорить о главных противоречиях, возникающих в экспертной среде, то в первую очередь необходимо сказать о проблеме единой терминологии в отношении смертоносных систем вооружений. Так, Министерство обороны США в специальной директиве

¹¹ Ibid. P. 9.

¹² Всеобщая декларация прав человека // Генеральная Ассамблея ООН: Декларации. 10.12.1948. Доступ: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml (дата обращения: 12.09.2021).

¹³ Международный пакт о гражданских и политических правах // Генеральная Ассамблея ООН: Конвенции и соглашения. 16.12.1966. Доступ: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol.shtml (дата обращения: 12.09.2021).

¹⁴ Дополнительный протокол к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 года, касающийся защиты жертв международных вооруженных конфликтов // ICRC. 08.06.1977. Доступ: https://www.icrc.org/ru/doc/assets/files/2013/ap_i_rus.pdf (дата обращения: 12.09.2021).

дает следующее определение: «автономные системы вооружения — боевые автономные роботизированные системы, <...> которые после активации могут выбирать и поражать цели без дальнейшего вмешательства оператора»¹⁵. Неправительственная организация Human Rights Watch в свою очередь определяет смертоносные системы вооружений как роботов, «способных выбирать цели и применять силу без какого-либо вмешательства со стороны человека»¹⁶. Свою позицию обозначил и Международный комитет Красного Креста (МККК), трактующий САС как оружие, способное «самостоятельно <...> разыскивать, выявлять и поражать цели», а также «функционировать вне жестко заданных пространственно-временных рамок, сталкиваясь с разнообразными быстроменяющимися обстоятельствами»¹⁷. В этом отношении удачной представляется дефиниция, сформулированная отечественным исследователем Н.А. Синяевой, которая определяет смертоносные системы вооружений как «любую систему оружия с автономией в своих критических функциях, то есть систему вооружения, которая может выбирать и атаковать цели без вмешательства человека» [Синяева, 2021: 269].

Самые активные дискуссии идут вокруг вопроса о передаче процесса принятия решения о жизни и смерти автономным системам. Распространенная в экспертной среде точка зрения состоит в том, что такой поворот событий может сделать войну более бесчеловечной и снизить порог применения силы. Тем не менее часть экспертов утверждают, что автономные системы вооружений потенциально будут наносить меньше сопутствующего ущерба, так как сократят вероятность ошибки и увеличат точность¹⁸. Так, профессор факультета международного права Военно-морского колледжа США М. Шмитт полагает, что нелогично запрещать оружие на стадии его разработки, а также трудно и преждевременно говорить о его

¹⁵ Directive 3000.09 on autonomy in weapon systems // FAS. 21.11.2012. Available at: https://irp.fas.org/doddir/dod/d3000_09.pdf (accessed: 12.09.2021).

¹⁶ Killer robots // Human Rights Watch. 02.08.2021. Available at: <https://www.hrw.org/topic/arms/killer-robots> (accessed: 12.09.2021).

¹⁷ Автономные системы вооружения: вопросы и ответы // Международный комитет Красного Креста. Доступ: <https://www.icrc.org/ru/doc/resources/documents/faq/q-and-a-autonomous-weapons.htm> (дата обращения: 12.09.2021).

¹⁸ Schmitt M.N. Autonomous weapon systems and international humanitarian law: A reply to the critics // National Security Journal. 05.02.2013. Available at: <https://harvardnsj.org/2013/02/Autonomous-Weapon-Systems-And-International-Humanitarian-Law-A-Reply-To-The-Critics/> (accessed: 12.09.2021).

большем ущербе по сравнению с техникой, управляемой человеком. Кроме того, если говорить об экспертах — сторонниках использования САС, то стоит упомянуть о профессоре Университета Дэлхаузи Д. Макинтоше, который утверждает, что «важно не то, чтобы был существенный человеческий контроль, а то, что необходимо иметь моральный контроль» [Galliot et al., 2021: 13]. Он также задается вопросом о природе моральной стороны человека, заявляя, что между плохим человеком, готовым убить абсолютно невинного, и хорошим роботом, убивающим только того, кто заслуживает смерти, следует выбрать именно хорошего робота. Однако подобные воззрения подверглись достаточно серьезной критике как в западном, так и в отечественном экспертном сообществе. Впрочем, и среди критиков использования САС нет единства.

Так, П. Асаро, один из главных противников применения САС, вице-председатель неправительственной организации «Международный комитет по контролю над роботизированными вооружениями», отмечает, что МГП, регулирующие вооруженные конфликты, а также правила, по которым они ведутся, подразумевают абсолютную необходимость вовлечения человека в процесс принятия решения. Эксперт предлагает обновить существующие международные нормы, включив в них запрет на автономные системы вооружений. Более того, П. Асаро считает необходимым разработать принцип, согласно которому убийство человека требует осознанного и взвешенного человеческого решения [Asaro, 2012]. Наряду с П. Асаро вопрос справедливости убийства человека роботом исследуют Дж. Гэллиотт [Galliot, 2016] и А. Леверинхаус [Leveringhaus, 2016]. Все они говорят о необходимости пересмотра системы международных норм, что в настоящем контексте выглядит весьма закономерно.

В то же время К. Хейнс, директор Института международного и сравнительного права в Африке при Преторийском университете и член Комитета по правам человека ООН отмечает текущую неспособность автоматизированных вооружений совершать точное прицеливание, а также отсутствие у автономных систем человеческого суждения, здравого смысла, понимания намерений, ценностей и ожиданий людей. Позиция ученого заключается в том, что автономное оружие не должно использоваться без человеческого контроля даже в случае его соответствия правовым нормам, так как его эксплуатация будет преступлением против права каждого человека на жизнь (из-за сбоев, которые может допустить система,

и отсутствия подотчетности). Он также подчеркивает, что «использование машинами смертоносного насилия против людей, делает их способными принимать практически любое другое решение — от самых обыденных до тех, которые могут определить, будет ли сохранена человеческая жизнь» [Heuns, 2017: 50]. В своем докладе¹⁹ в ООН в 2013 г. К. Хейнс призвал установить мораторий на разработку роботов-убийц, утверждая, что полученное время позволило бы найти ответы на существующие вопросы в рамках использования САС.

С ним солидарна Л. Сачмэн, профессор антропологии науки и техники Ланкастерского университета в Великобритании. Л. Сачмэн утверждает, что машины не могут удовлетворить требование ситуационной осведомленности. Она приводит аргументы, подтверждающие тезис о том, что автономные системы вооружений не только не имеют ситуационного понимания в настоящее время, но и не смогут им обладать в обозримом будущем [Suchman, 2016].

Аналогичных взглядов придерживаются и ведущие международные, некоммерческие и неправительственные организации, выступающие против разработки и внедрения САС. Так, Международный комитет по контролю над роботизированным оружием (ICRAC) отмечает «отсутствие четких научных доказательств того, что роботизированное оружие имеет или может иметь в обозримом будущем функциональные возможности, необходимые для точного определения цели, ситуационной осведомленности или принятия решений относительно пропорционального применения силы», и полагают, что «решения о применении силы не могут делегироваться машинам»²⁰. Организация Human Rights Watch совместно с Международной комиссией прав человека заявила, что такого «оружия не должно существовать в соответствии с международным гуманитарным правом, потому что [его использование] увеличит риск смерти или ранения гражданских лиц во время вооруженных конфликтов»²¹.

¹⁹ Хейнс С. Доклад специального докладчика по вопросу о внесудебных казнях, казнях без надлежащего судебного разбирательства или произвольных казнях // Генеральная Ассамблея ООН. 09.04.2013. Доступ: <https://undocs.org/ru/A/HRC/23/47> (дата обращения: 10.09.2021).

²⁰ Scientists call for a ban // Campaign to stop killer robots. 16.10.2013. Available at: <https://www.stopkillerrobots.org/2013/10/scientists-call/> (accessed: 19.09.2021).

²¹ Losing humanity. The case against killer robots // Human Rights Watch. 19.11.2012. Available at: <https://www.hrw.org/report/2012/11/19/losing-humanity/case-against-killer-robots> (accessed: 10.09.2021).

В свою очередь организация Campaign to stop killer robots, которая включает более тысячи экспертов в области искусственного интеллекта, выступила с заявлением: «Позволить машинам принимать решения о жизни или смерти противоречит фундаментальным принципам морали» [Galliot et al., 2021: 2].

Важно отметить, что идея запрета автоматизированных систем не ограничивается сферой этико-философских дискуссий, а уже вышла на уровень практической политики. В 2014 г. в рамках КНО по инициативе Франции было проведено первое совещание экспертов по автономным системам вооружений, в котором приняли участие представители 87 стран. В рамках четырехдневного совещания эксперты обсудили технические, этические, социальные, правовые и оперативные проблемы, связанные с данными системами²².

Группы экспертов и международных организаций регулярно направляют в ООН открытые письма с призывами о запрете дальнейшей разработки и использования САС²³. Крупные технологические компании и их представители также не стоят в стороне и критикуют идею создания полностью автономного оружия. Некоторые из них публично заявляют об отказе работать в этом направлении, например Clearpath Robotics²⁴. В 2017 г. 116 компаний, специализирующихся на искусственном интеллекте и робототехнике, опубликовали письмо с призывом к государствам — участникам КНО принять меры по ограничению автономного оружия.

При этом некоторые исследователи, например П. Берген и Д. Ротенберг, отмечают, что, поскольку искусственный интеллект и робототехника могут быть применены во благо человечества в социальных и экономических сферах, в рамках переговорного процесса по автономному оружию следует избегать слишком жестких требований в отношении имплементации дополнительного законодательства или, тем более, полного запрета использования САС

²² Report of the 2014 informal meeting of experts on lethal autonomous weapons systems (LAWS) // UNDOCS. 09.05.2014. Available at: <https://undocs.org/pdf?symbol=en/ccw/msp/2014/3> (accessed: 15.09.2021).

²³ Кеффер Л. Более 100 специалистов требуют от ООН запретить разработку автономного оружия // Коммерсантъ. 21.08.2017. Доступ: <https://www.kommersant.ru/doc/3389860> (дата обращения: 19.09.2021).

²⁴ Hennessey M. Clearpath Robotics takes stance against 'killer robots' // Clearpath Robotics. 13.08.2014. Available at: <https://clearpathrobotics.com/blog/2014/08/clearpath-takes-stance-against-killer-robots/> (accessed: 19.09.2021).

[Bergen, Rothenberg, 2014]. Тем не менее, как признают ученые, двойное использование этих технологий (в военных и гражданских целях) также означает, что автономная система, изначально предназначенная для гражданского использования, может быть превращена в смертоносное оружие, и это усложняет проблему [Margulies, 2018].

Дискуссия о возможностях и допустимости применения САС соприкасается с еще одной активно дебатруемой в экспертной среде проблемой, связанной с потенциальной угрозой со стороны искусственного интеллекта. Так, профессор философии Р. Спэрроу [Sparrow, 2007] резко негативно относится к использованию искусственного интеллекта в военной сфере, в том числе в так называемых роботах-убийцах. В своей статье он в некоторой степени предвосхитил современные дебаты вокруг автономных систем вооружений. В первую очередь Р. Спэрроу говорит о невозможности привлечения машин, основанных на искусственном интеллекте, к ответственности, в то время как в рамках классических представлений о ведении войны всегда можно это сделать в отношении человека, отдавшего приказ. Однако ученый признает и невозможность остановить процесс внедрения искусственного интеллекта в военную сферу.

В противовес ему выступает специалист по робототехнике Р. Аркин [Arkin, 2010], который утверждает, что внедрение искусственного интеллекта сделает военные действия более гуманными.

В целом в основе дискуссии об угрозе со стороны искусственного интеллекта лежат опасения, что он в итоге может развить способности, превосходящие его создателей, тем самым став неконтролируемым. Речь идет о том, что искусственный интеллект может выйти не только за рамки человеческого контроля, но и за границы человеческого понимания. Однако такое развитие событий, как признают большинство экспертов, возможно только при совпадении целого ряда обстоятельств, которые в совокупности приведут к превращению искусственного интеллекта в «монстра», способного нести угрозу человечеству.

Сейчас же на первый план выходят более точечные вопросы. Например, Ю. Альтман и Ф. Сауэр в своем исследовании поднимают проблему подотчетности. Их позиция заключается в том, что использование полностью автономного оружия влечет дополнительные трудности в определении того, кто должен нести юридическую ответственность за действия робота: командир, программист, изгото-

товитель или сам робот. Это в свою очередь ставит вопрос о том, не останутся ли противозаконные действия, совершенные посредством САС, безнаказанными [Altmann, Sauer, 2017]. Дж. Кааг и С. Крепс полагают, что юридическая ответственность должна лежать на тех, кто планирует операции, принимает стратегические решения и активирует процесс атаки, и что она не может быть перенесена на автономные системы [Кааг, Крепс, 2014]. В этом контексте некоторые эксперты также предостерегают от предоставления САС правосубъектности [Crootof, 2016]. Подчеркивается, что роботы не способны быть самостоятельными субъектами, что за них всегда кто-то несет ответственность, и она должна лежать именно на операторе машин.

Проблема подотчетности волнует не только экспертное сообщество, но и международные организации. Так, МККК неоднократно подчеркивал необходимость и с юридической, и с этической точки зрения наличия контроля со стороны человека над действиями автономного оружия (выбор цели, атака) и считает САС, находящиеся вне контроля оператора, незаконными²⁵.

Эти опасения разделяет Г. Тамбуррини, итальянский эксперт в вопросах робототехники, который в своей работе «О запрете систем автономного оружия: от деонтологических до широких логических причин» утверждает, что автономные системы вооружений «потенциально угрожают глобальной безопасности больше, чем многие другие обычные вооружения» [Tamburrini, 2016: 140]. Он обосновывает это тем, что использование автономных систем устранит какие-либо препятствия для начала военных конфликтов. По мнению Г. Тамбуррини, автономные системы могут также ослабить традиционные факторы ядерного сдерживания, которые основаны на взаимном гарантированном уничтожении, так как данные системы могут быть использованы для нанесения обезоруживающих ударов по стратегическим ядерным силам противника для лишения его возможности нанести ответный ядерный удар. Г. Тамбуррини отмечает, что автономные системы даже без элемента «смертоносности» будут оказывать глобальное дестабилизирующее воздействие [Tamburrini, 2016]. К аналогичным выводам приходят Дж. Гэллиотт и Дж. Шольц, которые полагают, что уже в ближайшие десятиле-

²⁵ Heed the call. A moral and legal imperative to ban killer robots // Human Rights Watch. 21.08.2018. Available at: https://www.hrw.org/report/2018/08/21/heed-call/moral-and-legal-imperative-ban-killer-robots#_Ftn115 (accessed: 19.09.2021).

тия развитие автономных систем может подорвать стратегическую стабильности и привести к пересмотру принципов сдерживания [Galliot, Scholz, 2018].

По мнению ряда зарубежных исследователей, например Х. Перритта, Э. Шпарга [Perritt, Sprague, 2016] и М. Кларе²⁶, проблемой мирового сообщества и международной безопасности может стать и неконтролируемое распространение автономных вооруженных систем, которое может спровоцировать новую гонку вооружений. К. Андерсон и М. Ваксман также отмечают, что неконтролируемое распространение САС может стать причиной их использования внутри какого-либо государства против местного населения (например, террористическими группировками и негосударственными субъектами) [Anderson, Waxman, 2013]. В конечном счете распространение САС может иметь серьезные отрицательные последствия для всего человечества.

Таким образом, подавляющее большинство западных исследователей сходятся во мнении, что в настоящий момент развитие САС скорее вредит обществу и международной безопасности. В то же время ученые констатируют, что сейчас не существует инструмента для ограничения разработок такого рода систем.

Смертоносные автономные системы: взгляды российских экспертов

Тема развития автономных систем вооружений довольно активно дебатруется и в российском экспертном сообществе. Внимание отечественных исследователей привлекают в первую очередь вопросы, связанные с потенциальным воздействием САС непосредственно на военную сферу.

В этом отношении следует выделить работы В. Козюлина, профессора Академии военных наук, директора проекта по новым технологиям и международной безопасности ПИР-Центра²⁷. Автор не только анализирует текущую ситуацию вокруг движения за запрет «автономных боевых роботов», но и ищет возможные варианты правового регулирования роботизированных систем. Он отмечает,

²⁶ Klare M.T. Autonomous weapons systems and the laws of war // Arms Control Association. 12.03.2019. Available at: <https://www.armscontrol.org/Act/2019-03/Features/Autonomous-Weapons-Systems-Laws-War> (accessed: 12.09.2021).

²⁷ Козюлин В. «Роботы-убийцы» на площадке ООН // Коммерсантъ. 15.11.2017. Доступ: <https://www.kommersant.ru/doc/3467291> (дата обращения: 12.09.2021).

что будет чрезвычайно сложно полностью запретить роботов-убийц ввиду наличия терминологической путаницы, сложившейся на международном уровне не только вокруг термина «смертоносные автономные системы», но и вокруг определения самого понятия «оружие»²⁸. При этом автор выделяет три группы угроз со стороны автономных систем вооружений:

– исключение человека из цикла принятия решений — это порождает проблему «человеческого контроля», которая, как было показано выше, тесно связана с определением ответственных за действия роботов;

– возможный риск нарушения стратегической стабильности: появление «в ядерной сфере высокоточных тактических ядерных бомб и гиперзвуковых аппаратов с новыми ядерными боеголовками; в космической области — беспилотных космических дронов, систем низкоорбитальных спутников наблюдения и связи»²⁹ может привести к определенной реконфигурации существующей стратегической стабильности;

– сокращение времени на принятие решений, когда человек уже не успевает адекватно среагировать на выбор, сделанный машиной (уже сейчас существует ряд программ (Maven, Diamond Shield, Пентагон), которые способны самостоятельно формировать сценарии для политического и военного руководства на основе сбора и анализа данных.

В этом отношении САС создают ситуацию новой гонки вооружений, а кибер- и гиперзвуковое оружие способно стать также средством стратегического сдерживания. Неядерные страны получают возможность формировать собственный потенциал как для сдерживания, так и для удара по противнику. Это ведет к определенной нивелировке роли ядерного оружия и системы контроля, связанной с ним. Кроме того, возникает риск технологического и военного отрыва одной из стран, повышения международной и региональной нестабильности, а также угроза распространения данных технологий среди негосударственных акторов. Всё это повышает риск возникновения нового полномасштабного конфликта.

²⁸ Козюлин В. Три группы угроз смертоносных автономных систем // РСМД. 01.11.2018. Доступ: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/tri-gruppy-ugroz-smertonosnykh-avtonomnykh-sistem/> (дата обращения: 12.09.2021).

²⁹ Там же. С. 28.

Не меньшее внимание уделяется проблемам нормативно-правового регулирования САС. Отечественный эксперт Н.А. Синяева заостряет внимание на последствиях разработки автономных систем для международного права и говорит о том, что «обладание таким оружием может побудить государства снизить порог применения силы и, как следствие, увеличить частоту нападений» [Синяева, 2020: 74]. Она утверждает, что любое исключение человека из решения об убийстве является потенциально опасным [Синяева, 2020].

В свою очередь В. Архипов и В. Наумов поднимают вопрос о перспективах юридического регулирования разработки и применения автономных систем в рамках российского законодательства. Так, они предложили ввести две новые категории: «просто робот» и «робот-агент». «Просто робот» обозначает устройство, получающее информацию из внешнего мира без помощи человека, при этом правосубъектностью оно не наделяется, тогда как «робот-агент», по предложению упомянутых авторов, должен получить определенную правосубъектность, поскольку это «робот, который по решению собственника и в силу конструктивных особенностей предназначен для участия в гражданском обороте» [Архипов, Наумов, 2017: 50]. Стоит отметить, что, несмотря на отсутствие прямого выхода на военную проблематику в данной работе, в ней рассматриваются важные вопросы наделения роботов субъектностью, что в дальнейшем может быть спроецировано и на автономные системы вооружений.

Этико-правовым аспектам применения САС много внимания уделяет В.Н. Плакса. Он отмечает неспособность автономных систем различать гражданские и военные объекты, мирное население и комбатантов. В этой связи исследователь говорит о необходимости постоянного контроля со стороны человека за автономными системами вооружений, особенно при выборе целей, и подчеркивает, что это важно в контексте соблюдения норм МГП. При этом автор акцентирует два ключевых фактора, необходимых для обеспечения соблюдения норм международного права при использовании САС: предсказуемость и надежность [Плакса, 2020]. Первая обозначает степень уверенности в действиях автономной системы вооружений в разных условиях, вторая же характеризует стабильность функционирования роботов по назначению и без сбоев (в некоторой степени надежность — это мера того, насколько часто робот терпит неудачу). Проблему предсказуемости действий САС и их соответствия нормам МГП затрагивает в своей работе и Е.А. Голубенко [Голубенко, 2017].

Вопрос правового регулирования автономных систем поднимают также А.Ю. Скуратова и Е. Королькова [Скуратова, Королькова, 2019], которые отмечают сложность внедрения качественно новых технологий в военную сферу. Преимуществами автономных систем они считают способность быстро получать и обрабатывать информацию, принимать на ее основе решения, что может позволить сократить количество жертв среди военнослужащих в ходе боевых операций. К этому авторы добавляют потенциально большую гуманность роботов в сравнении с военнослужащими-людьми. В то же время исследователи признают, что отсутствие у роботов каких-либо эмоций может быть направлено как на пользу, так и во вред: оно может минимизировать негативное воздействие «человеческого фактора» в бою, но способно привести и к чрезмерной жестокости со стороны машин, лишенных эмпатии, что в конечном счете грозит обернуться большими жертвами, особенно среди гражданского населения.

Проблемы и перспективы развития автономных систем вооружений в контексте МГП рассматривает А.С. Сорочкин, который особое внимание уделяет вопросу определения ответственных в случае нарушения роботом законов и обычаев войны [Сорочкин, 2018]. С точки зрения характеристики взглядов российских авторов на проблему подотчетности примечательна также работа А.В. Овчарова и А.В. Козлова, которые рассуждают о возможности полной криминализации САС на международном уровне. По замечанию авторов, вопрос «кто несет ответственность?» остается открытым: это должен быть либо непосредственно оператор роботов, либо производитель и разработчик САС [Овчаров, Козлов, 2019].

На существовании «серых зон» в рамках международного права в том, что касается регламентации использования САС, заостряют внимание Н. Маркоткин³⁰ и В. Сычев³¹. При этом Н. Маркоткин делает оговорку, что в настоящий момент не представляется возможным полностью ограничить разработку САС на международном уровне ввиду существования своего рода гонки в этой сфере между

³⁰ Маркоткин Н. Близкие контакты третьего тысячелетия // РСМД. 28.09.2018. Доступ: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/blizkie-kontakty-tretego-tysyacheletiya/> (дата обращения: 25.09.2021).

³¹ Сычев В. Роботы-убийцы: неминуемая угроза? // ЮНЕСКО Курьер. 10.03.2018. Доступ: <https://ru.unesco.org/courier/2018-3/roboty-ubiytsy-neminuemaya-ugroza> (дата обращения: 25.09.2021).

ведущими государствами. В свою очередь Б.Ю. Дерешко говорит о необходимости включения дополнительного протокола в КНО для регулирования САС [Дерешко, 2018].

В целом взгляды российских экспертов носят более практико-ориентированный характер и направлены на рассмотрение конкретных проблем регламентации использования САС в рамках международного права. Этической стороне вопроса, на которой сосредоточено западное экспертное сообщество, уделяется сравнительно меньше внимания.

* * *

Развитие САС является одной из наиболее дебатированных проблем современной международной безопасности. При этом на настоящем этапе как в отечественном, так и в зарубежном экспертном сообществе наблюдаются глубокие расхождения в оценках данной проблемы. Если сравнивать взгляды российских и зарубежных экспертов, то можно отметить, что в ключевых аспектах они совпадают, разница заключается скорее в степени интенсивности соответствующего дискурса: на Западе он несравнимо активнее. При этом если на начальном этапе всё экспертное сообщество было в большей степени озабочено вопросами ответственности за применение смертоносных автоматизированных машин, то сейчас можно отметить больший «крен» западных исследований в сторону рассмотрения этических аспектов и вопросов применения роботов против человека. Однако все эксперты сходятся во мнении о необратимости дальнейшего развития технологий, в том числе военных, в направлении разработки автоматизированных систем.

Наиболее активная полемика в рамках как отечественного, так и западного экспертного сообщества ведется по двум направлениям: вокруг проблемы реальной и возможной автономности смертоносных систем и связанной с ней проблемы подотчетности, а также вокруг перспектив правового регламентирования использования САС на международном уровне. На эти дискуссии накладываются и споры о разработке искусственного интеллекта, который должен непосредственно управлять автоматизированной системой.

Если говорить о регулировании САС в рамках МГП, то, безусловно, большинство экспертов настаивают на необходимости совершенствования норм международного права в этой сфере. Однако

стоит заметить, что международное право довольно несовершенно даже в отношении регулирования обычного оружия. Что же тогда говорить о только нарождающемся виде вооружений?

В этой связи часть исследователей сходятся во мнении, что современное МГП не способно решить задачи, которые перед ним стоят на этом направлении. Возникает вопрос о создании «нового» МГП, адекватного современной эпохе, которое могло бы помочь заложить основу для дальнейшей регламентации разработки и снижения негативного воздействия САС на общество.

Дебаты о подотчетности САС вращаются вокруг перспективы применения такого оружия против человека и потенциального достижения «превосходства» роботов над людьми. Большинство экспертов в настоящий момент заявляют, что подобное развитие событий маловероятно. Гораздо более реальной представляется ситуация, при которой САС будут использоваться для сокрытия подлинных целей определенных политических сил (владельцев этих систем, будь то государства или отдельные фирмы) и как средство, позволяющее избежать ответственности за совершенные действия.

Можно подытожить, что в целом и российское, и зарубежное экспертное сообщество сходятся в признании потенциально дестабилизирующего и труднопредсказуемого воздействия САС на международные отношения, что требует принятия согласованных мер со стороны ведущих государств и международных организаций по предотвращению подобного сценария.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Архипов В.В., Наумов В.Б. Искусственный интеллект и автономные устройства в контексте права: о разработке первого в России закона о робототехнике // Труды СПИИРАН. 2017. № 6 (55). С. 46–62. DOI: 10.15622/sp.55.2.

2. Голубенко Е.А. Автономные системы вооружения и международное гуманитарное право // Вестник академии военных наук. 2017. № 2 (59). С. 101–106.

3. Дерешко Б.Ю. Ограничение смертоносных автономных систем вооружений: инициатива дополнить Конвенцию ООН о «негуманном» оружии // Вестник военного права. 2018. № 1. С. 86–87.

4. Козюлин В.Б. Смертоносные автономные системы вооружений: проблемы современного международно-правового регулирования и перспективы их решения // Международная жизнь. 2019. № 2. С. 82–94.

5. Овчаров А.В., Козлов А.В. Применение смертоносных автономных систем вооружения требует уголовно-правовой регламентации // *Военное право*. 2019. № 5 (57). С. 179–186.

6. Плакса В.Н. Правовая защита гражданского населения и гражданской инфраструктуры при ведении военных действий с использованием автономных систем вооружений // *Вестник военного права*. 2020. № 2. С. 72–81.

7. Синяева Н.А. Автономная военная робототехника: историко-правовые аспекты // *Военное право*. 2021. № 3 (67). С. 265–270.

8. Синяева Н.А. Проблемы применения международного гуманитарного права к автономным системам вооружения // *Право в вооруженных силах*. 2020. № 12 (281). С. 66–75.

9. Скуратова А.Ю., Королькова Е.Е. Смертоносные автономные системы вооружений: проблемы международно-правового регулирования // *Российский юридический журнал*. 2019. № 1 (124). С. 22–30.

10. Сорочкин А.С. Автономные системы вооружения в контексте норм международного гуманитарного права // *Вестник военного права*. 2018. № 4. С. 25–33.

11. Altmann J., Sauer F. Autonomous weapon systems and strategic stability // *Survival*. 2017. Vol. 59. No. 5. P. 117–142. DOI: 10.1080/00396338.2017.1375263.

12. Anderson K., Waxman M. Law and ethics for autonomous weapon systems. Why a ban won't work and how the laws of war can // *Stanford University Law Essay Series*. 2013. No. 11. P. 13–351.

13. Arkin R.C. The case for ethical autonomy in unmanned systems // *Journal of Military Ethics*. 2010. Vol. 9. No. 4. P. 332–341. DOI: 10.1080/15027570.2010.536402.

14. Asaro P. On banning autonomous lethal systems: Human rights, automation, and the dehumanization of lethal decision-making // *International Review of the Red Cross*. 2012. Vol. 94. No. 886. P. 687–709. DOI: 10.1017/S1816383112000768.

15. Benjamin M. *Drone warfare: Killing by remote control*. London: Verso, 2013.

16. Bergen L., Rothenberg D. *Drone wars: Transforming conflict, law, and policy*. Cambridge: Cambridge University Press, 2014. DOI: 10.1017/CBO9781139198325.

17. Crotoof R. Autonomous weapon systems and the limits of analogy // *Harvard National Security Journal*. 2016. Vol. 9. No. 51. P. 51–83.

18. Gallioth J. *Military robots: Mapping the moral landscape*. London: Routledge, 2016. DOI: 10.4324/9781315595443.

19. Gallioth J., MacIntosh D., Ohlin J.D. *Lethal autonomous weapons: Re-examining the law and ethics of robotic warfare*. Oxford: Oxford University Press, 2021. DOI: 10.1093/oso/9780197546048.001.0001.

20. Gallioth J., Scholz J. AI in weapons: The moral imperative for minimally — just autonomy // *Journal of Indo-Pacific Affairs*. 2018. Vol. 1. No. 2. P. 57–67.

21. Heyns C. Autonomous weapons in armed conflict and the right to a dignified life: An African perspective // *South African Journal on Human Rights*. 2017. Vol. 33. No. 1. P. 46–71. DOI: 10.1080/02587203.2017.1303903.

22. Kaag J., Kreps S. *Drone warfare*. New York: John Wiley & Sons Publ., 2014.

23. Krishnan A. *Killer robots. Legality and ethicality of autonomous weapons*. London: Routledge, 2009. DOI: 10.4324/9781315591070.

24. Leveringhaus A. *Ethics and autonomous weapons*. London: Palgrave Pivot, 2016. DOI: 10.1057/978-1-137-52361-7_2.

25. Margulies P. The other side of autonomous weapons: Using artificial intelligence to enhance IHL compliance // *Legal Studies Paper*. 2018. No. 182.

26. Perritt H., Sprague E. *Domesticating drones: The technology, law, and economics of unmanned aircraft*. London: Routledge, 2016. DOI: 10.4324/9781315577999.

27. Sparrow R. Killer robots // *Journal of Applied Philosophy*. 2007. Vol. 24. No. 1. P. 62–77. DOI: 10.1111/j.1468-5930.2007.00346.x.

28. Suchman L.A. Situational awareness and adherence to the principle of distinction as a necessary condition for lawful autonomy // *Lethal autonomous weapons systems: Technology, definition, ethics, law & security* / Ed. by R. Geiss, H. Lahmann. Berlin: German Federal Foreign Office, 2016. P. 273–283.

29. Tamburrini G. On banning autonomous weapons systems: From deontological to wide consequentialist reasons // *Autonomous weapons systems: Law, ethics, policy* / Ed. by N. Bhuta, S. Beck. Cambridge: Cambridge University Press, 2016. P. 122–142. DOI: 10.1017/CBO9781316597873.

REFERENCES

1. Arkhipov V.V., Naumov V.B. 2017. *Iskusstvennyi intellekt i avtonomnye ustroystva v kontekste prava: o razrabotke pervogo v Rossii zakona o robototekhnike* [Artificial intelligence and autonomous devices in legal context: On development of the first Russian law on robotics]. *Trudy SPIIRAN*, no. 6 (55), pp. 46–62. DOI: 10.15622/sp.55.2. (In Russ.)

2. Golubenko E.A. 2017. *Avtonomnye sistemy vooruzheniya i mezhdunarodnoe gumanitarnoe pravo* [Autonomous weapon systems and international humanitarian law]. *Vestnik Akademii voennykh nauk*, no. 2 (59), pp. 101–106. (In Russ.)

3. Dereshko B.Yu. 2018. *Ogranichenie smertonosnykh avtonomnykh sistem vooruzhenii: initsiativa dopolnit' konventsiyu OON o 'negumannom' oruzhii* [Limitation of deadly autonomous weapons systems: Initiative to extend the UN convention on 'inhuman' weapons]. *Vestnik voennogo prava*, no. 1, pp. 86–87. (In Russ.)

4. Kozyulin V.B. 2019. *Smertonosnye avtonomnye sistemy vooruzhenii: problemy sovremennogo mezhdunarodno-pravovogo regulirovaniya i perspe-*

ktiviy ikh resheniya [Lethal autonomous weapons systems: Problems of current international legal regulation and prospects for resolving them]. *International affairs*, no. 2, pp. 82–94. (In Russ.)

5. Ovcharov A.V., Kozlov A.V. 2019. Primenenie smertonosnykh avtonomnykh sistem vooruzheniya trebuet ugolovno-pravovoi reglamentatsii [The use of lethal autonomous systems weapons require criminal law regulations]. *Military law*, no. 5 (57), pp. 179–186. (In Russ.)

6. Plaksa V.N. 2020. Pravovaya zashchita grazhdanskogo naseleniya i grazhdanskoi infrastruktury pri vedenii voennykh deistvii s ispol'zovaniem avtonomnykh sistem vooruzhenii [Legal protection of the civilian population and civil infrastructure in the conduct of hostilities using autonomous weapons systems]. *Vestnik voennogo prava*, no. 2, pp. 72–81. (In Russ.)

7. Sinyaeva N.A. 2021. Avtonomnaya voennaya robototekhnika: istoriko-pravovye aspekty [The self-powered military robotics: Historical and legal aspects]. *Voennoe parvo*, no. 3 (67), pp. 265–270. (In Russ.)

8. Sinyaeva N.A. 2020. Problemy primeneniya mezhdunarodnogo gumanitarnogo prava k avtonomnym sistemam vooruzheniya [Challenges for the application of international humanitarian law to autonomous weapons systems]. *Pravo v vooruzhennykh silakh — voenno-pravovoe obozrenie*, no. 12 (281), pp. 66–75. (In Russ.)

9. Skuratova A.Yu., Korol'kova E.E. 2019. Smertonosnye avtonomnye sistemy vooruzhenii: problemy mezhdunarodno-pravovogo regulirovaniya [Lethal autonomous weapons systems: Problems of international legal regulation]. *Rossiiskii yuridicheskii zhurnal*, no. 1 (124), pp. 22–30. (In Russ.)

10. Sorochkin A.S. 2018. Avtonomnye sistemy vooruzheniya v kontekste norm mezhdunarodnogo gumanitarnogo prava [Autonomous weapons systems in the context of international humanitarian law]. *Vestnik voennogo prava*, no. 4, pp. 25–33. (In Russ.)

11. Altmann J., Sauer F. 2017. Autonomous weapon systems and strategic stability. *Survival*, vol. 59, no. 5, pp. 117–142. DOI: 10.1080/00396338.2017.1375263.

12. Anderson K., Waxman M. 2013. Law and ethics for autonomous weapon systems. Why a ban won't work and how the laws of war can. *Stanford University Law Essay Series*, no. 11, pp. 13–351.

13. Arkin R.C. 2010. The case for ethical autonomy in unmanned systems. *Journal of Military Ethics*, vol. 9, no. 4, pp. 332–341. DOI: 10.1080/15027570.2010.536402.

14. Asaro P. 2012. On banning autonomous lethal systems: Human rights, automation, and the dehumanization of lethal decision-making. *International review of the Red Cross*, vol. 94, no. 886, pp. 687–709. DOI: 10.1017/S1816383112000768.

15. Benjamin M. 2013. *Drone warfare: Killing by remote control*. London, Verso.

16. Bergen L., Rothenberg D. 2014. *Drone wars: Transforming conflict, law, and policy*. Cambridge, Cambridge University Press. DOI: 10.1017/CBO9781139198325.

17. Crotoof R. 2016. Autonomous weapon systems and the limits of analogy. *Harvard National Security Journal*, vol. 9, no. 51, pp. 51–83.

18. Gallioth J. 2016. *Military robots: Mapping the moral landscape*. London, Routledge. DOI: 10.4324/9781315595443.

19. Gallioth J., MacIntosh D., Ohlin J.D. 2021. *Lethal autonomous weapons: Re-examining the law and ethics of robotic warfare*. Oxford, Oxford University Press. DOI: 10.1093/oso/9780197546048.001.0001.

20. Gallioth J., Scholz J. 2018. AI in weapons: The moral imperative for minimally — just autonomy. *Journal of Indo-Pacific Affairs*, vol. 1, no. 2, pp. 57–67.

21. Heyns C. 2017. Autonomous weapons in armed conflict and the right to a dignified life: An African perspective. *South African Journal on Human Rights*, vol. 33, no. 1, pp. 46–71. DOI: 10.1080/02587203.2017.1303903.

22. Kaag J., Kreps S. 2014. *Drone warfare*. New York, John Wiley & Sons Publ.

23. Krishnan A. 2009. *Killer robots. Legality and ethicality of autonomous weapons*. London, Routledge. DOI: 10.4324/9781315591070.

24. Leveringhaus A. 2016. *Ethics and autonomous weapons*. London, Palgrave Pivot. DOI: 10.1057/978-1-137-52361-7_2.

25. Margulies P. 2018. The other side of autonomous weapons: Using artificial intelligence to enhance IHL compliance. *Legal Studies Paper*, no. 182.

26. Perritt H., Sprague E. 2016. *Domesticating drones: The technology, law, and economics of unmanned aircraft*. London, Routledge. DOI: 10.4324/9781315577999.

27. Sparrow R. 2007. Killer robots. *Journal of Applied Philosophy*, vol. 24, no. 1, pp. 62–77. DOI: 10.1111/j.1468-5930.2007.00346.x.

28. Suchman L.A. 2016. Situational awareness and adherence to the principle of distinction as a necessary condition for lawful autonomy. In: Geiss R., Lahmann H. (eds.). *Lethal autonomous weapons systems: Technology, definition, ethics, law & security*. Berlin, German Federal Foreign Office, pp. 273–283.

29. Tamburrini G. 2016. On banning autonomous weapons systems: From deontological to wide consequentialist reasons. In: Bhuta N., Beck S. (eds.). *Autonomous weapons systems: Law, ethics, policy*. Cambridge, Cambridge University Press, pp. 122–142. DOI: 10.1017/CBO9781316597873.

Статья поступила в редакцию 28.01.2021; одобрена после рецензирования 03.12.2021; принята к публикации 11.12.2021.

The paper was submitted 28.01.2021; approved after reviewing 03.12.2021; accepted for publication 11.12.2021.

**УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ И МАТЕРИАЛОВ,
ОПУБЛИКОВАННЫХ В ЖУРНАЛЕ
«ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА.
СЕРИЯ 25: МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ
И МИРОВАЯ ПОЛИТИКА» В 2021 Г.**

Статьи	№	С.
Слово практикам		
Нарышкин А.А. Экономическая дипломатия Российской Федерации: перспективы развития эффективной системы поддержки экспорта	1	3–31
Внешняя политика России и стран СНГ		
Артеев С.П. Внешняя политика России: «мягкая сила» регионов	1	32–57
Международная безопасность		
Криволапов О.О. Дискуссии о роли американской ПРО театра военных действий в региональном сдерживании России и Китая	1	58–84
Кузнецов Е.А. Роль коммерческого космоса в системе национальной безопасности США при администрации Д. Трампа	1	85–119
Липова А.Ю. Машина против человека: дискуссии в экспертном сообществе вокруг смертоносных автономных систем	4	182–204
Региональные проблемы мировой политики		
Понамарева А.М. Евроинтеграция как триггер сербского этнопаратизма в Боснии и Герцеговине	1	120–156
Мелкумян Е.С. Изменение подходов Совета сотрудничества арабских государств Залива к проблемам безопасности после «арабской весны»	4	105–130
Косач Г.Г. Во имя национальных интересов: внешняя политика Саудовской Аравии после «арабской весны»	4	131–161
Международные отношения на постсоветском пространстве		
Притчин С.А. В зеркале транзитологии: особенности процессов смены власти в странах Центральной Азии и Южного Кавказа	4	7–42
Кокошина З.А. Военно-политическая обстановка в Центральной Азии в контексте обострения ситуации в Афганистане	4	43–80
Малышев Д.В. Шанхайская организация сотрудничества и ее роль в системе современных международных отношений (к 20-летию создания ШОС)	4	81–104

Статьи	№	С.
История международных отношений и внешней политики		
Хахалкина Е.В., Дзюба В.С. Локарнские соглашения 1925 г. в контексте трансформации Версальской системы: взгляд из Лондона	1	157–195
Лунев С.М. Образ Великобритании в советской прессе в контексте гражданской войны в Испании (1936–1939)	1	196–222
«Мягкая сила» в мировой политике		
Марчуков А.Н. Цифровая дипломатия Швеции: в поисках диалога	4	162–181
(Не)совершенное отражение: популизмы политические системы современности		
От редакции	2	7–12
Фишман Л.Г. «Пустой знак»: концепт «популизма» в современном политологическом мейнстриме	2	13–32
Глухова А.В. Популизм в XXI веке: временно, надолго, навсегда?	2	33–61
Прохоренко И.Л. Феномен левого популизма в Испании	2	62–86
Белинский А.В., Хорольская М.В. «Еще один кирпич в стене». К вопросу о причинах национализма в «новых» федеральных землях ФРГ	2	87–125
Шлыков П.В. Популизм в политической культуре Турции: внешне-политическое измерение	2	126–170
Хейфец В.Л. Внешняя политика А.М. Лопеса Обрадора: декларации и реалии	2	171–202
От количества к качеству: становление Китая как глобальной державы		
От редакции	3	7–11
Ли Инань. Советский фактор в военно-техническом сотрудничестве США и КНР в годы холодной войны	3	12–47
Хань Шиин. Взгляд китайских исследователей на ход и результаты военных реформ в России (с 1990-х годов по настоящее время)	3	46–74
Королёв А.Н. Балансы сил, угроз и интересов: логика стратегического сближения Китая и России в постбиполярный период	3	75–111
Песцов С.К. Дебаты о переменах во внешней политике современного Китая (по материалам англоязычных исследований)	3	112–150
Сафронова Е.И. Китайская экономическая дипломатия до и во время пандемии COVID-19	3	151–189
Потапов Д.А. Международные аспекты либерализации инвестиционного законодательства КНР на примере отношений с Европейским союзом	3	190–224
Научные обзоры и рецензии		
Лебедева Т.Ю., Минаева Л.В., Кривоносов А.Д. Пандемия как фактор трансформации парадигмы международной коммуникации. <i>Рецензия на книгу S. Fouks «Pandémie médiatique. Com de crise / crise de com»</i>	1	223–240
Ноженко М.В. Многоликость правого популизма. <i>Рецензия на книгу «Правый популизм: глобальный тренд и региональные особенности» под редакцией Л.С. Окуневой и А.И. Тэвдой-Бурмули</i>	2	203–216

**COMPLETE LIST OF PAPERS PUBLISHED
IN «MOSCOW UNIVERSITY BULLETIN
OF WORLD POLITICS» IN 2021**

Papers	№	P.
Insights from Policy Practitioners		
Naryshkin A.A. Economic Diplomacy of the Russian Federation: Prospects for the Development of an Effective Export Support System	1	3–31
Foreign Policy of Russia and the CIS Countries		
Arteev S.P. Foreign Policy of Russia: ‘Soft Power’ of the Regions . . .	1	32–57
International Security		
Krivolapov O.O. Debates on the Role of the US Theatre Missile Defense in Regional Deterrence of Russia and China	1	58–84
Kuznetsov E.A. The Role of the Commercial Space Industry within the US National Security under the Trump Administration	1	85–119
Lipova A.Yu. Man against Machine: Debates in the Expert Community on the Lethal Autonomous Systems	4	182–204
Regional Issues of World Politics		
Ponomareva A.M. Eurointegration as a Trigger for the Serbian Ethnic Separatism in Bosnia and Herzegovina	1	120–156
Melkumyan E.S. The Evolution of the Gulf Cooperation Council Approaches to Security Issues after the Arab Spring	4	105–130
Kosach G.G. In the Name of the National Interests: Foreign Policy of Saudi Arabia after the Arab Spring	4	131–161
International Relations in the Post-Soviet Space		
Pritchkin S.A. In the Mirror of Transitory: The Politics of Power Alternation in the Caucasus and Central Asia	4	7–42
Kokoshina Z.A. The Military-Political Situation in Central Asia in the Context of the Growing Instability in Afghanistan	4	43–80
Malyshev D.V. The Shanghai Cooperation Organization and its Role in the Contemporary System of International Relations (On the 20th Anniversary of the SCO)	4	81–104
History of International Relations and Foreign Policy		
Khakhalkina E.V., Dzyuba V.S. Locarno Treaties (1925) in the Context of the Versailles System Transformation as seen from London . . .	1	157–195
Lunev S.M. The Image of Great Britain in the Soviet Press in the Context of the Spanish Civil War (1936–1939)	1	196–222

Papers	№	P.
‘Soft Power’ in World Politics		
Marchukov A.N. In Search of a Dialogue: Digital Diplomacy of Sweden	4	162–181
(Im)perfect reflection: populism and contemporary political systems		
Editorial Note	2	7–12
Fishman L.G. ‘Empty Signifier’: The Concept of ‘Populism’ in the Contemporary Mainstream Political Science	2	13–32
Glukhova A.V. ‘Populism in the 21st Century: Today, Tomorrow, Always?’	2	33–61
Prokhorenko I.L. Left-Wing Populism in Spain	2	62–86
Belinskii A.V., Khorol’skaya M.V. 2021. ‘Another Brick in the Wall’. On the Origins of Nationalism in the ‘New’ Federal States of Germany	2	87–125
Shlykov P.V. Populism in the Political Culture of Turkey: The Foreign Policy Dimension	2	126–170
Jeifets V.L. Foreign Policy of A.M. Lopez Obrador: Declarations and Reality	2	171–202
From quantity to quality: China becoming a global power		
Editorial Note	3	7–11
Li Yanan. The Soviet Factor in the US-China Military-Technical Cooperation during the Cold War Period	3	12–47
Han Shiyang. Chinese Scholars on the Progress and Outcomes of the Military Reforms in Russia (from the 1990s till Present)	3	48–74
Korolev A.N. Balances of Power, Threat, and Interests: The Logic behind China-Russia Strategic Alignment in the Post-Cold War Period	3	75–111
Pestsov S.K. Debates on Changes in the Foreign Policy of Contemporary China (A Case Study of the English Language Academic Publications)	3	112–150
Safronova E.I. Chinese Economic Diplomacy before and during the COVID-19 Pandemic	3	151–189
Potapov D.A. International Aspects of Investment Liberalization in the PRC: A Case of EU-China Cooperation	3	190–224
Review Essays and Book Reviews		
Lebedeva T.Yu., Minaeva L.V., Krivonosov A.D. COVID-19 Pandemic as a Factor for the Paradigm Shift in International Communications. <i>Book Review of ‘Pandémie médiatique. Com de crise/crise de com’ by S. Fouks</i>	1	223–240
Nozhenko M.V. Many Faces of the Right-Wing Populism. <i>Book Review of ‘Right-Wing Populism: Global Trend and Regional Features’ ed. by L.S. Okuneva, A.I. Tevdoi-Burmuli</i>	2	203–216